

По зову смертных
Эмилия Эд

18+

Эмилия Эд

По зову смертных

<https://litres.ru/73403218>

SelfPub; 2026

Аннотация

Во Всемирии существовало восемь башен Богов: Зарождение, Покаяние, Почитания, Воля, Магия, Закон, Жизнь, Границы.

Но однажды на свет рождается тот, кого и за человека не считали, несмотря по воле крови и наследию. Законный принц Всемирия У Ливэй. По его приказу всё Всемирие отреклось от Небесных жителей, и все Башни были снесены.

И после он совершил ещё одно богохульство: вознёс-таки одну единственную башню. Носящую цифру ноль, а имя ей было Бесконечность.

Юн Лулянь, молодой парень из увядшего магического рода, проданный своими родными, прибывает в столицу Всемирия, которое уже и близко не походило на себя после рассвета талантов человечества.

А в это же время в экономический и технический прогресс Всемирия врываются божественные сущности, готовые мстить за своё позорное изгнание.

Содержание

Глава 1 - Эпоха людей	4
Глава 2 - Безбожный и Бездарный	11
Глава 3 - Столица Ии Мин	28
Глава 4 - Нефритовые братья	46
Глава 5 - То ещё недоразумение	66
Глава 6 - Фальшивая лиса, сильный тигр	87
Глава 7 - Путь, с которого не сойти	103
Глава 8 - Потревоженная змея в райском саду	130
Глава 9 - Ни конец, ни начало	157
Глава 10 - С кем поведешься, тем и прослывешь	181
Глава 11 - Теплая ночь	202
Глава 12 - Новые неприятности	232
Глава 13 - Переполох	265
Глава 14 - Наложницы	280
Глава 15 - Тайна дворца	288
Глава 16 - Напряжение нарастает	302
Глава 17 - Вкусная развязка	315
Глава 18 - Новое поручение	333
Глава 19 - Неожиданный факт	345
Глава 20 - Принцы	359
Глава 21	375
Конец ознакомительного фрагмента.	376

Эмилия Эд

По зову смертных

Глава 1 - Эпоха людей

Когда они впервые встретились, его глаза были холодны и прекрасны, как вечный лёд, сияющий на солнце. Чистая кожа оттенка лунного слитка, крепкая, но не крупная стройная фигура говорила о воле, силе и важности в этом мире.

Чёрные волосы с синим отливом развевались на ветру, хлестая волевые плечи и прямую спину при каждом чётком шаге. Одежды кружились вокруг талии и ног с длинными сапогами.

Среди всех самых редких и красивейших драгоценностей он — сефирит. Камень был настолько редким, что триста лет назад короли, господа и императоры вырезали целые кланы, лишь бы добыть его из крови павших.

Сефирит лечит смертельно больных, проклинает в мучениях ненавистников, воду превращает в кристаллы, а также сефирит — это... Символ отчуждённости, магии и души.

Сильнейший, но жалкий. Чудесный, но обыденным. Всеми любимый, но ненавистный себе.

Этот человек производил впечатления того, кто ломал сам себя ради своих же амбиций. Вот только никто этого не ви-

дел. Для всех его мерцанием и путём в будущее был непробиваемый трезвый взор. Целеустремленно смотрящее только вперёд.

Это была последняя эра тех холодных пустошей Всемирия. Скоро церемония Возрождения. Все кланы и знатные семьи собрались ради того, что собирался им показать их новый император. Люди чёрной толпой стояли на голом поле, утопая в белой пустыне снега и сонной смерти. Их волнения выходили частыми облачками. Из-за мороза стоять слишком долго было утомительно. Руки и ноги у многих окоченели, а лица все покраснелись.

Да, именно тогда отец и матушка взяли его с собой на церемонию, каждую минуту восторгаясь тем, что их семья смогла получить приглашения от самого будущего императора. Он же последний принц самой важной и могущественной семьи.

И когда юный, но не по годам зрелый четырнадцатилетний принц предстал перед поглощающим взором своего единого народа, в пустоши впервые повисло полное безмолвие. Как сейчас помниться эта минута, где песня ветра, разгоняющего снежную пыль, была единственной, что подавало признаки жизни.

Казалось, спустя вечность принц заговорил уверенным голосом, так, что бы самые окарины могли слышать его:

— Народ Всемирия! Мы долго были под властью Богов магии и всего фантастического, что ни во что не ставили на-

ши собственные усилия! Наши таланты, силы и возможности! — Все молчали, не смея и выдохнуть. — Боги использовали нас как скот, пользуясь нашей слабостью, обещая всемирные блага! Обманывая нас ложными сладкими речами! — Главы элитных кланов, сидевших под своим знамёнами, недоуменно перегляделись, но тревогу пока никто не поднимал. — Но не стоит больше переживать. — Утешающе высказался принц, и на красивом, совсем юном лице заискрилась гибкая, но очень злая и мстительная улыбка. — Отныне, мой народ, я поведу Всемирие и его людей в новое будущее! Боги никогда более не вмешаются в наши законы и порядок!

И вот тогда поднялся нешуточный бунт. Кто-то истошно вопил, кричал, проклинал. Всё это летело в лицо их обожаемому принцу, который ни только не паниковал или был испуган, наоборот, его лисий оскал стал только довольней и кровожадней.

Он был рад тому, что происходит. Даже когда главы семей попыталась вразумить его и потребовать объяснений, принц с ядовитой усмешкой приказал своей страже утихомирить их. А потом он возгласил то, что они от него требовали.

Причина такой бурной и недовольной реакции была очевидна: Боги или Творцы — это те, кто создали Всемирие и позволили им, людям, жить здесь под их же защитой, так как большая часть мира после многовековой войны между богами и демонами погрузилась в сквернящую засуху, где-то покрылась мертвыми морозами или покоится на дне бесконеч-

ных океанов.

Императорская семья была связующим звеном между высшими и обычными людьми, потому их так обожали и почитали все, кто только мог.

А теперь тот, кто взойдет на трон и будет отчитываться Богам, открыто заявляет, что больше в них они не нуждаются. Что их волшебство, силы им больше не нужны! Мягко говоря, это не просто вздор, это богохульство, за которое юного принца ждет вечное наказание за свою дерзость.

— Одна из башен была стерта с лица этой земли, — не скрывая свой злорадности, объявил принц. — Я лично расправился с Богом и уничтожил одну из восьми Башен! — торжествующе выдал он, раскидывая руки, улыбаясь, как настоящий психопат. Главы повставали со своих мест, пока народ потерянно озирался, покачивая головами в отрицании. — А чтобы ни у кого не возникло сомнений на данный счет, — когда он щелкнул пальцами, к нему подошёл один из стражей в маске и, приклонившись, подал дряхлый мешок. Принц взял его с брезгливостью и запустил руку. — Вот! Любуйтесь! Это ваш всеми почитаемый Творец Законов собственной персоной!

Тишина смешалась с ужасом в каждом вздохе. Время просто остановилось. Толпа превратилась в сборище простых камней, застывших во льду. Ему тогда было всего четыре года, и он помнил, как стиснула его руку мать, когда перестала дышать от увиденного. Как закричал отец. Его кожа то

белела, то зеленела.

А в это время что-то падало на глазах у знати Всемирия в передних рядах. Последовал глухой отчетливый стук, потом скачки, как если бы прыгал мяч. Это что-то покатилося по сцене, и как только звук стих, раздался женский вопль.

Потом один голос перешёл в десятки и тысячи. Он прикрыл уши ладонями, потому что это было так громко, что снег с вековых острых горных пик затрещал сходящими лавинами. Все эти люди ревели, кричали, бились от горя, отчаянья и ярости.

— Чудовище! Монстр! Убийца! Ублюдок! — каждое неразборчивое слово народа летело в сторону принца.

Кто-то даже пытался залезть на сцену, чтобы убить нагло ухмылявшегося мальчишку, но стражи в масках тут же применяли силу. И они не просто отталкивали взбешенных людей обратно, им было разрешено с самого начала применить силу.

Серебристые проблески холодных оружий сияли в толпе, словно падающие звезды. Красные капли взлетали вверх, а после он слышал, как мужчины и женщины ревели от боли и страха. Давление стало переходить на задние ряды, отесняя людей. Те, кого ранили, пытались убежать, расталкивая остальных, не заботясь ни о ком, кто был впереди.

Его бы без труда раздавили мощные ноги обезумевших взрослых, не обращавших ни на что внимание. Мать вовремя подхватила на руки и, прижимая к себе, стала убежать сле-

дом за отцом. Плевавших всеми видами проклятий на голову будущего императора.

Он отчетливо помнил, как в тот день снег и кровь, жар людей и запах железа, а также тишина пустоши и вопли отчаявшихся переплелись в жуткую, но по-своему прекрасную картину.

Прижавшись к шее матери, он неуверенно раскрыл глаза и сквозь безумную тряску посмотрел на уже опустевшую кровавую сцену, на которой стоял один непоколебимый, решительный и отважный принц. Будущий император. Всесильный человек.

Принц, провожавший тающую толпу насмешливым взглядом, весь измазанный в чужой крови, с блаженством закрыл глаза, втянул носом острый морозный воздух, а после, усмехаясь, покачал головой и наклонился.

Тонкими элегантными пальцами схватил то, что лежала возле его ног. То, что он достал из мешка и бросил толпе на обозрение...

Тогда маленький он, долго не мог догадаться, что же принц так небрежно держал в руке. И только много лет спустя он узнает, а точнее его личный учитель скажет во время урока, что это была голова первого убитого божества.

Позорное осквернение. Смерти высшего существа, убитого обычным человеком.

Однако ни эта деталь в печаталось ему так озабоченно в голову. Сцена сама по себе была ужасна и бесчеловечна. Но

то, что делал принц, останется в его голове на долгие годы.

Красивый принц смеялся. Раскинув руки и задрвав голову, он ликующе, радостно и оглушительно засмеялся во всё горло. Этот звук разрывал душу на части. Жестокость, кровожадность и сумасшествие. Вот что было в этом адском лающем смехе.

Быстрее ветра, сильнее морской волны, страшнее самых древних демонов... Нет ничего, что бы сравнилось с этими раскатами ликования и довольства.

Всё еще держа голову Бога в руке, принц, не прекращая хохотать, закружился по сцене, легко и очень атлетично двигаясь, словно кошка. Он продолжал кружиться и пританцовывать, при этом гогот его, как и зоркий взор, был обращен к небесам.

Он жестоко злорадствовал над теми, кому должен был верно служить. Скорее всего, принц осознавал, что будет проклят. Ибо не рождался во Всемирии человек, способный осквернить ни бога, ни демона.

Вот таким чудовищем, по молве всех людей, и был сто одиннадцатый Император Людей и Всемирия, имя которого У Ливэй.

Глава 2 - Безбожный и Бездарный

— Ты обязан принять наше решение.

Можно подумать, вы хоть раз спросили меня.

— Без обиды, сын. Но ты просто ни на что другое и не годишься.

Ну, спасибо, папуля! Как всему семейству только не надо дает напоминать мне о том, что я бездарный!

— Можешь возникать, если хочешь. Выбор сделал. Хотя меня пугает твоё молчание.

Если бы ты был хоть на цизинь внимательным, то понял бы, что я и так большую часть жизни просто молчу, потому что мои слова не имеют веса.

— Эххх. Это твоя судьба. Нет смысла отворачиваться от того, что уже предрешиено Богами.

Боги? Ты еще веришь, что у них есть власть после восхождения Смертного Дракона? И... судьба, говоришь? Хе. Ну да. Куда мне, тому, кто был лишен божественного видения и слуха.

Я родился и рос, будучи благословенный всем. Меня обо- ждали родители, почитали слуги, уважали младшие. Всё бы- ло при мне. Всё всегда было, как я хотел либо желал. Но на мой десятый день рождения... День, когда в тех, в ком те- чет золотая благословлённая кровь, открывают в себе спо- собность общаться с Высшими... Я — надежда своей семьи

на лучшее и прекрасное.

Полностью провалился.

Я не слышал и не видел их. Не мог использовать даже базовые знания, данные Богами. Моя кровь была обычной, когда символический порез сделали на моей ладони.

Помню, как мать горько рыдала. Отец в шоке упал и хватался за голову. Весь бледный, как при смерти. Все, кто были тогда в нашем личном храме, смотрели на меня, шептав осуждения.

Их слова были скользкими и жалящими, как вылезавшие из потревоженного гнезда ядовитые змеи:

«Как же так?»

«Получается, он был с самого начала простым мальчиком?».

«Да уж. Позор!».

«Он в самом деле не видит и не слышит?! Это же... настоящий кошмар!».

«А мнил себя бог знает кем!»

«Хе-хе-хе! Вы только посмотрите на его глупое лицо!»

«Вот что происходит, когда тебя буквально спускают с небес на землю!»

«БЕЗБОЖНЫЙ!!»

«БЕЗДАРНЫЙ!!»

Да, вот так меня и заклеямили до сего времени. Люди, которые раньше чисто улыбались мне, дарили подарки, хвалили и возносили, теперь же жестоко надсмехались, нарочито

громко высказывали сочувствие самому факту моего существования. Мне ставили подножки, толкали в грязь, плевали в еду, кидали в озера, полные тины.

А всё потому, что я лишен предвидения. Не родился с дарованной магией, коей должен был. Всё потому, что я обычный кусок дерьма, не считающийся здесь человеком.

Ну, с тех времен моего детства мало что поменялось. Разве что я, повзрослев, научился не обращать внимания или давать сдачи. Теперь же меня просто обходят стороной, как прокажённого.

Если меня спросить, что я думаю о себе, с чем ассоциирую... Ха! У меня один ответ на все случаи жизни. Запомните!

Приятно познакомиться. Я Юн Лулянь! Сын ныне павшего магического рода Всемирия. И я просто бездарный и безбожный.

Прошло уже более двадцати пяти лет с тех пор, как Всемирие возглавил Смертный Дракон. И за эти двадцать с лишним лет всё переменилось до неузнаваемости. Магия стала исчезать, сущности, что жили бок о бок с людьми, массово вымирали. Настала эра человеческих трудов и талантов. Боги также пали, покинув наш мир.

Хотя основная культура Всемирия всё еще умело баланси-

ровала между прогрессом человеческого эгоизма и тем магическим и волшебным, с чем былым поколениям приходилось обживаться веками. Когда же всё это сгинет, было вопросом времени. А причина была в самом Смертном Драконе.

После его достаточно жесткой реформации по всему Всемирию многие знатные, именитые семьи, кланы и даже королевские общества, удерживающие многовековую власть, серьезно и необратимо пострадали.

Каждая собака Всемирия знала, что новый император люто презирал и ненавидел Богов, а следовательно, уничтожал все, что было так или иначе с ними связано. Сама ирония заключалась в том, что императорская семья У тысячами правила миром людей, имея доступ к самим Богам, наградивших их предков такой властью и могуществом. А потом на свет появился мальчишка, уничтоживший всю систему правления императорской семьи. Вся история, труды, войны, всё, чего семья У добивалась эти столетия кровью и потом. Молодой принц У Ливэй без малейшего сожаления пустил на ветер.

Да, даже не так. Самовлюблённый, проблемный и эгоистичный У Ливэй, получивший трон в свои одиннадцать, уже плевал на все законы предков семьи У и делал, что только хотел, но не подчинялся воле Высших. Усугубило положение и то, что в один из самых грандиознейших праздников всего Всемирия — Фестиваль Бессмертных — всю император-

скую семью, высших советников, их гостей и даже прислугу — всех перебили прямо внутри дворца.

О прошедшей кровавой резне люди узнали только утром, когда открыли великие ворота дворца. Внутри красивого богатого убранства везде была разбрызгана кровь, стоял удушающий запах мёртвых тел. Люди, уже остывшие, лежали, где только возможно. И был только один человек пережил этот кошмар. Мальчик, спокойно сидевший за столом в его главенстве, заняв место убитого отца, весь был перемазан чужой кровью. Но не это добавляло жути картине.

А то, с каким статичным равнодушием он сидел и пил чай, закусывая уже холодными блюдами. Не обращая ни единого внимания ни на кого. Когда его допрашивали о том, что же произошло, У Ливэй отмахивался и обвинял тех, кто присягал Богам.

В свет вышла теория, что между главами кланов, семьей У и другой знатью произошел страшный конфликт на фоне ежегодного предсказания Богов для людей. Само собой, знали о нем лишь семья У и их приближенные. Принц У Ливэй же так ни разу и слова не обронил о том, что это было за предсказание.

Само собой, все решили, что слишком молодой юноша, еще даже мальчик, столкнувшись с таким ужасом собственными глазами, где его отца, мать, братьев и сестер, слуг и друзей мучительно убивали, просто повредился умом, а потому и забыл, что же точно произошло.

Конечно, среди знати были и недовольные, ведь по факту из всей семьи У остался один принц. А зарезали даже молоденьких служанок из бедных семей, что не могло не вызвать подозрения. Многие пытались копать, чтобы обвинить У Ливэя в заговоре и подлом убийстве. Однако все эти догадки и споры исстелили за год. Потому что как мог одиннадцатилетний мальчик сам такое сотворить?

Да еще и раз он был последним наследным принцем, то трон ему был обеспечен. Вот только нужно было искать опекуна-регента, отвечающего за образование, благополучие и правление будущего императора.

Оххх, сколько же из-за этого было шума. Но оно и понятно. Все хотят подольстить и получить больше власти. Однако проблема никогда не ходит одна. У Ливэй оказался слишком строптивым, заносчивым и на всё про всё имел исключительно свое мнение.

Так как он ненавидел богов и решил полностью искоренить их существование из Всемирия, то совершил кучу, казалось всем, невозможных деяний. Он сносил Башни и безжалостно убивал тех божеств, что за них отвечали. Потом, когда сила высших спала, отринул всё старое и стал собирать вокруг себя людей, обладающих нужными талантами и способностями.

Новые советники, новая прислуга, новое поколение нынешних кланов. Они все поддерживали амбиции У Ливэя и помогли в тяжелые времена, когда шла перестройка Всеми-

рия. И это не могло не затронуть абсолютно всех.

Семья Юн, откуда родом Юн Лулянь, была на первых местах знати. В их роду были знаменитые богопоклонники, войны, маги, политики и совершенствующиеся или послушники. Они были богаты, почитаемы в своих краях и гордились родословной, как приближенные к членам имперской семьи.

Следует догадаться, что после новых реформ, введенных У Ливэем против божеств, семья Юн в одночасье потеряла весь почет, уважение и ценность в глазах нынешнего общества.

И стало только хуже, когда нынешний глава семьи, отец Юн Луляня, официально при самом императоре отрекся от богохульника, проклиная его и оскорбляя, желая во все услышания самой страшной смерти. В то время как более разумные главы решили-таки подстроиться под новую систему и приняли сторону императора.

И после той тирады оскорблений самого правителя Всемирия, последствия не заставили себя долго ждать. У Ливэй был великодушен, когда дал другим кланам шанс поразмыслить, примкнуть к нему добровольно. А те, кто отказались, само собой, были не нужны ни императору, ни Всемирию.

Вот так семья Юн лишилась всех богатств, какого-либо влияния в обществе и были сосланы на самые окраины Всемирия. Ни один из уже бывших друзей отца не поддержал его и никак не помог. Наоборот, увидев на его примере, ка-

кая участь их ожидает, все как один прониклись своим обожанием к У Ливэю.

Хотя стоит отдать У Ливэю должное. Он не стал убивать отца, что вполне мог себе позволить. Да и сослали их пусть в ту еще дыру, но жили они неплохо. Им выделили специальный особняк с мебелью и всеми удобствами. У них забрали все ценное, что было связано с магией и богами. Однако честно заработанные деньги конфисковать не стали. Благодаря им семья Юн могла прожить еще лет тридцать.

Юн Лулянь был третьим сыном. У него было два старших брата, которых уже нет в живых. Оба были теми еще редкими красавцами, хорошими людьми, и оба занимали высокие посты в армии. В кругу семьи отец со слезами гордости всегда вспоминал сыновей как великих людей, чья смерть даже была переполнена благородством. Ага. Только вот все, в том числе и Юн Лулянь, знали, что их публично казнили за дерзкую попытку свергнуть Смертного Дракона.

Это произошло сразу после того, как семейство Юн изгнали, а они попытались восстановить справедливость, за что и поплатились. Сам Юн Лулянь их плохо помнил, так как из-за службы дома они почти не бывали. Так что сочувствия к ним у него было мало.

Увы, но его матушка скончалась пять лет назад после мучительной болезни. И в этом тоже обвиняли Юн Луляня. Матушка слегла после того, как выяснилось, что её сын не был благословлен. Безбожный и бездарный. Так её любимого сы-

на заклеили прямо у неё на глазах. Не выдержав, бедная женщина ослабела, её разум и душа разбились, а потом и во-все заснула, да и не проснулась.

Отец был всегда себе на уме. Он был привлекательным, статным, но при этом очень надменным и нетерпеливым. Все его дети для него не больше, чем дорогие и стоящие нефритовые украшения. Разумеется, Юн Лулянь перестал быть для него сыном после того откровения на дне рождения. Он вообще на него не смотрел и старался делать вид, что не видит. А после смерти матери его отношения к сыну стало еще хуже. Доходило даже до рукоприкладства.

Но у Юн Луляня был еще один младший брат. Юн Земин, мальчишка двенадцати лет. Несмотря на столь юный возраст, он уже был выше и крепче сверстников. Губы вечно кривились в надменной ухмылке, глаза узкие и маленькие. А характер оторви и брось. Весь в отца.

Вот только Юн Лулянь наоборот: больше всего в нем читались нежные и мягкие черты матери. Однако глаза с утончённым разрезом и чистым янтарным цветом он получил от отца, как и его тонкие бледные губы. Обычно Юн Лулянь был красив и едвали не женственен, когда был тих. Но вот беда: его прелестная обертка никак не подходила содержанию. На самом деле Юн Лулянь был тем еще шалопаем, не способным долго сидеть на одном месте.

Когда он был почитаемым наследником, то ему приходилось подавлять в себе желания набедокурить. Но уже после,

когда стресс невыносимо накапливался, Юн Лулянь беззрения совести вымещал его на всем, как только мог.

Те немногочисленные слуги, что продолжали служить семье Юн, часто запирали его на чердаке или в подвале, зная, что все беды в этом доме только из-за него. Сколько бы отец не наказывал, а другие не бранили, хулиганство и вредительство было единственным способом юноши хоть как-то разнообразить длинные дни.

Ещё одним сокрушительным оружием внешности Юн Луляня была его ухмылка. Так же доставшееся от отца. Стоило ему сощурить глаза, скрестить руки и наклонить голову да ухмыльнуться, то все, кто желал ему зла, сразу же топтались в сомнениях. Особенно это проявилось, когда Юн Лулянь повзрослел.

Юн Земин тоже использовал этот трюк везде, где бы ни был, потому людям с ним было не слишком комфортно. В отличие от него, Юн Лулянь умело знал, когда стоит показывать клыки.

Раньше младший постоянно восхищался Юн Лулянем. Бегал за ним хвостиком, спрашивал обо всем, просил советов и часто ходил на тренировки совершенствования. Однако, узнав, что его идеальный и всемогущий старший брат вовсе не такой, каким он рисовал его в мечтах и страстно желал быть похожим, стал яростно ненавидеть и презирать. Как и все остальные.

— Это всё из-за тебя! — рявкнул Юн Земин, швырнув

в ничего не ожидавшего брата тарелку с рисом. Юн Лулянь сидел тогда у пруда и подкармливал своих любимых карпов. Смешно, конечно, но рыбы были единственными живыми существами этого дома, кто не глумился над ним. — Из-за тебя меня не взяли как ученика именитого ордена Цзюй Шимин! Всё потому, что ты бездарное и безбожное ничтожество!! Они как узнали, чей я брат, то стали смеяться надо мной! Ненавижу тебя!! Чтоб ты сдох!! Уйди в горы и никогда не вернись!!

Со слезами горечи и обиды Юн Земин громко шмыгнул и на всех парах убежал обратно в дом, хлопнув за собой дверь.

А сидевший на месте Юн Лулянь не проронил ни единого слова. И взгляда не поднял. Тарелка рассекла ему лоб и разбилась. Остатки риса лежали на плечах и макушке юноши, пока он аккуратно всё стряхивал с себя, прежде чем начать собирать осколки.

Карпы в пруду взволнованно заплывали. А Юн Лулянь порезал палец, но этому он только улыбнулся: грустно и умиротворенно.

Единственное, что его сейчас на самом деле беспокоило, так это то, что он не хотел, чтобы рыбки случайно проглотили хоть один осколок. Ведь если и они умрут, ему будет очень печально.

Но всё это было год назад. Сейчас Юн Лулянь сидел возле чистого пруда, с любовью наблюдая, как черные, золотые и

красные карпы неторопливо плавали в воде под расцветшими кувшинками лотоса.

Ему было очень жаль, что он не может взять их с собой, ведь он уезжает из этого дома. И, скорее всего, уже навсегда.

Кто будет ухаживать за прудом и карпами? Кто будет их кормить? Кто будет с ними разговаривать по вечерам и утрам?

От всех этих вопросов и вполне логичных ответов на них Юн Лулянь поспешил вытереть рукавом слезы. Он был счастлив, что больше никогда не увидит этот дом, но и частичка чего-то близкого и дорогого все же останется именно здесь.

Юноша хотел попрощаться по-правильному, но когда в груди все сжалось, а горло сдавило от нарастающего плача, всё, что смог сделать Юн Лулянь, — это натянуть кривую дрожащую улыбку и просто сказать последние слова.

— Я уезжаю. Вы уж простите, что не могу взять с собой. Мне вас будет о-о-очень сильно н-не хватать. — Чувствуя, что голос начал срываться, он заглотнул больше воздуха. — Возможно, если все устаканится на новом месте, я обязательно вас заберу отсюда! Императорский пруд очень огромный, и вы там себе друзей найдете! Поэтому до того момента, — вся веселость в тоне стихла. Юн Лулянь коснулся глади воды кончиками пальцев и прошептал: — Просто живите. Хотя бы ради меня. Хорошо?

— Юный господин, Вам пора уезжать.

За его спиной заговорил мужской, крепкий, но холодный голос. Улыбка Юн Луляня в миг иссохла, отчего его глаза и само выражение стали жесткими. Несмотря на то, что с ним говорил просто прислуга, то, с каким намерением он ему это сказал, было больше похоже на завуалированное: «Слышь ты, идиот! А ну встал и пошёл отсюда!».

Для Юн Луляня такое обращение к его персоне было уже нормой. Потому, когда он встал, то просто промолчал и без какого-либо определённого выражения прошёл мимо мужчины-слуги, выходя из заросшего сада.

Слуга, что, не стесняясь, выражал свою брезгливость по отношению к господину, шел за ним, отступив на три шага назад. Но не потому, что так требовал этикет, а просто потому, что рядом с таким, как Юн Лулянь, было просто противно находиться рядом.

Он, можно сказать, провожал своего господина. При этом, не понижая голоса, несколько раз бросил ему оскорбления в спину: «Чёртов безбожник! Почему я вообще должен был тратить своё время на твои поиски! Слава богу, ты больше никому глаза мозолить не будешь, урод!».

Запряженный экипаж уже стоял возле их скромного двора, и, завидев его, Юн Лулянь сразу догадался, что принадлежала она элитному классу. Размер был внушительным, а его отделка так и зияла дорогушим великолепием. Лошади были идеально белыми, сильными и очень мирными. В таких обычно ездят исключительно знатные люди, но не такая

позорная чернь, как Юн Лулянь.

Ну что еще сказать. Сразу видно, что такое может принадлежать только самому императору.

Нет, Юн Лулянь не испытал никакой зависти или обиды, но сконфуженность от такого яркого явления их мира богатства и элиты перед глазами того, кто уже больше десяти лет живет в низшем положении, все же застала его врасплох.

— Юный господин Юн Лулянь, правильно? — к юноше подошел широкоплечий и смугловатый мужчина, одетый в доспехи со знаком самого императора.

Он услужливо с почтением поинтересовался у него, тот ли он самый господин.

Юн Лулянь оробел и смутился. Привыкший к шпыняню и оскорблениям, он уже порядком отвык от любого вида вежливости.

Стражник, не услышав ответа, повторил свой вопрос с терпением. Юн Лулянь, словно вышедший из транса, покачал головой, прогоняя тот приятный дурман.

— Д-да! Это я. — Твёрдым согласием ответил он, не забыв поприветствовать стражника.

Мужчина, услышав его слова, удовлетворённо кивнул.

— Мы уже переговорили с вашим отцом. Уговор остаётся в силе. Все ваши вещи уже перенесли. Посему, если у вас больше каких-либо дел, прошу, садитесь. И мы тут же отправимся.

Мужчина, что был выше него на целую голову, достаточ-

но сухо всё разъяснил, потом еще раз поклонился и отошел к остальным, сидевшим на лошадях, подавая знак о скором отъезде и их готовности.

Значит, сам император согласился на сделку с его отцом?

Юн Луляню в это тяжело было поверить. Что в нем такого, за что его принял сам Смертный Дракон? С одной стороны, он был несказанно счастлив, что наконец-то сможет покинуть это гнилое место, но с другой, ему стало очень тревожно за себя, так как основной причины его отъезда он не знал. Отец в меру упрямства ничего не говорил. А если он не говорит, то значит, сколько не моли, язык он не развяжет.

И кстати об отце. Юн Луляня никто не вышел провожать. Слуга, провожавший его, уже ушел обратно в дом, и только любопытного выглядывающего из-за дверей младшего брата Юн Лулянь смог разглядеть.

Юн Земину был интересен исключительно сам экипаж, а не то, что его брата увозят, скорее всего, навсегда. Он старался быть как можно менее заметным, но, похоже, его все же увидели и отругали, раз он недовольно пискнул и поспешил закрыть дверь.

Но как бы не был обеспокоен Юн Лулянь, выбора у него все равно не было. Потому, бросив на ненавистный ему дом еще один быстрый вялый взгляд, он отвернулся и сел в повозку.

За ним потрудились закрыть дверь и предупредили через окно, что если ему что-то понадобится, он может просто

попросить. После повозка тронулась, а снаружи были слышны гарцующие лошади.

Для Юн Луляня это было уже выше простой щедрости. Ему было очень неловко от всего этого. Внутри повозки все было просторно, идеально чисто и готово для использования. У Юн Луляня разбегались глаза и терялись мысли.

Юноша терялся и не знал, куда ему можно сесть. Что ему можно трогать. А если он что-нибудь разобьет и влезет в долги!? Что тогда?! Да знать из него всю душу вытрясет, сделав рабом!

Достаточно мрачные мысли стали наполнять голову Юн Луляня. В конце концов он на цыпочках, как можно аккуратней, старясь ничего не запачкать, сел в уголок и поджал к себе колени.

Рядом с окном стоял низкий столик из темного дерева, на котором был фарфоровый чайник и чашка. Судя по всему, это тоже приготовили для него. Как же всё это было смущающе!

Юн Лулянь более-менее успокоился и, вернув себе хладнокровие, привыкнув к здешней непривычной атмосфере, стал рассуждать здраво:

Если сам император согласился принять меня к себе, значит, папаша что-то ему там наобещал. Да, скорее всего, что-то невыполнимое! И больше чем уверен, расплачиваться за все слова этого идиота буду Я!!

Оскорбив отца всеми возможными ругательствами, Юн

Лулянь понял, как же он устал от всего. Тяжело выдохнув и опустив плечи, он уперся затылком о стену и вытянул ноги.

Повозка потрясывалась, колеса стучали, а привычные леса, видевшиеся в окне, пролетали мимо безвозвратно.

— Я сюда больше никогда не вернусь, — проговорил он с некой тоской, которую от себя никак не ожидал. По нему никто не будет плакать. Никто не будет его ждать. Никто. — Хе, ну что же, — Юн Лулянь горько усмехнулся и поднял взгляд к потолку. — В конце концов, я просто безбожный и бездарный.

Глава 3 - Столица Ии Мин

В столицу их процессия должна была прибыть уже к раннему утру. Юн Луляню не спалось, хотя внутри было тепло и удобно, и он впервые спал на чем-то нормальном. Обычно дома он спал на голом полу, подпирая голову руками, и укрывался тем, чем обычный человек бы побрезговал.

Скорее всего, сила непривычки от такого комфорта, которого он был лишен многие годы. Стражники, сопровождающие его к императору, большую часть были молчаливы и очень серьезны. Однако, когда Юн Лулянь высунулся из окна, приподняв полог, то вскользь попросил обычной воды, и тот самый мужчина, приостановив коня, приказал товарищу сделать привал. Юн Луляню дали не только чистую горную воду, но и свежую еду в мисках.

Смущенный всем этим, Юн Лулянь пытался отказать, но его сопроводили обратно в повозку. Когда он вышел, чтобы не мешать, люди всё расставили и, пожелав приятного аппетита, удалились, оставив одного с полностью застеленным столиком.

«Почему-то, когда я на это смотрю, — крутилось в мыслях Юн Луляня, когда его глаз дергался, а улыбка ломалась при виде всех яств, — чувствую себя свиньей, которую откармливают, чтобы потом забить».

Однако ему сказали, что, пока он не поест, они не сдви-

нутся к столице. Потому нужно было управиться с едой как можно быстрее, если он хочет добраться до главного города Всемирия. Нет, Юн Лулянь ценил их трепетное обращение к его персоне. Но опять же. Он верил, что все это было не просто так.

Если это приказал сам Император, то понятно было, что это всего лишь часть того, чтобы репутация правителя была на высоте. Им приказали хорошо с ним обращаться, а они всего лишь делали свою работу. В действительности о таком человеке, как Юн Лулянь, никто бы не стал заботиться.

Уже обвыкшись со внутренним убранством, Юн Лулянь просто лежал на спине, глядя вверх. Его глаза были полны энергии, ни о каком сне и речи не шло. Он думал о том, как же за это короткое время его тусклая, скудная и брэнная жизнь поменялась. Все перевернулось с ног на голову. Конечно, не было гарантии, что, когда он прибудет во дворец, все будет просто чудесно. Однако обновления, какими бы они ни были, для Юн Луляня стало сродни глотку свежего воздуха.

Я впервые сплю на чем-то удобном. Со мной впервые обращаются как с человеком, и я впервые за эти годы смог наесться.

Эти мысли не давали Юн Луляню погрузиться во сны. Пусть безбожный и бездарный, лишённый магии, но он все-таки был образованным, а также от природы сообразительным, умелым и наблюдательным юношей. Плюс та прискорб-

ная жизнь отброса, которую он вел многие года, заточили его характер и поведения к серому краю, где граница добра и зла размыта. Он ловко подстраивался под ситуацию, мастерски читал настроения людей, заговаривал зубы в угоду себе, манипулировал, воровал, подставлял, да и в принципе, чтобы выжить, делал не самые приятные вещи.

Ему это не приносило удовольствия, и он не был таким плохим человеком. Ну, так он думал сам, по крайней мере. Просто у Юн Луляня не было иного выбора.

Потому, даже понимая, что его жизнь уже, скорее всего, не станет прежней, он не ожидал многого и был готов к худшему. Если его и в самом деле продали на потехи богатеньким, Юн Лулянь придумает, как извертеться и сбежать. Отец мог за счет не нужного сына хорошо обустроиться. Учитывая, что с ним остался Юн Земин — последняя надежда на лучшее. Его тоже нужно было содержать и обучать.

— А какой толк будет от меня? — тихо спросил сама себя Юн Лулянь. — От безбожного и бездарного.

Лежа в темноте ночи, парень, в душе которого был и трепет, и предвкушения, а также страх неизвестного и потерянности, сам от себя не ожидая, закрыл глаза и быстро заснул под стук копыт.

— Господин Юн Лулянь. Господин Юн Лулянь! — кто-то настойчиво звал его, казалось, издалека.

И только на пятый раз юноша, пробуждаясь, смог открыть глаза. Ещё вялый, ничего не понимающий, повернул голову

в сторону голоса, звавшего его. Там, через другую сторону окна, на него смотрел тот самый стражник. Завидев, что их гость проснулся, на его лице отразилось вялое облегчение.

— Юный господин, прошу прощения за свою дерзость, но вам нужно подниматься. — сказал он утвердительно. — Уже рассвет.

За головой стражника Юн Лулянь и впрямь увидел бледно-розовый разрез неба, смешанный с блеклой желтизной.

— Эм-м-м, ч-что-то случилось? — все еще сонно спросил Юн Лулянь, потирая глаза и приподнимаясь на локтях.

— Мы скоро будем в столице, потому прошу вас привести себя в порядок, — важно ответил стражник. — При встрече с императором нужно быть готовым ко всему. — Кинул он это странное предупреждение и скрылся за створками тканей.

Окончательно поднявшись и зевнув, Юн Лулянь потянулся, ощущая, как его тело блаженствует от такого приличного отдыха. Глаза, правда, побаливали по причине того, что пол ночи не закрывались. Длинные черные волосы, обычно связанные, распустились и сейчас ниспадали на широкие плечи.

— Быть готовым ко всему, говоришь? — повторил Юн Лулянь и как-то тревожно ухмыльнулся. — Ну что же, пусть так и будет.

Из-за этой ухмылки у него было много проблем. Он во все не затевал ничего ужасного, просто понимал, что его опасения с большей вероятностью начинают сбываться. Эта

усмешка была не злорадной, а скорее горькой.

Еще раз размяв руки, он потянулся за лентой, подвязал волосы и, похлопав себя по щекам, с яркой улыбкой приготовился к тому, от чего сбежать уже невозможно.

Уже спустя короткое время Юн Лулянь стал ощущать, что воздух стал каким-то тяжелым и затхлым. Он почуял новые, незнакомые масляные запахи, например, как от красок, но это было более въедающимся. Ещё ему казалось, что он слышит какое-то гудение, шипение и частые постукивания, словно чье-то сердцебиение.

Все это становилось ближе и ближе, пока у Юн Луляня не закружилась голова от горелых запахов и не прекращающихся звуков. Воздух становился все тяжелее и невыносимей. Где-то за повозкой гудели и дрались мощные чудовища?!

До последнего не желавший встравать во что-то Юн Лулянь высунул голову, когда небо уже полностью окрасилось в пастельные приятные цвета. Последние звезды уже догорали, а деревья стали редеть, будучи еще темно-зелеными. Он сморщил нос от усилившегося запаха, и увидевший его стражник, скакавший рядом на лошади, поинтересовался:

— Юный господин. Вам что-то требуется?

Юн Лулянь старался быть кротким и вежливым, но его уже настолько вывела из себя эта едкая гарь, не вылезавшая из носа, что он грубо прорычал, все еще зажимая нос:

— Какого черта происходит? Почему так воняет? И что это за звуки, будто сотни кузнецов выковывают оружия? Мы

что, проезжаем мимо какой-то сгнившей деревеньки?

Стражник был удивлен. Даже его товарищи обратили внимание на реакцию юного господина. А потом они переглянулись и... рассмеялись. Юн Лулянь и о нестерпимой вони забыл, когда увидел, что они смеются.

— Вот как, — ещё к большей неожиданности выдал стражник с весельем и улыбкой. Юн Лулянь только больше запутался, особенно когда ловил на себе эти мягкие насмешливые взгляды. — Всё понятно. Юный господин ничего не знает из-за того, что жил на окраине Всемирия.

Остальные мужчины дружно закивали в согласии. Юн Лулянь окончательно смутился.

— Вы можете объяснить, что происходит? — осторожно попросил он, подняв в растерянности тонкие брови.

Приглушенно издав последние смешки, стражник прежним твёрдым и невозмутимым тоном сказал:

— В этом нет никакой нужды. Вы сейчас сами все увидите, молодой господин.

Юн Луляню оставалось только ждать. Повозка в сопровождении подымалась на холм. За ним: стальные скрежетания, шумное дыхание и зловонный запах чудовищ стали почти частью его сознания. Сначала юноша увидел какие-то чёрные возвышения. Вытянутые, явно мощные, и от них исходил черный дым. Первая его мысль была о пожаре, и он почти закричал. Гарь усилилась, от неё защипало глаза, и Юн Лулянь закашлял.

Пока он жмурился и кашлял в кулак, повозка остановилась на самой вершине, как и всё вокруг. Стражник аккуратно похлопал Юн Луляня по плечу, привлекая внимания.

Парень стих, разомкнув мокрые глаза, оглянулся на мужчину, а потом посмотрел на прямо вытянутую жилистую руку. Обычно узкий, хитрый взор Юн Луляня стал расширяться, янтарная радужка отдалась блеском, губы прикрылись, выпускающая ничего не означающий хрип.

Довольный его реакцией стражник благородно заулыбался, гордо выпятил грудь и торжествуя, громче обычного объявил:

— Юный господин, добро пожаловать в столицу Всемирия! Ии Мин!

Что вообще можно представить, когда говорят о богатой столице царства людей? Конечно, с теми местами, где живут боги, полубоги, души, демоны и магические твари, оно и близко не стоит по красоте, величию или какой-либо особенностям.

Здесь не было золотых дворцов, не было таких красивых скульптур или колонн. Деревья во время цветения были скромны на покрытие дорогой лепестков. Реки здесь не были особо чистыми, скорее зелеными или темно-синими. Днем солнце, а ночью луна смотрелись не так примечательно. Но для рожденных в этом мире людей столица Всемирия была подобна божественным столицам самих богов.

Много тысячелетий назад именно королевская семья У и

вознесла столицу на месте Мертвых Пустошей. Тогда людям негде было жить. Они скитались по Всемирию караванными, стараясь выжить в ужасных условиях. И только знатные кланы возвышения позволяли себе жить в роскоши и не знать трудностей.

Сказать уже сложно, но поговаривают, что первые члены семьи У вышли родом от неких маленьких кланов, объединившихся для силы и просивших богов о помощи. Они обрели благословение и, наполненные мудростью, обосновались в ледяных пустошах, где поколение за поколением строили свой новый дом. Со временем к ним подтягивались и другие кланы: кто-то был знаком с врачевательством, кто-то хорошо владел магией, некоторые вели хозяйства, другие помогали торговлей и строительством. Множество талантливых людей объединились во благо общей цели.

Прошло много веков. Было тяжело и трудно, но люди все равно желали жить и стать значимыми, хотя бы для себя. Тогда, когда столица была не готова и наполовину, люди выбрали себе лидера. Первого человека, носившего фамилию У.

Тот человек слышал богов и трепетно относился к их воле. Благодаря ему и тем знаниям, что он получал от Высших, люди смогли выбраться из черни. Создать свою культуру, стать благим обществом. А спустя еще века научились магии, что раньше казалось невозможным.

А потомки первого лидера стали во главе сначала общего клана, а после, не без помощи богов и поддержки других

знатных семей, их знатность переросла в королевскую.

Так появилась императорская семья У. Они были единственными, кому боги от всей души помогали, буквально ни за что одаривая всеми благами. Демоны же боялись их больше всего, потому нападки на царство людей с их стороны прекратились. Уже и не помнится, когда люди видели хоть самого низшего демона или адское отребье.

В любом случае столица Всемирия была не так многогранна. Для всех Высших она была не особо красочна и не выдающейся. Для людей же это бесценная сокровищница любых возможностей.

И то, что сейчас лицезрел Юн Люлянь, невозможно было описать. Да он и не мог ничего об этом сказать в меру непонимания. Для начала его смутило наименование столицы — Ии Мин.

— А разве её не Тянь Синь называли? — ошеломлённо поинтересовался Юн Лулянь у все того же стражника. Он дергал головой по сторонам, не зная, на что ему смотреть, да и верить ли своим глазам.

Мужчина ответил сразу же:

— Когда Его Высочество великий император сел на трон, он сразу же переименовал столицу. Конечно, многим знатным это пришлось не по душе, как и всё, что он делал после. Однако благодаря первой победе над Богом народ стал признавать его заслуги. И вот уже двадцать четыре года столица носит названия Ии Мин.

Что ж, оно и понятно было. Ведь теперь это место носит имя в честь людей, а не богов, учитывая неприязнь императора к Высшим. А Ии Мин звучит не так уж и плохо.

Но если название столицы еще можно было принять, то как она выглядела — просто уму непостижимо.

Они уже въехали в город. И за все это время Юн Лулянь с глупым выражением лица озирался на все, что видел.

Обычность Всемирия заканчивалась на той стороне великого моста Цзи Да не ясной архитектуры. Она была вычурной, как мысли человека, загадочной, как облик Бога, и в какой-то мере темной, словно душа демона. Созданный из темного неизвестного камня, он внушал мощь и страх одновременно. Под самым мостом была облачная бездна, и опоры его, как и прямолинейный пролет, утопали в полупрозрачном тумане, похожем на облака.

Опорные части были крупными и уходили в неизвестность, глубоко вниз. Странные металлические наросты выше человека, на верхушке которых была стеклянная округлость с каким-то камнем внутри. Юн Лулянь спросил у стражника, и тот сказал, что это фонари. Они все были вдоль моста от начала и до конца. Их свет зажигался исключительно ночью.

Ещё Юн Лулянь заметил, что на мосту рядом с ним также проносятся сотни повозок, но они отличались от той, в которой сидел он. И дело было не в красоте, а в том, что они были без лошадей, но очень странные.

Место, где сидели люди, было наполовину открыто, но

сверху огорожено пологом и было более маленьким. В том сидении помещалось лишь два человека. Верхняя крыша кузова угловата и вытянута по углам. Её низ был удлинён, как и колеса, сделан из металла. Человек, сидевший уже не на ящике, управлял не лошадьми, а каким-то странным сложным механизмом. Перед был плотным, на нем также стояли эти удлинения, из которых валил дым.

Здесь проезжали и аналогичные повозки Юн Луляня, но запряжены они были существами, отдалённо напоминавшими лошадей. Тела их были как удлиненные и стройные, так и грубые, но крепкие. Строение определённо лошадиное. Вот только эти существа были, по мнению Юн Луляня, жуткими.

Их тела были прозрачными. Через мягкие пластины, эмитирующие кожу, виднелись стальные мышцы и сам скелет. Там, где были жизнетворные органы, крутились круглые взаимосвязанные механизмы. Широкие копыта разгоняли стоячий туман.

Хвост хлестал, как хлыст, а голову заменял необычный большой шлем. Там, где должны быть глаза, была единственная округлость, отдельно напоминающая фонарь. Под ним тянулось зубчатое удлинение, как нос сапога. Из-под этой штуки выходил протяжный вой, когда животное издавало звуки, а вместе с ним и рвение пара.

Внутри Ии Мин все было еще сложнее и запутанней. Город, как и мост, был окутан мистическим туманом, который усиливался по вечерам, заглатывая столицу целиком. Дома,

улучки, лавки, рынки — срослось и наседало друг на друга в какой-то неправильной грамотности, смешным под соблюдением расчетов при строительстве. Они рвались ввысь, к небесам, имея различные удлинённые формы: одни были как цветы, другие как гроздь винограда, третьи похожие на грибы. Настолько неустойчивые, и все соединялись и обвивались мостами, никак не отделяясь, словно единый организм.

Из этих наклонённых, прямых и кривых вышек торчали то, что стражник назвал «трубами», выпускающими из себя вечный дым, застилающий небо. Если проще — результат от того, что в их недрах переваривалось.

Растения здесь были, но и они буквально вылезали из-под мостиков, росли на крышах, и их численность была в полном беспорядке. Зелень была разбросана прямо как ошибочные пятна на картине великого художника.

По мимо этого была ещё и традиционная краснота. Символ удачи, счастья и процветания. Красные раскрытые зонтики, утыканные повсюду бумажные фонарики такого же яркого цвета с чернильными иероглифами, вырезанные из волшебной, не промокающей бумаги цзяньчжи любых форм и изображений.

Большинство крыш из-за дыма и не видать было. Здесь внизу Юн Лулянь был как муравей, как и большинство людей, заполнявших зигзагообразные гибкие улицы. Они узкие и наседающие и больше похожи на купол, так как всё, что видно от реального мира — малая часть небес.

Люди, что бедные, что богатые, носили традиционную одежду. Это было без изменений. Юн Лулянь облегчённо выдохнул, боясь, что и горожане будут нелепо выглядеть в этом необычном месте. Лишь маленькие детали, такие как украшения, пояса и любые аксессуары, претерпели незначительные изменения.

На одной девушке пояс был длинным и сжатым, словно сделан из аналогичного металла. Он отчётливо подчёркивал стройную талию. А на руках странные перчатки, каких Юн Лулянь еще не видел. У кого-то были те же стальные детали в волосах. У одного парня в глазу было вставлено что-то сверкающее. Мужчина, куривший у угла, натянул на заросшее лицо отливавшую металлом широкую шляпу с красными колокольчиками. А за парочкой детишек, лязгая лапами, бегала собранная по частям собака. Из ее пасти и парочки труб на спине выходил тот же пар.

И все вели себя так, будто это совершенно обычное дело! Как может это всё быть обычным?! Юн Лулянь схватился за голову, уже ни о чем не думая. Ему казалось, что еще немного и он сойдет с ума.

— Юный господин? — обратился к нему стражник, видя, что вид у того нездоровый и потерянный. — Вам нехорошо?

— Я, — беспamięтно начал Юн Лулянь, но слова никак не собирались в его голове. — Я просто... не могу пока ничего понять.

Мужчина с пониманием похлопал его по плечу и состра-

дательно улыбнулся.

— Ничего страшного. Все, кто впервые прибывает в Ии Мин из окраин, тоже не понимают, что за мир их окружает. Но постепенно привыкаешь.

«Спасибо, конечно, за понимание», — в полубреду подумал было про себя Юн Лулянь, но вид этого города, его вонь и всё это никак не вписывалось в понимание юноши.

Когда он был в последний раз в Ии Мин, имеющемся тогда Тянь Синь, ему было шесть лет. Но и то в памяти отложилась совсем другая картина. Воздух был чистым, небеса виднелись везде, куда ни глянь. Домишки и улочки были далекими и ровными, было много деревьев, цветов, да и деревянные мостики с чистыми прудами и реками, в которых цвели лотосы и плавали карпы, он хорошо помнил.

— А кто сотворил такое? — спросил он, уже не зная, как ему воспринимать эту реальность.

— Наш великий император, — дал стражник вполне очевидный ответ. — Его Высочество У Ливэй сам всё конструировал, делал чертежи и контролировал все постройки. Всё, что вы видите, — это его идеи и его творения.

— Я многое про него слышал, — обронил эту фразу Юн Лулянь с хмуростью. — Так, значит, правду говорят, что он редкостный гений. Хотя, как по мне, на такое способен и больной на голову безумец.

— Обычно за подобные слова могут наказать и даже казнить, юный господин, — строго напомнил ему стражник. —

Однако, так как вы под сильным впечатлением, сделаю вид, что ничего не слышал.

Юн Лулянь ухмыльнулся ему своей фирменной ухмылкой.

— Премного благодарен, господин стражник! — весело отозвался парень.

Мужчина едва заметно вытянул губы и сказал в ответ:

— Зовите меня Дзен Минг.

— А как же тогда выглядит дворец императора? — в нетерпении задал новый вопрос Юн Лулянь, когда они уже были у самой окраины.

Дзен Минг на миг опустил голову, а потом поднял целеустремлённый взгляд.

— Можете сами сейчас и посмотреть. — Проговорил он, и Юн Лулянь последовал его совету.

Дворец императора был таким, каким его помнил Юн Лулянь. В отличие от города, изменения не коснулись этого замка, пронзающего крышей парящие облака. Лишь здесь всё было таким, каким и оставалось с истинных времен.

Огромная территория с лесами и озерами, покрытыми белоснежными цветами. Дальше самого прекраснейшего дворца величественно возвышались горные хребты. Словно хранители, они отгораживали его от того, что было за ними. Их верхушки так же утопали в плотных бессмертных облаках. С некоторых так же спадали бурлящие водопады.

Город Ии Мин был большим, но всё, что принадлежало

дворцу, было огромно. Будто вторая столица. Два мира, резко контрастирующих друг с другом в непохожести и величии.

В воде драгоценными камнями плескались все виды рыб, над головами летали журавли, а по территории ходили слуги и люди из знатных родов. Запах лотосов, чистота природы... Всё сохранилось, осталось нетронутым.

Когда они подъехали к ступням дворца, Юн Луляню открыли дверь, и стражник, с которым он успел подружиться, Дзен Минг, попросил его подождать.

Стоя вне повозки, Юн Лулянь уже шестым чувством уловил, что на него смотрят и косятся. Ещё бы! Он видел, что даже слуги здесь были одеты с иголки, несмотря на скудность и мрачность своих одежд.

А он что? Лохматый, растрёпанный, не умытый, во рванье, которое только на тряпки и годится. Не то чтобы ему было стыдно за свой вид, но дискомфорт он определённо ощутил.

«Поскорей бы меня уже впустили во дворец!» — жалобно простонал Юн Лулянь, услышав про себя неприятные шепотки. — *«Не хочу здесь стоять! Уж лучше в пруд прыгну!»*.

— Извините. Это вы, юный господин Юн Лулянь? — спросил у него незнакомый, однако очень мелодичный и бархатный голос.

Все раздражение юноши в миг улетучилось. Он поднял глаза чуть выше. Перед ним стоял высокий, стройный и

светлой наружности мужчина в белых одеждах. Волосы, как ночь, покоились на плечах и спине. Вид у него был чутка болезненным, но оттого еще более притягательным. Губы, лоб и нос без изъянов. Только глаза у него были плотно закрыты.

Мужчина, не получивший ответ, вопросительно наклонил голову с таинственной доброй улыбкой.

Пораженный его внешностью, Юн Лулянь восторженно и, залившись краской, слишком быстро заговорил:

— Да! Это я! Юн Лулянь прибыл по приказу самого императора!

Мужчина по началу вскинул брови, а потом беззлобно, тихо засмеялся. Уши и шея Юн Луляня стали просто горячими от стыда. Он кривил и закусывал губы, чтобы не застонать от досады.

— Не нужно так нервничать, — заботливо посоветовал ему этот сказочный красавец. — Меня зовут Шимин Байинь. Я управляющий одного из орденов и личный советник его величества У Ливэя. Меня попросили встретить вас, молодой господин.

Шимин Байинь? Промелькнуло в голове у Юн Луляня. Шимин. Он уже слышал эту фамилию и если не ошибается, то...

— Ну что же, юный господин Юн. Я понимаю, что дорога была нелёгкой, но будьте так добры проследовать за мной к его величеству. Он занятой человек и уделить вам сможет, увы, не так много времени.

Шимин Байинь повернулся к нему спиной и плавными беззвучными шагами стал подниматься. Юн Лулянь засеменял за ним, стараясь держать дистанцию.

Да, его жизнь явно поменяла полюса. Но к таким изменениям, как он понял, юноша оказался не готов.

Глава 4 - Нефритовые братья

Императорский дворец, именуемый Ван Ши, был велик, когда человек стоял рядом. Вдалике он казался белоснежной непреодолимой горой, через которую может перелететь только божественный дракон. Даже его высоченный пик скрывался в облаках. Прямо как горы, стоявшие с ним так рядом и по-родному, словно родные братья. Рядом с ним бесстрашно прилетела стая белых журавлей, как простые белые, едва видневшиеся пятнышки.

Окруженный многочисленными чистейшими озерами, он казался плавучей крепостью. Настолько широкой, огромной, сложной и многофункциональной, со множеством строений, посадок низких растений, мостами и ухоженными дорогами.

На крышах и многих корпусах золотом сияли множество различных скульптур неких магических зверей и тварей, коих уже и не встретить во Всемирии. Настолько детально передали их облик, что по ночам они выглядят как живые. Стража не рискует подходить.

Сколько же здесь было старинных храмов, резиденций, высоких башен. А внутренние дворы и сады: с вишнями, яблонями и сливами, просто не знали себе счета. Когда они цветут, засыпают без остатка.

Всё вокруг белое, бежевое, нежно-розовое... Красотища редкостная. Не даром вся знать съезжаться ко дворцу, осо-

бенно к весне. Они не только решают важные вопросы, но поговаривают, что каждую весну во дворце в течение семи дней император принимает у себя в гостях всех благородных бессмертных и знатных со всего Всемирия.

Подъем по белокаменным ступеням показался Юн Луляню чем-то бесконечным и выматывающим. Он парень, конечно, худой, но с тем образом жизни, что ему приходилось вести на улицах бедного городишки на самой окраине, его мышцы были хорошо натренированы от бега. Пусть мускулистым его назвать — язык не повернется.

Запахавшись и еле волоча подкашивающиеся ноги, Юн Лулянь согнулся в три погибели с тяжелой отдышкой, чтобы перевести дух.

И только когда он сильно закашлял, его спутник, на котором не было и росинки пота, развернулся в его сторону и без каких-либо проблем легко и озадаченно спросил:

— Юный господин. Всё в порядке?

Юн Лулянь испытал слабое раздражение этим вопросом. Голова была опущена, волосы неприглядными паклями свисали, а потому и выражения лица не увидеть. Но даже так...

Он что, издевается? Неужели по мне не видно, что я устал? Ты человек, конечно, приятный, зла я не держу, но неужели ты на столько...

— Прошу, не злитесь на этого недостойного человека, юный господин, — неожиданно заговорил Шимин Байинь и кротко улыбнулся. Когда он так о себе заговорил, да ещё и

понял, что Юн Лулянь гневается, то юноша, лицо которого вытянулось от изумления, не смог на него не посмотреть. — Я могу быть крайне... невежливым. Особенно с незнакомыми мне людьми. Ибо их облик, как весь мир, скрыты от меня. — Проговорив это с какой нежной печалью, мужчина кончиками пальцев левой руки коснулся своих закрытых глаз.

Юн Лулянь был в ужасе. И это отразилось в его голосе, когда он шёпотом произнес:

— В-вы... слепы?

Улыбка Шимин Байиня стала более устойчивой. Уголки глаз тоже слегка вытянулись. Он подтвердил слова юноши кивком.

— Да. Таким уж я родился, — без стеснения выдал ему Шимин Байинь, всё с такой же непринуждённостью и дружелюбием. — Моя семья хоть и была ещё знатной на момент правления бывшего императора, но сын-калека в наследники не принимался. — Сказал он и благодушно усмехнулся. — Потому меня отдали на попечения во дворец, как слугу. Однако, я слепой и мало что мог без посторонней помощи.

Юн Луляня уколола совесть. Ему было стыдно за свои поспешные мысли. Он не знал об этом человеке ровным счётом ничего. Шимин Байинь производил двоякое впечатление: он был хрупким внешне, но внутри, казалось, сломить его было невозможно. Судя по богатым одеждам, прямой стойке и то, какую сильную, но спокойную ауру он излучает, то явно уже достиг просветления.

По своему тяжкому опыту Юн Лулянь уже мог знать, что жизнь у этого человека явно не баловала. И раз он слеп, то как смог добраться до такого высокого чина, что его признал сам император? О котором порой такое говорят, что даже молния побоится бить в его присутствии, лишь бы не разгневать.

Юн Лулянь выровнил свое дыхание и вытянулся, вглядываясь в чистое красивое лицо Шимин Байиня, продолжавшего любезно улыбаться без намека на ненависть и злость. Он опустил свои глаза и хотел извиниться, однако ровный голос мужчины опередил его:

— Судя по возникшей тишине, юный господин думает: «Как такой калека, как я, смог достичь доверия и благословения самого императора?».

И он не спрашивал, а прямо уточнял. Но не это повергло Юн Луляня в холодный шок. Его передёргивало от догадки, что этот слепой мог читать его же мысли! Уж слишком точно он уточнял, при этом не услышав парня.

Но и здесь Шимин Байинь в накладе не остался.

— Позвольте мне угадать, — трепетно и как-то дразняще вытянув губы, попросил он, приложив пальцы ко рту. Темные брови поползли вверх. Выглядел он как человек, задумывающий шалость. — Молодой господин, небось, негодует на мою догадливость о его мыслях. Я прав?

Пальцы Юн Луляня неприятно закололо, руки и ноги пробило дрожью. Шимин Байинь был полностью слепым и не

мог (к счастью!) видеть, каким перекошенным и бледным от ужаса было лицо Юн Луляня.

Юноша часто слышал, что дворец Ван Ши кишел странными, неординарными и порой пугающими людьми, которых собрал вокруг себя правитель всего Всемирия. Шимин Байинь был одним из них. Пусть он слеп, пусть и не выглядел как-то пугающе, Юн Лулянь уже по одному темному разрезу той милой на вид улыбки видел, что человек он серый. Пусть белизна его и слепила остальных.

Одна волна, перерастая из мрачных, способна породить гибель для многих неосторожных людей. Вот что олицетворял собой слепец Шимин Байинь. Он был скрытой силой той глубины, на которую не спуститься человеку, а столкнувшись с ней и пойдя против нее, потонет навсегда.

Для Юн Луляня такие люди уже были сигналом тревоги. Однако он не знал, что его ждет во дворце, как и цель своего визита, а потому решил пока не выделяться из толпы деревенщин. Нужно было стать обычным крестьянским мальчишкой: глупым, наивным и невнимательным. Если, конечно, этот мужчина не раскрыл его раньше, то, возможно, за его оплошности в меру наигранного скудоумия для Юн Луляня, как и для его участи, судьба не приготовит ужасный конец.

— Вы уж простите меня! — громко воскликнул Юн Лулянь, сменив мрачное выражение на бойкое и задорное. — Вы прям так точно передали всё, что я думал. Вот и удивил-

ся!

Всё поведение Юн Луляня так и светилося детской несообразительностью. Если бы Шимин Байинь мог видеть, то реакцию такого человека, носящего маску Будды, за которой скрывалась тьма, Юн Лулянь бы не смог предугадать. Однако решил рискнуть.

Он не мог сказать плохо об этом человеке, так как видел его впервые. Но и многолетний опыт тоже не заставлял расслабиться.

Юноша лучезарно улыбался, жмуря глаза, как довольный кот на солнышке. Вот только про себя он мыслил холодно и здраво. Далеко без лишнего энтузиазма:

«Как будто я могу так просто тут всем доверять. Чертов папаша ни слова не сказал, почему меня сюда привезли. Очевидно же, что я здесь для чего-то нехорошего! Возможно, Шимин Байинь это знает и потому пытается запугать меня еще больше? Я вообще его прочесть не могу. Ладно, спешка и паника мне не помощники. Буду играть дурочка и дальше, смогу хоть какую-то информацию раздобыть. А там и сбежать, глядишь, выйдет».

— Хе-хе-хе, — фальшь и мысли Юн Луляня раскололись, когда он уловил нежный, словно весенний лепесток, смех. Шимин Байинь, чуть наклонив голову набок, мягко смеялся, без какой-либо колкости. Глаз Юн Луляня дёрнулся. — Юный господин, — заботливо прошептал мужчина, но от милости этой шла какая-то зябкость и тяжесть. — Вы пра-

вильно подметили, что доверять во дворце мало кому можно, — от его слов кровь Юн Луляня превратилась в камень, и он не удержал испуганный звук. Шимин Байинь продолжал всё так же. — Также отвечу, что я не знаю о причине вашего прибытия в столицу Ии Мин. Его Высочество У Ливэй лично согласился принять вас в тронном зале, куда мы и идём. Время поджимает. Никаких более вопросов, юный господин, — потребовал он всё так же по-родительски и повернулся к Юн Луляню спиной. — Следуйте за мной в молчании. Император не любит, когда его отрывают от дел не из-за ничего.

— Да, но я! — вскрикнул было Юн Лулянь, но тут же себя одёрнул и нахмурился, видя, что Шимин Байинь более не останавливался. Всё, что осталось юноше — нагнать его и при этом держать почтительное расстояние. Пробуравив мужчину недоверчивым взором, Юн Лулянь решился задать вопрос. — А вы...

— Я не умею читать мысли, — вежливо перебил его Шимин Байинь, словно знал, что тот хотел сказать. Не умел, однако уже в кой-то раз договаривал за ним. — Я слепой, но не глупый. Я не могу видеть ваше лицо. Однако колебания энергии, такие как: тревога, ложь, смятения и двуличность, улавливаю чётко.

Поступью кошки: бесшумной и лёгкой, Шимин Байинь остановился, когда Юн Лулянь чуть не врезался ему в спину. И только стоя так близко, он понял, насколько Шимин Байинь был высок и статен.

— Юный господин, — вновь обратился к нему Шимин Байинь, поворачивая голову. Юн Лулянь, ничего не ожидавший, застал, а потом во всю раскрыл ошарашенный взгляд. — Я чувствую, как вы удивлены. Но чему? — терпеливо задал вопрос Шимин Байинь, глаза которого были открыты и взирали прямо на изумлённого юношу.

В них не было ничего такого. Обычные глазные яблоки и радужка. Цвет их был блёкло-серебристым, словно раковина на дне океана или сверкающая чешуя рыбки в пруду. И всё же, будучи застеленными слепотой, они были решительными, глубоки и очень пронзительными. Юн Лулянь испытал тот страх, как в детстве, когда ему казалось, что где-то в темноте за ним наблюдает невидимый монстр, знающий про него всё.

Губы Юн Луляня раскрылись в немом вздохе, но сказать он ничего не смог, а лишь поджал губы и отворотил голову в сторону. Невидящий этого Шимин Байинь вяло прохохотал, словно нашёл это забавным.

— Что? Даже такой калека, как я, пугает? — в ответ было молчание. — Понимаю. Жду не дождусь, когда вы встретитесь с императором, — сказал он, закрыв глаза и продолжив шаг, в котором не было звука. — Один совет: при нём не будьте таким нечестным, юный господин. Если он уличит вас во лжи, то... — он не договорил и опять рассмеялся. Уже от этого Юн Лулянь покрылся мурашками. — Неважно. Я просто прослежу за всем, как и всегда. Не больше и не меньше.

Те места, где гостей принимал хозяин — сердцевина каждого элитного дома. Но тронный зал императорского дворца Ван Ши — сердце, душа и разум этого чудотворного места. Всё здесь казалось чем-то живым и особенным. По крайней мере, для такого низшего простолюдина, как Юн Лулянь. Придя сюда, он ощутил и страх, и трепет, и незнакомое ледяное возбуждение, словно острые льдинки кололи его по сосудам всего тела.

Помещение было невероятно огромным и широким. Из-за далеко расположенных закрытых окон был полумрак. Серо-блѣклый свет, сходявший из внешнего мира, не достигал и пяти метров до середины сего пространства. Здесь было холодно, как в склепе. Много колонн, укреплѣнных от сверкавшего каменного пола (настолько вычищено, что Юн Лулянь отчѣтлив видел детали своего ошарашенного лица) до малейших деталей расписанного потолка.

Все колонны гибко обвивали золотые драконы, сделанные настолько детально, что Юн Лулянь впервые боязливо дѣрнулся, когда увидел одну скульптуру. Здесь также были и другие люди: богато одетая знать, как заклинатели, так и даосы, а также он видел слуг и военных. Людей было достаточно, но для этого места они, в том числе и Юн Лулянь — просто горстка крошечного бисера.

Когда Шимин Байинь заступил на красный ковѣр с золотыми цветами на нём, а Юн Лулянь, как только что родившееся оленѣнок, неловко переступал, стараясь и всё разгля-

деть, и не отстать. Все люди, до этого скромно переговаривающиеся, в миг стихли. Они в траурном молчании следили за идеальным и правильным Шимин Байином и каким-то неказистым и нерасторопным молодым парнем.

Разница у этих двоих была велика по всем сторонам. Один — королевский белоснежный журавль, а другой — уродливый мрачный сом. И близко не способный сравниться с первым.

Пусть в ушах трезвила гулкая тишина, Юн Лулянь уже в меру привычки понял, что на него смотрят как на больного, от присутствия которого можно заразиться непонятно чем.

Само собой, он знал, что так будет. Так было всю его жизнь, с того момента, как стало ясно, что он не способен не слышать и не видеть. Но всё же, когда он, понутив голову, прошёл мимо парочки заклинателей, то услышал себе в спину пренебрежительные восклицания:

— Почему его царское величие вообще должен тратить своё ценное время на такого оборванца из нищей глуши?

Тот, что был помоложе, хмыкнул, задрал нос, и, быстро раскрыв веер, стал себя обмахивать, отвечая с отвращением:

— Не знаю. Возможно, он что-то натворил, либо его семья, и это что-то настолько непростительное, что само его величие решило с ним разделаться. Хе-хе! Вот потеха сегодня будет, зная, какой у его величия непростительный нрав!

К ним примкнул третий и едко засмеялся.

— Да уж! Его высочество скор на расправу. Скольких он

казнил и просто убил. Особенно этих поганых богопоклонников. Они так кичились своей особенностью, но ни один грязный бог или лживый небожитель не спустился им на помощь в час нужды.

Молодой мужчина собрал веер и неприятно улыбнулся, соглашаясь с собеседником:

— Действительно. Эти мерзкие боги всегда были ничем. Нас ставили на место тысячи лет, а сами сейчас где? Их тела и головы обглодали крысы в канавах.

Их смех был подобен карканью воронов на кладбище. Раз они позволяли себе такие высказывания, значит, они потомки тех, кто был поначалу против самого императора и его реформации Всемира. Либо внуки, либо сыновья.

От богов, демонов и всего магического человечество отказалось не так уж и давно. И как же люди быстро способны забыть многое, если новое, в отличие от старого, дает им лучший комфорт и славу.

Юн Лулянь, сосредоточенный до этого на их беседе, повернул голову и зажмурил глаза от подрагивающего света. По обе стороны стояли позолоченные подсвечники ростом с человека. От горевших свеч тени людей, стоявших в ровных ряд (явно даосов), танцевали на полу. Эти люди смотрели прямо, не шевелясь, как статуи. И чем ближе Шимин Байинь и Юн Лулянь подходили, тем ярче становилось освещение.

И тогда Шимин Байинь остановился. Его одеяния и длинные волосы покачнулись, а разинувший рот Юн Лулянь по-

чти врезался в него. Мужчина обернулся к нему плавным движением. Всё так же вежливо улыбаясь, он свел руки и кивнул головой. После рукой указал парню стоять, а сам пошёл дальше на свет.

Всё еще удивленный Юн Лулянь видел, как он стал подниматься по ступеням, взошел на первую платформу и вновь поклонился, но уже с большим почтением. Вытянулся и поднялся еще на одну, но то было уже...

— Всем склонить головы перед Его Высочеством! Смертным Драконом и правителем Всемирия! — прогремел грозный и пылкий приказ с той самой вершины.

Все как один, без колебаний опустились на колени и склонили головы к полу. Юн Лулянь, окончательно растерявшись, бегло оглядывался на всех. Так и застав, он, наконец, поднял взгляд выше. Туда, куда только что поднялся Шимин Байинь.

Там, куда обычный человек был достоин смотреть лишь снизу вверх, был трон, за ним ширма. По бокам от великолепного трона стояли статуи раскрывших крылья журавлей. Всё это было из чистого золота и в желтом цвете. Запах благовоний из курилец легкой дымкой обволакивал трон. Воистину, императорское величие и нечеловеческое благородство.

Поначалу Юн Лулянь увидел только высокие сапоги, но потом, когда по чаще поморгал и поднял голову, то чуть не упал, забыв, как дышать. Ему хотелось кричать и плакать,

умереть на месте и безумно плясать, захлебнуться в луже и сгореть в благословлённом огне небес. Его колотило и трясло от вида человека, вальяжно сидевшего перед ним на той самой вершине, на которой можно только родиться, но не достичь.

Человек, сидевший на троне, был подобен завораживающей неизвестности. Его жемчужно-белая кожа, редкие брови слегка припущены на переносицу, тонкие бледные губы — эти черты придавали некой напутствующей жеманности. Но прямая осанка, серьёзное выражение, раскрытые плечи и твёрдый решительный взгляд, как у дракона, вызывали страх и желание подчиняться.

Этот человек с невозмутимостью смотрел прямо на Юн Луляня, пригвоздив того острым, как копье, взором. В этих глазах был вековой холод, зоркость орлов и острое меча. Закинув ногу на ногу и выдохнув, он подпер лицо рукой, будто ему было скучно.

Длинные, свободно струящиеся по плечам чёрные волосы и такие же чёрные простые одежды никак не соответствовали образу того, кому положено сидеть в этом сиянии богатства, власти и величия. Однако даже так выглядело неповторимо и прекрасно, что можно было бы и умереть с улыбкой.

Если сравнивать Юн Луляня с Шимин Байином, то уродливый сом и грациозный журавль. Но здесь, бесспорно, он жалкая крыса, которую без труда уничтожит чёрный тигр в золотом.

Не понятно, сколько времени прошло, пока Юн Лулянь был зачарован. Однако тот же самый нетерпеливый и свирепый голос вновь прокричал на весь тронный зал:

— Наглый мерзавец! Как смеешь ты так дерзко пялиться, когда перед тобой сидит сам император Всемирия У Ливэй?! А ну склони голову, выродок!

Выдернутый из мыслей таким жестоким выговором, Юн Лулянь встрепенулся и, впопыхах не зная, что делать, споткнулся о свои же ноги, с криком упал на задницу. Не успел он прийти в себя, как тот же самый воинственный голос опять придавил его:

— Ублюдок!! Я приказал тебе опустить голову, а не задницу!! Ты совсем полоумный?!

В толпе кланяющихся кто-то прыснул, и послышались сдержанные смешки.

Полностью сбитый с толку, Юн Лулянь рассеяно зажестиковал руками в отрицании и оторопело говорил, не понимая собственных слов:

— Н-нет! Я... Я-я п-просто... Это н-не то, я во все не...

Однако тот, кто кричал, не проявил ни капли сострадания. И злорадно усмехнулся.

— Ха! Да он и говорить нормально не может. Что мы должны обсуждать с такой бесполезной бестолочью, как он?! Только зря своё время тратим. Будет лучше отрубить ему башку прямо сейчас.

Звук раздвижных ножен и сияние чистого серебра сверк-

нуло в переливах золота. Юн Лулянь был уверен: его запуганный лик, несмотря на дальность, отразился на лезвии длинного, невероятно красивого меча этого мужчины.

Первый уже сделал шаг со страшным оскалом, но тут же застыл, когда на рукоять его меча легла другая рука: более тонкая и изящная.

— Генерал Цайфу Чу, убери меч. Сейчас же. — В противовес высокому и дикому, этот голос был мрачным, уставшим, однако не менее властным и стойким.

Тот, к кому обратились как к генералу, оскорблённо скрипелся.

— П-почему, Ливэй?! — не веря, всё так же громко спросил он. — Этот мальчишка мало того, что посмел нас беспокоить, так ещё и не проявляет должного уважения! Наказать его — это...

— Этого не нужно. — Закончил за него никто иной, как император У Ливэй с кислым выражением на красивом лице. — Кем бы он ни был, сейчас он гость. Я сам принял решение выслушать его, а ты мой брат, и наш долг проявлять заботу о своём народе, а не кидаться на него и отсекал головы. — У Ливэй безэмоционально посмотрел на Цайфу Чу, и тот скрипел зубами от злости. — Убери меч в ножны.

После повторного приказа генерал нехотя подчинился и резким движением выполнил наказ. И пусть он мог лишь рычать. Когда император отвернулся, то Юн Лулянь столкнулся с проклинающим жгучим взором Цайфу Чу, устремлен-

ным прямо на него.

Я тебя убью! Беги и оглядывайся! Достану, и о смерти меня умолять меня будешь!

Вот что читалось в его потемневшем от ненависти лице.

Ну вот. Только попал во дворец, а меня уже убить хотят! Хорошая работа, Юн Лулянь! Хотя чего это я! Моей вины тут вообще нет!

Убийственное напряжение разрушил мягкий, словно у девицы, смешок.

— Шимин Байинь! — остервенело взревел генерал на того, кто сейчас тихо посмеивался. — Тебе хватило наглости смеяться надо мной?!

Если Цайфу Чу стоял по левую сторону трона, то Шимин Байинь был по правую. У Ливэй, сидевший на троне, как-то обреченно вздохнул, закатив глаза и поглаживая висок.

В долгу у вопроса генерала Шимин Байинь не остался:

— Ну что ты такое говоришь. Я смеюсь над ситуацией в целом, а не только над тобой.

Вены на скуластом лице Цайфу Чу запульсировали отчетливей.

— Ага! Значит, и надо мной в придачу, да!? Хорош смеяться! Отвечай на вопрос!

До этого нежная улыбка Шимин Байиня, обращенная к товарищу, стала немного острее, больше похожая на насмешку.

— Ну, ты основная причина всего смешного.

И в этот раз он точно криво уголки губ поднял. Хоть и слепой, а знает, как по-большому ударить. Оскалившийся Цайфу Чу вновь схватился за меч, но Шимин Байинь, только прижав пальцы к губам, приглушая новую порцию провоцирующей насмешки.

— Я ведь приказал тебе убрать меч! — раздражительно напомнил ему У Ливэй, сидевший по середине и вынужденный слушать их перепалку.

Весь шарм... Сама атмосфера этого великолепного места просто превратилась в ничто для Юн Луляня так точно. Он по-прежнему сидел на заднице уже с не с таким воодушевлённым видом.

Зато теперь он прекрасно понял, кто есть кто, так как историю Всемирия учил очень хорошо, пусть и лично самих представителей не встречал. Сначала он покосился на того громкого мужлана в легких доспехах, с острыми и мелкими чертами лица. Достаточно высокий и приятно сложенный, он в невозмутимом образе и впрямь создавал вид идеального война, на которого хотелось ровняться.

Самый знатный и главный среди всей армии Всемирия генерал, а также левая рука императора Цайфу Чу. Происходит родом из одной из сильнейших семей, поколениями служивших императорам царства людей. Являлся вторым сыном бывшего, уже почившего генерала. Также прославился свирепым, вспыльчивым и жестоким нравом. Он один из первых, кто поддержал У Ливэя пойти против Богов. Лично

сопровождал в каждом бою, а также помогал с реформами Всемирия и сам карал всех, кто смел поднимать руку либо слово на императора.

Многие прозвали его «верным имперским псом», однако такое в лицо ему явно никто не осмелился бы сказать. На расправу Цайфу Чу был скор, как божественная молния, пронзающая грешников. Что еще сказать? Талантливый красавчик со скверным характером, при котором за языком лучше бдительно следить.

И теперь тот, кто был по правую сторону. Шимин Байинь. Теперь Юн Лулянь не сомневался в том, где мог слышать его фамилию. Он не просто какой-то там помощник императора (хотя быть приближенным уже честь, которую не заслужишь и за сто лет) или бессмертный опытный заклинатель, о чем весь его вид просто орёт. О его происхождении толком ничего не известно, а то, что он сам говорит, может быть и ложью. Ибо, несмотря на его кроткий и тихий благоверный нрав, поговаривают, что он далеко не тот человек, каким хочет казаться. Бывало, такие пируэты выдает, что несчастных шатает дольше и сильнее, чем при похмелье, а некоторые остаются моральными инвалидами после его действий на всю жизнь.

Юн Лулянь вспомнил, как он угадывал его мысли и как припугнул под конец разговора, так что с горечью пришлось признать, что слушок правдивый ходит. Шимин Байинь не просто возглавлял какую-то там парочку сект. Ох нет. Он

уже давно как нынешний глава абсолютно всех кланов Заклинателей и их семей, что проживали во Всемирии.

Дело в том, что после того, как У Ливэй взошел на трон и стал переделывать царство людей, искореняя всех богов и магию, заклинатели также попали под удар. Пусть богам они не поклонялись, но без магии быть теми, кто они есть, не могли. Само собой, У Ливэй и слушать их не желал, а потому стал закрывать все секты, распускать учителей и их учеников. Почти выдал указ о том, что появившись хоть один практикующий любую магию, будет публично казнен перед народом.

Однако вмешался его лучший друг и слуга Шимин Байинь, которому удалось уговорить У Ливэя этого не делать и позволить продолжаться роду заклинателей. Он сам всегда мечтал стать заклинателем, но из-за своей врожденной слепоты и статуса слуги ему грубо отказывали.

Ну и, конечно, не обошлось и без урезывания. Во-первых, Император разрешил это только тем семьям и кланам заклинателей, которые безукоризненно подчинялись воле самого Императора. Во-вторых, контроль над ними был очень суров и по сей день, а сама система, по которой работали заклинатели, уже не была прежней. И в-третьих, не многим сектам удалось сохраниться до сегодняшнего дня.

Увы, но из сотни различных школ и сект, что малых, что великих, осталось только десять. И все они находятся под строгим контролем У Ливэя и его людей. Если хоть одна

школа нарушит закон, её тут же без суда и следствия закроют, а главу в лучшем случае исключат. Хотя были случаи наказания и пострашнее.

И этим контролем над всем и вся занимался лично Шимин Байинь. Ни одно дело, касающееся заклинателей, более не проходит без его личного надзора.

За все свои заслуги, преданность и покорность перед императором Цайфу Чу и Шимин Байинь официально носили титул «Нефритовых братьев».

Глава 5 - То ещё недоразумение

Свет от многочисленных свечей в тронном зале беспокойно подрагивал. Император в своей мало заинтересованной манере приказал всем присутствующим поднять головы и то, когда утихомирил своих названных братьев. Шимин Байинь всё ещё подавлял смешки, а Цайфу Чу, рыча, как разозлённый пёс, едва сдерживался, чтобы вновь не ухватиться за свой хваленый меч.

Юн Лулянь, который всё же сел на колени, чтобы к нему не придирались, понял, почему личное общество императора называли «странным». Те двое пускали друг в друга искры вражды, но это больше походило на детей, не поделивших внимание родителя. Никак не на конфликт взрослых людей.

Юноша бегло огляделся на окружение других людей, и те не смели более говорить, даже если испытывали к Юн Луляню неприязнь во всех её видах. А когда ты растёшь исключительно с подобным отношением, то ощущаешь его лучше, чем что-либо. Вот и Юн Лулянь прекрасно понимал, что он для всех этих богатеньких и не превзойдённых, как таракан на изысканном пиршестве.

Так его янтарные, чуть тусклые при таком малом свете глаза бегали от одного безмолвного угла к другому, пока парень совершенно случайно не поднял их к трону. И тогда...

Его дыхание застыло в глотке, рот приоткрыт, губы задрожали. Он знал, его трясет и внутри, и снаружи. Однако, как ни старался, а дрожащих глаз он так оторвать и не мог.

Император У Ливэй смотрел прямо на него. Всё в такой же безмятежной позе: наклонив голову на бок и придерживая её рукой. Чёрный дьявольский тигр среди божественного золота. Белое лицо без шрамов, морщин или каких-либо изъянов. Чёрные волосы гладким шелком обрамляли его скулы. Глаза с прищуром, но при этом очень живые, острые и опасные, были обращены к Юн Луляню.

Внутри Юн Луляня кровь колотилась и кипела, мышцы сводило, а кости как будто ломало. Ему казалось, что чем дольше он смотрит на этого человека, то самое невозможное вмиг станет возможным. Это как потрогать музыку, попробовать на вкус лунный и солнечный свет или увидеть сквозь пространства и время.

— Итак, вернёмся к тому, с чего начинали, — апатично заговорил У Ливэй и тем самым вывел юношу из всех тех мягких красок, что поглотили его мысли и душу. — Я буду задавать вопросы, а ты отвечать. Честно, прямо и без вранья. Понял? — при последнем уточнении глаза императора сощурились больше обычного, а голос ожесточился, словно предостерегая.

Взволнованный и нервный от переизбытка чувств, Юн Лулянь громко согласился, почти выкрикнув неровное: «Да!» и тут же склонил голову, желая, чтобы такой великий

человек не видел, как у того горит лицо и как пульс бьётся в ушах.

Шимин Байинь свел руки вниз, не теряя своей красивой улыбки, а Цайфу Чу важно скрестил их на широкой груди и фыркнул. У Ливэй, выдержав паузу, строго заговорил вновь.

— Хорошо. Тогда с начала. Скажи, как тебя зовут?

Пальцы юноши судорожно дёрнулись. Он старался обратиться со всеми душевными силами, чтобы говорить ровно и без запинки:

— Юн Лулянь, Ваше высочество.

— Юн? — озадаченно переспросил У Ливэй. — Ты родом из семьи Юн?

По залу прошлись шепотки. Император вскинул руку, призывая своё общество к тишине. Как и ожидалось, даже этот мелкий гул стих моментально.

Взволнованный Юн Лулянь не ответил сразу, когда понял, что молчит дольше положенного. Вот только не голос самого императора напомнил ему об этом:

— Его высочество задал тебе вопрос, простолюдин! Немедленно отвечай!

Дрогнув еще раз и покусывая губы, Юн Лулянь еще сильнее сжал лоб в пол, так что его холод проникал в сам череп.

— Да, Ваше высочество.

Со стороны У Ливэя послышалось сомнительное мычание.

— Подождите, что-то здесь не сходиться, — с не довери-

тельной горечью обратился он к своим нефритовым братьям. — Разве у семьи Юн остались отпрыски? Насколько я помню, двух сыновей нынешнего главы дома я приказал казнить. Сам лично наблюдал, как им отрубали головы.

Кожу Юн Луляня пробила колкая дрожь.

Я надеюсь, что меня не ждет подобная участь!

Ни Шимин Байинь, ни Цайфу Чу никак не ответили на вопрос своего господина и названного брата. Юн Лулянь не осмеливался поднять головы, а потому не видел, как у них самих был озадаченный вид.

Но слушая императора, в его сердце закрались кое-какие неприятные догадки. Будучи безбожным и бездарным... С последним пунктом он был немного не согласен. Да, ему не дано было родиться гением в какой-либо области. Физически он был не слаб, но и силен, зато сообразительностью и наблюдательностью природа наградила его с лихвой. А если совместить его приобретенное двуличие и лицемерие, то из него выходил неплохой лжец, способный играть на нужной стороне.

Конечно, этим мало кто будет гордиться, однако для Юн Луляня эти качества всегда были лучше самого благословения небожителей, которые, увы, полностью сгинули из царства людей. Если бы не его приспособленность, он бы не дожил до своих лет.

— Кхм-кхм. Позвольте этому недостойному предстать перед могущественным драконом, охраняющим Всемирие от

зол и бед, и поделиться ничтожными догадками.

За спиной Юн Луляня раздалось эхо шагов. Кто-то выступил из тени толпы. Даже в звуке шагов слышалась одна элегантность и покорность. Шуршание дорогих длинных одежд, голос с тонкой натянутостью и гибкостью, как у изнеженной девицы, представшей перед мужем... Если бы Юн Лулянь не приподнял косого взгляда, когда этот кто-то поравнялся с ним, то так и не смог бы понять, что говорит это мужчина.

И Юн Лулянь его узнал. Это был тот самый молодой человек с веером, что обсуждал его с другими. До этого он не обращал внимания, так как не оборачивался, но теперь, с такого близкого расстояния, он с точностью разглядел этого молодого господина.

Белые, расшитые золотыми нитями одежды, длинные волосы, убранные на одну сторону, хрупкие плечи, худой стан, прикрашенные губы в насмешливом изгибе и глаза, похожие на искусные хрустали.

Этот молодой господин явно богат и имеет статус, раз ещё и щеголяет в таких браслетах, серьгах и заколке с редкими камнями.

Но даже после его сладких речей и поклона, полного почтения, тон У Ливэя был всё так же холоден и равнодушен. Когда он обратился к юноше:

— Господин Чао Дэ. Вам есть что донести до нас?

Лицо Чао Дэ просияло благоговейной улыбкой. Казалось, он сейчас расплачется от счастья.

— Само разумеется. Ваше величие. Сильнейший, могучий...

— Хватит этой ненужной лести, мальчишка, — нагло обрвал его медовые слова Цайфу Чу. Его вспыльчивость оцутима сменилась ярым презрением и отвращением.

— Этот достопочтенный полностью согласен с генералом Цайфу. Будет лучше, если разговор будет исключительно по делу. — Данное пренебрежение и не обошлось со стороны самого Шимин Байиня. Мягкое лицо мужчины нахмурилось в неприятии.

Но недружелюбный такой тон со стороны двух нефритовых братьев не поколебал решимости и любви Чао Дэ, душа и сердце которого тянулось только к У Ливэю.

Про себя Юн Лулянь продолжал анализировать.

Чао — это фамилия принадлежит одному именитому клану торговцев, которые наравне с предками У создавали столицу царства людей многие тысячелетия назад. Получается, этот парень — их потомок. И коли он присевает в тронном зале, значит, клан Чао также встал на сторону императора. Иначе бы их распустили и сослали прочь, как поступили с родней Юн Луляня.

Вот только если он такой важный, то почему два нефритовых брата императора так предвзято к нему относятся? Возможно, это личное, а если и нет, то, значит, семья Чао как-то провинилась.

— Ваше драгоценное величие, этот никчёмный в вашем

свету знает, кто на самом деле этот... — Чао Дэ сдал паузу, покосился на спину всё ещё кланяющегося Юн Луляня и, прыснув в раскрытый веер, с высокомерием заговорил, указав на юношу пальцем: — Этот падший человек. Он третий сын ныне никчёмного Юн Юншэна. В своё время ему предназначалось стать ушами и глазами Богов, потому что семья Юн приклонялась перед ними, выполняя всё, что можно и нельзя. Однако, как поговаривают, третий сын не был таким уж избранным, как ожидал его отец, и Боги отвернулись от них окончательно, а самого юного господина Юн Луляня заклеямили безбожным и бездарным!

Последние слова самым мощным гулом разлетелись по всему тронному залу, задевая свет свечей. В толпах людей вновь возобновились переговоры, пока Нефритовые братья и сам Смертный Дракон просто молчали.

Юн Лулянь, который украдкой поглядывал на возвышавшегося над ним Чао Дэ, заметил, что тот смотрит на него поверх веера, и в хорошеньких глазах был огонёк злорадства. Он получал истинное удовольствие от того, как унижал Юн Луляня.

В какой-то момент юноше показалось, что он уже где-то встречался с господином Чао. Уж больно знакомо ему было подобное поведение, и то, как-то на него смотрел. По мимо обычного легко садизма и высокомерия, которыми богатенькие отпрыски одаривали простолюдинов, Юн Лулянь уловил ещё какую-то скрытую черноту обиды и ненависти именно

к нему.

Так они смотрели друг на друга какое-то время, пока сам У Ливэй не заговорил со своими братьями:

— Вы знаете что-то про это?

Цайфу Чу гордо хмыкнул, всё ещё придерживаясь властной позиции.

— Нет. Даже если он такое ничтожество, нас это никак не касается. Ливэй, теперь ты знаешь, какое это жалкое существо. Стоит ли тратить на него своё время?

У Ливэй, выслушав его, прикрыл глаза, в задумчивости прикоснувшись пальцами к подбородку.

— Я тоже ничего не слышал. И хоть обычно не придерживаюсь грубых высказываний генерала Цайфу, — поддержал диалог Шимин Байинь. — Но он прав. Я понимаю, если бы этот господин был из знатного рода при вашем дворе, просившего о помощи. Однако он никто и звать его никак. Более того, он сын человека, который отрекся от вашего покровительского взора и помощи.

Брови У Ливэя впервые за всё время опустились, а губы сжались, показывая его недовольство. И когда он открыл глаза, то по очереди одарил своих братьев строгим и суровым взором.

— Пусть и так. Но ни судьбу, ни родителей, ни место рождения человек себе не выбирает! — говорил У Ливэй с холодной яростью. Все сжались и замолчали. — Неважно, кто твой родитель и что произошло в прошлом. Я оберегаю всех

людей Всемирия, если они следуют за мной и моим уставом.

Прозвучало крайне благородно, но и при этом лицемерно. Другими словами: пока ты следуешь за волей самого императора, то жить будешь долго и счастливо, а если нет... Ну, Юн Лулянь уже на примере своей семьи и братьев знал исход.

С другой стороны, винить У Ливэя мало можно было за что. Он — сердце, тело и душа Всемирия Царства людей. Как у богов и небожителей есть небесный Император, так и у демонов всех видов есть их Владыка. Все эти главы являются представителями своих царств, их культуры развития и самой жизни.

Всё человечество так или иначе зависит от Императора. Потому мало кто решит обвинить его в себялюбии, эгоизме и неуважении к другим.

— Надеюсь, все это поняли, — мрачно кивнул У Ливэй.
— А теперь подними голову, Юн Лулянь.

Просто, без всяких обращений потребовал он у юноши. И Юн Лулянь с насторожённой зверя медленно, стараясь не делать лишних движений, приподнял голову так, чтобы не вытянуться полностью. Но и видеть императора, как и он его.

— Меня ни разу не заботит, кто ты и откуда родом, — начал разъяснять У Ливэй неторопливо и уже куда мягче, с терпением. Казалось, само острие света в его глазах исчезло.
— Пока ты не идешь против своего императора, таким мелочам нет места в моем дворце. Ясно? — Юн Лулянь про-

молчал и только едва заметно кивнул. Вид этого человека, хоть в демонической злости, хоть в покорности Божьей, был идеальным, простым, но притягательным. Хмуρο довольный этим У Ливэй опять свел пальцы рук вместе, держа локти на подоконниках трона, и, опустив обе ноги, выпрямился, взираясь на темную фигуру Юн Луляня уже с той же драконьей строгостью. — Но мы отвлеклись и говорим не по делу. Время — ценный ресурс всего живого, и мы тратим его впустую. Я этого не потерплю. Потому потребую прямо: назови нам причину своего приезда.

Вот оно! Ресницы Юн Луляня содрогнулись, а сам он поднялся и сел на колени, теперь полностью вытянувшись торсом. От такой резкости стоявший рядом Чао Дэ чуть не выронил свой веер и отскочил от парня, как от огня.

Не зная, какое у него сейчас выражение лица, Юн Лулянь понял, что не ошибался в своих догадках. Ни эти люди, ни Нефритовые братья, ни сам император в действительности не знали, зачем он прибыл во дворец Ван Ши!

Это было ясно еще когда У Ливэй спросил, как его зовут. Тогда-то Юн Лулянь и заподозрил неладное, однако скинул это на чистую вежливость и формальности. Теперь сомнений не было.

Тут он вспомнил предостережения стражников и Шимин Байиня о том, что перед императором лучше всегда говорить только правду и ничего кроме правды. Да и что он мог придумывать в такой ситуации? Единственное, о чем переживал

Юн Лулянь, так это о том, чтобы его не казнили или не обвинили в каком либо преступлении. В конце концов, его могли принять за того, кто промышляет против Владыки Всемирия.

Тот, кто говорит правду, всегда непоколебим, как гладь воды. Следуя этому примеру, Юн Лулянь ответил сразу, прямо и открыто, при этом стараясь, чтобы ни один мускул на его лице не дрогнул, а голос был чист и легок.

— Не считите за неуважение, Ваше высочество. Но я и сам не знаю, зачем меня сюда привезли.

Удивление и искреннее изумление отзеркалилось на всех прекрасных лицах этих господ, а по залу прошлось протянутое: «Ааа?» Богоподобная фигура У Ливэя, до этого истончавшая стойкость гор и силу мифических тварей, застыла, как вода, покрывшаяся льдом. Черты же его лица впервые оттаяли, и теперь в этом истинном непонимании он больше походил на все такого же непревзойдённого, но при этом обычного человека.

Шимин Байинь и Цайфу Чу с такими же вытянутыми лицами переглянулись друг с другом. И пусть первый был слеп, однако, похоже, растерянность второго чувствовал слишком остро. Раз на ответный взгляд пожал плечами.

Юн Лулянь уже смог адаптироваться ко всему происходящему, а потому держался спокойно, не паниковал. Если бы допрос устроили раньше, он бы и слова произнести нормально не смог.

Вот только был тут один человек, который не смог в полной мере нормально расценить открытость Юн Луляня.

— Э-это всё наглая ложь!! — в горячих эмоция взвизгнули ни кто иной, как Чао Дэ. — Ваше величие, этот простолюдин изворотливей уличной крысы! Ему и труда не составит придумать убедительную ложь, чтобы примазать и пустить пыль в глаза!!

Каким бы высокопоставленным чином или элитой не был Чао Дэ, его Юн Лулянь ни капли не боялся, а потому не стал сдерживаться и в громкой манере стал бросаться ответами, ничего не опасаясь:

— Это кто здесь лжец? Я, может, и бедняк, но точно не лгун. Понял!

Ядовитая ухмылка только больше разошлась по губам Чао Дэ.

— И то правда. Ты не лгун, ты гораздо хуже! Такое жалкое убожество не может быть чем-то большим. На тебя, как на человека, смотреть не получается. Ха! Дай угадаю, почему ты здесь. Хочешь отомстить Его Высочеству за всё, что пережил ты и твоя семья недостойных ублюдков, а потому обманул или подкупил стражу, мол, у тебя дела во дворце.

Нервы Юн Луляня стали лопаться от гнева из-за всех этих несправедливых обвинений. Он даже не скрывал своей яростной гримасы. Юноша не только защищал свою мелкую честь, но и понимал, что если будет молчать, за него никто не вступится, потому что, как ни приятно это признавать, но

он буквально никто.

А если этому выродку Чао Дэ поверят, а его едкие слова и так все впитывали, как сухая земля воду, то для Юн Луляня всё кончено. Пусть так и будет. Но молчать он не намеривался до конца.

— Закрой свой рот! — крикнул он, вскакивая на ноги. Ошарашенный и испуганный до смерти Чао Дэ прижал свои тонкие руки к груди и, попискивая, стал отходить назад под давлением ярости Юн Луляня. — Кем ты себя возомнил, что указываешь мне?! Я отвечаю только перед Его Высочеством Императором! А не перед какой-то зазнавшейся мартышкой, от которой за километр духами несет, как от скотины дерьмом!

— Что?! — резко выдохнул Чао Дэ, побледнев, и тут же ослаблено сморщился. — Д-да что... Что ты себе позволяешь?! Ты хоть знаешь, кто я такой?! Да не будь мы во дворце, тебя бы уже давно забили палками до смерти за такие слова!

Юн Лулянь, на манер избалованного юноши, бесстрашно усмехнулся.

— Да? Ну, давай! Зови своих слуг или кто там у тебя. Продолжал провоцировать его Юн Лулянь, пока Чао Дэ только и оставалось, что пусто скалиться, да скрипеть зубами от бессилия. — Что, не можешь, потому что не дома? Что мне толку от того, кто ты, если без своих родителей ты здесь никто!

Униженный Чао Дэ стал задыхаться. Его глаза увлажнились от обиды.

— Юн Лулянь, — мстительным шёпотом произнёс он имя парня. — Ты всё такой же... Всё такой же...

Тем временем, пока все были заняты бдительным наблюдением за ссорившейся парочкой, Император и его названные братья беседовали между собой, так как были сбиты с толку окончательно.

— Я уже ничего не понимаю, — устало выдохнул У Ливэй, прикасаясь пальцами ко лбу и задумчиво опуская глаза.

При всей своей гордой рассеянности менее значимо и благородно он смотреться не стал.

— Ливэй, — грозно обратился к нему Цайфу Чу. — Это уже серьёзно. Мало того, что мальчишка из семьи той грязи, что желала очернить тебя, так ещё он и прибыл сюда скрытно, с такой невинной рожей! — Его крепкая рука вновь легла на серебристую рукоять. В узких, но ярких глазах заискрилась ярость. — У него точно не чистые мотивы, говорю тебе! По-хорошему его нужно отправить в карательную. От одной мысли об этом генерал злорадно ухмыльнулся. — Пару дней там, и я заставлю его сказать правду.

— Этот человек одного понять не может. Вам так не терпится вылить на кого ни будь свой скопившийся за этот месяц гнев, господин Цайфу Чу? — Этот кроткий, но при этом полный раздражения вопрос сошёл с тонких губ Шимин Байиня.

Обычно умиротворенный, он показал признаки недовольства, насупив брови и сморщив переносицу.

Кровожадность Цайфу Чу сменила краски на привычную свирепость и злость, когда он выслушал обвинения Шимин Байиня.

— А ты вообще помалкивай, — прикрикнул он, скрестив руки и отворотив голову, вздернув подбородок. — Занимайся своими заклинателями, а в мои дела не лезь.

— В твои дела? — натянуто переспросил Шимин Байинь и специально едко усмехнулся. — Надо же. Генерал, вы так зазнались, что уже и позабыли, что я такой брат Его Высочества и имею право давать советы.

— Хм! Как можно слушать советы того, у кого мало опыта? — съехидничал Цайфу Чу. — Я тебя не понимаю.

— Ещё бы, — мрачно проговорил Шимин Байинь и, повернувшись лицом к мужчине, добавил сквозь зубы: — С твоим-то скудоумием.

Весь яд оставил лицо Цайфу Чу. И теперь, бледный, с выступающими от шеи и ко лбу венами, он, оскалившись, зыркнул на Шимин Байиня, как на ненавистного врага всей своей жизни.

Между ними злым роком прошлась молния.

— Общипанный журавль! — прорычал Цайфу Чу.

— Бешенная псина. — Пророкотал Шимин Байинь в ответ.

Никогда ещё в Священном зале не было так шумно. Собравшиеся люди, способные лишь любоваться вершиной трона, поначалу с интересом наблюдали за стычкой нищего

паренька и богатенького юноши из знатного рода Чао, но теперь всё их внимание также приковало место подле самого императора.

Знаменитые благодетели Всемирия, Нефритовые братья и смертные небожители ничуть не отставали от этой парочки внизу в плане ругани. Даже сцепившиеся Чао Дэ и Юн Лулянь, услышав, как генерал с криком вытаскивает свой меч и наставляет его на серьезного Шимин Байиня, прекратили брыкаться и, замерев, просто наблюдали.

«Курица разговаривает с уткой», — с обреченностью подумал про себя Юн Лулянь, при этом держа молодого господина Чао за разлохмаченные волосы, в то время как он оттягивал Юн Луляню ухо.

Если драка между юношами была как войнушка годовалых детишек, то вот сражение между нефритовыми братьями могло плохо кончиться. Юн Лулянь и не думал, что они так плохо ладят.

Неизбежное кровопролитие, способное разнести весь дворец на камни, уже должно было произойти, как всего один яростный крик и удар придавили весь их разгоревшийся пыл.

— А ну всем тихо! — все придворные тут же сжались. Кто-то спрятался за колоны, а Юн Лулянь, все держа руки в волосах господина Чао, вместе с ним испуганно взвизгнули, как девицы, и поспешили упасть на колени. — Что вы все себе позволяете?! Это священное место, а не рынок! Знайте

своё место!

Казалось, от самого вопля трясется весь зал, а скульптуры, подхватившие огненный гнев правителя, стали оживать и с такими же огненными глазами проклинали всех, кто тут только был.

Вот она, какая сила голоса! А какое внушение, давление и мощь! Разумеется, гневался на всех никто иной, как император У Ливэй, вскочивший с трона на ноги и озиравший свой народ, как разбуженный дракон. После его ярость во взгляде и лице перешла на своих нефритовых братьев.

Он ничего им не сказал, а они поняли его без слов. Так как молча опустили головы в знак сожаления и отошли на несколько шагов.

Проследив за ними ещё немного, У Ливэй раздражено фыркнул и всем телом устало сел обратно на трон. И было тяжелое безмолвие. Никто не решался что-либо сказать.

— Юн Лулянь, — вкрадчиво и явно теряя былое терпение, обратился к нему У Ливэй. Юноша тут же поднял голову. — Как ты можешь понять, ситуация... Неоднозначная. Я не сужу тебя по поступкам твоего отца, хотя мне стоило бы публично казнить его, как и твоих братьев, — было отчетливо видно, что император уже не в духе. Этого и боялся Юн Лулянь, пусть и старался держаться и не паниковать. — Однако твоё происхождение всё равно усложняет тебе жизнь, так как ты — ребенок треклятого богопоклонника. Который, я так понимаю, от своих «традиций» не соизволил отказаться-

ся, несмотря на моё милосердие, — осуждение и гнев этого человека проткнули Юн Луляня, словно сотня мечей. Пусть он и говорил так угрожающе лишь о его отце, Юн Лулянь не сомневался: одно его неверное слово, и уже его голова будет обклевана воронами. — Я не потерплю в своём дворце тех, кто преклоняется перед богами! — рявкнул У Ливэй, нестерпимо стукнув кулаком по подлокотнику. Юн Лулянь же вздрогнул, едва дыша от страха. — Если ты не знаешь, зачем тебя сюда отправили, то должен хотя бы знать, кто именно отправил за тобой экипаж и стражу. Говори, кто тебя сюда отправил? — потребовал он уже с холодной яростью и соколиной зоркостью в глазах.

И что вот ему делать? Говорить, что он ничего не знает? Но тогда этот дракон или тигр созреет его с потрохами, и капли крови не оставив. А в праведном гневе император ещё страшнее, чем его генерал Цайфу Чу на пару с мечом.

Он ощущал, как глаза У Ливэя вгрызаются в него, и то, как он злится, передавало нервное постукивание пальцев. Все так боялись гнева императора, что никто не смел подгонять парня, дабы не схлопотать.

Юн Лулянь вдруг вспомнил, что уже был готов к тому, что ничего хорошего его здесь не ждет. Раз уж ему самой судьбой на роду написано умереть в расплату за семейные грехи (чтобы ты в аду пережарился, папаша!), то нечего было и тянуть.

— Ваше Высочество, — со всей уверенностью в голо-

се Юн Лулянь посмотрел прямо на Смертного Дракона. Он уже не боялся и принял свою участь, а потому говорил даже слишком отважно. — Этот недостойный не знает, ни кто его к вам послал, ни почему, — брови У Ливэя тут же нахмурились. Юн Лулянь так же непоколебимо продолжал, стоя на коленях (было бы в двойне удобно, если бы этот господин Чао прекратил держаться уже за его одежду). — Ваше недоверие ко мне обосновано, и я не стану возражать, если вы сочтете нужным отправить меня в карательную либо казнить. Однако я так же желаю знать, почему я здесь! — вся мрачность ушла с красивого лица императора, когда он услышал эти слова, но при этом оно стало таким же равнодушным, как и до этого. О чём вообще думает этот человек? — Если это хоть как-то может помочь делу, — сделал передышку Юн Лулянь для того, чтобы вздохнуть. — Мой отец заключил с кем-то из вашего дворца сделку на то, чтобы меня продали вам. Это всё, что я знаю.

— Продать? Мне? — угрюмо повторял У Ливэй, сморщившись. По залу вновь зашлись разговоры и шепотки. — Ты в этом точно уверен?

— Да, Ваше Высочество. — Бодро кивнул Юн Лулянь.

Ему нечего было сомневаться, ведь это чистая правда. Отец и в самом деле кому-то продал его.

Хотя изначально он думал, что это было заключение с самим императором. Но, как он уже понимал, ни У Ливэй, ни кто либо из его приближенных не были в курсе о том, для

чего он здесь.

У Ливэй бдительно наблюдал за ним, изучая каждую деталь, движение и выражение лица. Проницательность этого человека зашкаливала, а так же его недоверие ко всему и всем, кого он в чем-либо подозревал.

Юн Лулянь так же смотрел на него в ответ, явно давая понять, что скрывать и утаивать ему нечего. Глаза тигра становились всё уже и острее. Нехороший знак.

Готовый к тому, что его сейчас прикажут казнить или, что хуже: сослать обратно домой. Юн Лулянь покорно склонил голову, принимая участь.

Однако император отдал следующий приказ:

— Цайфу Чу. Мне нужно, чтобы ты собрал всех стражей, что сопровождали повозку с этим юношей. Допроси их и выясни, кто отдал им приказ. Найди этого человека, у которого хватило наглости действовать за моей спиной и...

— В этом нет ни нужды, Ваше Величество, — непринужденно пропел неизвестный голос, не участвующий до этого. Глаза У Ливэя расширились от изумления, когда он услышал этого человека. Цайфу Чу и Шимин Байинь с тревогой повернулись в его сторону. Народ тоже затих. — Простите, что не доложил об этом раньше. Ухх! Я знал, что шумиха будет, но не думал, что аж такую панику поднимите.

По правую сторону от сидевших на коленях Юн Луляня и Чао Дэ из тени вышел тот, кому принадлежал этот приятный и неторопливый голос. Он вёл себя так вальяжно, будто здесь

и не происходило никаких конфликтов.

Это был богато одетый молодой мужчина, чью одежду украшали механические детали на поясе, в заплетенных длинных волосах и даже на сапогах, от чего шаг был тяжёлым и звенящим. Он выглядел очень образованным и начитанным. По красоте он уступал даже Цайфу Чу.

Однако при всей своей напускной заурядности, его гармоничные, но узкие черты лица придавали ему облик коварного лиса. Особенно эта улыбка... Ох, какая же она неприятная и завораживающая одновременно.

Он шёл вольно по залу, ни на кого не обратив должного внимания. Поравнявшись с ошарашенными юношами, он кивнул им, всё так же улыбаясь, а после поприветствовал лично императора.

Вот только Юн Лулянь заметил, как до этого озорной Шимин Байинь сжал голову в плечи и прикрыл рот рукавом. Бесстрашный Цайфу Чу скривился от отвращения, как если бы увидел нечто отвратное, а У Ливэй, поджав губы, вытянулся на троне, с явной неохотой принимая приветствие этого человека.

— Что всё это значит? — сдерживая недовольство, спросил император, сжимая пальцы в кулаки. Мужчина поднял голову всё с той же хитрой улыбкой. — Объяснись. Ху Цзямянь.

Глава 6 - Фальшивая лиса, сильный тигр

— П-почему?.. К-когда он успел? — дрожаще тихо, как упавшая роса, спрашивал Шимин Байинь, всё еще прижимая свой белоснежный рукав к беспокойному, отчего-то тревожному лицу.

По другую сторону от него слышался знакомый скрежет зубов, подавляющих рвущийся рык.

— Ху Цзямянь! Ах ты, подлый лис! — пророкотал Цайфу Чу, сверля горящим от ненависти взором странного улыбочивого мужчину.

Бдительный Юн Лулянь был готов поклясться, что после появления этого человека температура в тронном зале упала достаточно, чтобы огонь погас, а окна покрылись инеем, несмотря на тепло.

Они с Чао Дэ уже расцепились (хвала Будде). Однако при всей своей былой напыщенности этот гордый и самовлюбленный господин на пару с Юн Лулянем сидел на коленях, весь нездорово бледный, словно это его продали, а не наоборот. Его веер, что он всё ещё держал в руке, ходил ходуном от дрожи в руках, а тонкие ухоженные пальцы сжимали его так сильно, что тот трещал.

Из-за упавших после их потасовки длинных волос скры-

вали истинное выражение господина, но Юн Лулянь был больше чем уверен, что Чао Дэ напуган чем-то до смерти. И лицо у него с характерным лицемерием.

Понаблюдав за Чао Дэ, Юн Лулянь, глупо моргая, сначала повернулся головой к залу. Люди отошли на несколько шагов назад, и все, как господин-неженка, были перепуганы и позволяли себе лишь коситься на незнакомца.

Он, единственный ничего не понимающий, посмотрел на высокий профиль этого человека, видя в нем как благородство с некой силой, способной придавить морально, так и при всей своей добросердечной, мягкой улыбке он отчего-то даже Юн Луляню казался таинственным и жутким.

Что-то было в этих почти закрытых глазах с поднятыми уголками и губах, влажных и гибких. От всего его непримечательного на первый взгляд облика исходило нечто плутовское, бесстыдное и даже порочное.

Ху Цзямянь, не меняя лукавой улыбки, приподнял голову, взираясь прямо на задыхавшегося от ярости Цайфу Чу. Потом его рот быстро дёрнулся, издав неприятный, хриплый смешок.

— О! Это же сам генерал! — восторженно воскликнул он, раскрывая руки, от чего темные рукава, как крылья демона, распахнулись.

Цайфу Чу сморщился, позволяя себе лишь кряхтеть и сжимать кулаки.

— Не делай вид, будто только сейчас меня видишь! —

гаркнул Цайфу Чу, топнув ногой. Эхо разошлось по всему залу.

Но Ху Цзямяня это несколько не потревожило. Вместо поклонения или хоть какого-то подобия страха перед самим генералом Всемирия он играючи сделал озадаченный вид.

— Ой, я случайно задел вашу гордость, генерал? — спросил без всякой учтивости, от чего лицо Цайфу Чу уже буквально посинело. — Простите уж этого невнимательного. — Извинился, однако не поклонился, а вместо этого, едко ухмыльнувшись, прижав пальцы к губам, добавил уже более твердым голосом. — Просто после того случая слава о генерале Цайфу Чу слегка... Подгорела.

Ой, всё! Судя потому, каким разъяренным стал хваленый и гордолюбивый генерал, этому замку полный капец! В его взгляде не было ничего, что напоминало бы разум. Одно бешенство и адский огонь. Да он страшнее целого легиона высших демонов!

И его противоположность Ху Цзямянь был как стойкая гладь воды в лунную тихую ночь. Хотя не то. Он был мирным омутом, способным топить противника с неторопливой жестокостью и наслаждаясь его отчаянными, однако бесполезными криками о помощи.

И вот теперь пришла очередь Юн Луляня трястись и перебрасывать опасливый взгляд от одного ненормального к другому. Если один пёс, а другой — лис... Странно, что они поладить не могут. Оба же из одного семейства, чёрт возьми.

В чём проблема?

«Как они вообще функционируют в одном месте, да под одним надзором Правителя, если готовы разорвать друг друга в клочья при маленькой провокации?! — паника в голове Юн Луляня накалялась по мере того, как эти двое излучали темную ауру смерти и опасности. — Что они за люди?! Да и он кто вообще такой? Ученый?»

— Довольно. — Выдал уже знакомый, бесстрастный, но при этом решительный голос У Ливэя. Цайфу Чу, волосы которого уже выбились из прически и встали дыбом, опустились, а плечи заметно расслабили. Ху Цзямянь же никак не поменялся, только уголки губ припустил и прикрыл опять глаза. — Ху Цзямянь, — обратился он, не скрывая усталости. — Перестань провоцировать Цайфу Чу, — грозно предостерег император, показывая, что шутить не намерен.

Ху Цзямянь изумленно поднял брови на это высказывание.

— Провоцировать? — невинно переспрашивал он, указывая на себя. — Ливэй, это чистой воды недопонимание! — Несерьезно возмутился Ху Цзямянь, надув губы. — Этот генерал за языком совсем не следит. Собственно, как и всегда. — Лоб Цайфу Чу наморщился. — Я уже много раз тебе говорил, что ему цепь нужна, как любой неуправляемой собаке.

— Ах ты ублюдок! — сдавленно рявкнул Цайфу Чу. — Думаешь, раз у тебя есть власть, то можешь делать всё, что только пожелаешь!?

— О чём это вы, генерал? — Как бы невзначай поинтересовался Ху Цзямянь, наклонив голову. — Когда вы злы, ваша речь крайне не определена, как и смысл, что вы желаете донести. Говорю вам это как образованный и разумный человек.

Даже сейчас от издевки не удержался. Ну, в чём-то, по мнению Юн Луляня, ставшего сторонним наблюдателем, этот неоднозначный Ху Цзямянь был от части полностью прав.

Цайфу Чу, при всех своих достатке и военных заслугах перед Всемирием, больше помнился по отрицательным качествам. Наверное, во всём Царстве людей не встретишь большего засранца, чем он!

Единственные, по слухам, с кем он был более-менее мил, отзывчив и даже добр, это лично Его Высочество Император У Ливэй, с которым он вместе рос с малых лет, и его нефритовый брат Шимин Байинь. С последним он часто сталкивался лбами из-за разных принципов, однако в целом их отношения были довольно сплоченными.

Насколько было известно, генерал пусть и пользовался бешеным спросом у представительниц прекрасного пола, однако при всей своей непревзойденной популярности так и не женился.

«Да это надо быть самоубийцей, чтобы решиться выйти замуж за такого деспотичного, непокорного и властного человека, — рассуждал про себя Юн Лулянь, невесело по-

смеиваясь. — *Уверен, что после того, как девушки узнавали его истинную природу характера, то предпочли бы быть брошенными со скалы, чем сойтись с таким тираном!*».

Если возвращаться обратно к реальности, то нравоучения и напутствия Ху Цзямяня вспльчивый Цайфу Чу воспринял не так радушно. Вместо этого он выступил вперед и стал кричать вниз обвинения:

— Ху Цзямянь! Ты обвиняешься в тайном сговоре и содействии с изгнанником-богопоклонником за спиной Его Величества! — При всей этой громкости он сжал пальцами рукоять меча. Вот только проявил больше терпения и вынимать не стал, а вместо этого смотрел на обвиняемого, как если бы объявлял войну. — Неважно, чем ты руководствовался. Сам факт того, что ты не обсудил это с императором — явное доказательство тому, что ты изменник!

Спокойно выслушав всё это, Ху Цзямянь выдержал жестокий взор генерала, после чего вздохнул и покачал головой.

— Это всё взбалмошный бред, — непринужденно бросил Ху Цзямянь, отмахиваясь. — Я бы в жизни не сделал ничего во вред его высочеству, — сказал он в ответ и с мольбой (хорошо сыгранной) посмотрел на императора. — Ливэй, заступись за меня! — жалобно попросил он. — А то твой генерал совсем распоясался.

Вот только У Ливэй, которому всё это шоу порядочно осточертело, нахмурился, не разделяя всей этой несерьезно-

сти своего подчиненного.

— Цайфу Чу полностью прав, — строго высказался У Ливэй, больше придерживаясь позиции того, кто обвинял. Ху Цзямянь удивленно ахнул, но не растерялся, как было ожидаемо изначально. — Кто тебе дал право такое вытворять? Если не считаешь себя изменником, объяснись перед всеми!

— Как это кто? — спросил Ху Цзямянь, легкомысленно усмехаясь. Не нужно обладать острым слухом, чтобы услышать, что даже при обращении к самому императору он не скрывал глумления. — Ты мне его и дал.

Щёки У Ливэя напряглись. Стал он еще мрачнее. Цайфу Чу таки не выдержал и, обнажив холодное оружие, заорал:

— Как ты смеешь обвинять в чём-либо императора!! Ещё и таким дерзким тоном!

— Успокойтесь, генерал, — небрежно посоветовал Ху Цзямянь, не удостоив угроз Цайфу Чу и взглядом. — Я всего лишь отвечаю на заданные мне вопросы. А как я буду — это уже моё дело. Более того, Ливэй, ты что, забыл? — лукаво спросил он, приподняв одну бровь. Его рука оттянула верхнюю длинную одежду, из-за чего все эти детальки загремели, как колокольчики. Когда он поднял кисть, в зажатых пальцах болталась подвеска из чёрного однородного камня в виде кольца и такого же цвета кисточкой, а внутри самого камня щелкали подвижные детали, сформировавшие собой достаточно неординарное украшение. — Эти паровые часы ты лично мне вручил, когда брал на службу, — продолжал

Ху Цзямянь. — А значит, я точно такой же твой нефритовый брат, как и эти двоя. И почему же я не могу поступать своевольно так же, как Шимин Байинь и Цайфу Чу, если считаю, что делаю это на всеобщее благо Столицы и Всемирия? — Император терпеливо молчал, а Ху Цзямянь не ленился ядовито пометить. — Ливэй, не уже ли из-за того, что эти двоя росли с тобой с самого детства, они у тебя в любимчиках? Поэтому ты всегда на их стороне? Это очень лицемерно с твоей стороны. Хе.

— Не смей так разговаривать с Его Высочеством! — оскорблено крикнули одновременно возмущенные Шимин Байинь и Цайфу Чу.

У Ливэй, в отличие от них, был полностью не преклонен к провокационным речам, как выяснилось, ещё одного нефритового брата. После того, как он вспылил и заставил замолчать всех, его лик вновь стал непроницаемым, даже равнодушным и отдаленным.

Вместо того, чтобы продолжать дискуссии на то, кто виноват, а кто истинно прав, он сразу же задал интересующий его вопрос:

— Тогда расскажи нам, зачем по твоему приказу сюда привезли этого юношу?

— Кого? — легко удивился Ху Цзямянь, проследив за указывающей рукой императора. На глаза ему попался молодой парень в поношенной одежде и неряшливой внешности. — О-о-о! Точно же! Ты Юн Лулянь, я прав?! — радостно

выдал он, обходя все еще сжавшегося Чао Дэ, а после навис над удрученным Юн Лулянем и наклонился к нему, слишком резко хватая за руку и притягивая к себе. — Наконец-то ты прибыл! Нравится дворец? А столица как? Уверен, ты в своей непроглядной нищете ничего толком и не видел, правда? — он слишком быстро наваливал один вопрос за другим, придавливая своим дружелюбием и сердечной улыбкой. Пока растерянный окончательно Юн Лулянь быстро бросал глаза то свою сжатую в чужих руках ладонь, то на близкое лицо Ху Цзямяня, только и делая, что открывая и закрывая рот, издавая отелльные звуки. — Ну, Лулянь, расскажи, что за эмоции ты испытал, пока ехал сюда. Всё рассказывай! — наседал Ху Цзямянь. — Мне надо всё знать, чтобы подготовиться!

«Подготовиться к чему?! — истерично взвыл Юн Лулянь. Шея и спина уже ныли от того, как он наклонялся подальше от лица этого ненормального. — Так ты меня ещё и по имени сразу зовёшь?! Мы с тобой даже не друзья, мужик! Ты мало того, что за языком не следишь, так ещё и чувства такта никакого!».

Ху Цзямянь продолжал приставать к Юн Луляню. Неважно, насколько тот уже явно высказывал неудобство или нарастающие отвращение. Более того, чем больше он спешно говорил, то тем меньше юноша его понимал.

А тем временем У Ливэй, потирающий наболевшую на лбу синюю жилку пальцами, в характерном изнеможенном

тоже говорил со своими братьями:

— Ну вот что с ним делать, а? — бессильно вопрошал он, вздыхая всей тяжестью, что засела в груди. — Он вечно отвлекается, когда пытаешься о чем-то спросить.

— Хм! — хмыкнул Цайфу Чу, брезгливо сморщив нос. — Я с ним вообще не вижу смысла разговаривать!

— Ливэй, — скромно позвал его Шимин Байинь слегка охрипшим голосом. — Это всё излишне затянулось. У нас еще запланированы приёмы с представителями храмов, а также соседних городов. Также нужно обсудить поставки продовольствия для сект на Южном хребте. И ещё...

— Просто так и скажи: «У нас куча дел», — сказал У Ливэй, показав свою первую настоящую, пусть само-насмехающуюся улыбку.

Шимин Байинь, всё прекрасно понимая, так же поднял уголки рта, и закрытые невидящие глаза чуть прижмурились, как если бы ему стало весело.

— Да. У нас куча дел, — мягко хихикнув, согласился он, скрывая всё это за поднятым рукавом.

Цайфу Чу молча покосился на них и сам заразился пусть и такой же колкой, но явно теплой улыбкой.

А тем временем внизу, под шокированные и оттягивающие взгляды высшего общества, Ху Цзямянь настырно продолжал чуть ли не домогаться уже не знающего, как оборонять своё личное пространство, голосившего во всю Юн Луляня.

— Ты хоть знаешь, как записи о твоём ментальном состоянии смогут помочь мне с опытами по воссозданию механизмом, которым не обязательно нужно будет пар? — как озабоченный диктовал Ху Цзямянь. — Прояви уважения к моему труду!

— Да мне какое дело до тебя и твоего труда?! — кричал ему в ответ Юн Лулянь. Запыхавшись, он вытянул руки, стараясь убрать лицо этого извращенца от себя подальше. — Отстать от меня! — простонав это, он украдкой посмотрел в сторону отчужденно сидевшего господина Чао Дэ, пребывавшего в полной прострации. — Эй ты! — бросил он и пнул парня ногой, приводя в чувства. — Скажи этому ненормальному, чтобы не лез ко мне!

Затуманенные до этого бесцветные глаза Чао Дэ мягко прояснились, когда он, покачнувшись, как кукла, посмотрел на странную парочку перед собой. Юн Лулянь, оскалившись, напряженно вгрызался в него сощуренными глазами. Однако, как только он поймал на себе, словно полумесяц, улыбку Ху Цзямяня, то отскочил, как ужаленный, и, немного помявшись, резко прикрыл белое лицо веером. А после, торопливо и надрывно выговорившись:

— Я не смею указывать господину Ху Цзямяню!

Поспешил убежать, бегло поклонившись императору напоследок. Та парочка, с которой он разговаривал, обеспокоенно переглянулись и, так же глубоко поклонившись, побежали за ним следом.

«Да что с этим дураком такое? — изумился его выходки Юн Лулянь, проводив ребят его возраста взволнованно-возмущенным взором и неопределенными чувствами. — До этого так резво петушился, а сейчас убежал, словно опозоренная девушка!» — при этих мыслях опущенные брови Юн Луляня выпрямились, а глаза задрались. — *Хотя... Он и на парня-то не шибко похож!»*.

— Да. Господин Чао Дэ, как всегда, смущён моим присутствием, — певуче протянул Ху Цзямянь.

Этот человек хоть вообще знает ещё какие ни будь выражения, кроме вечно раздражающего позитива?! Кажется, что не случись, он так и будет тупо улыбаться. И это бесит!

— Ху Цзямянь. — Позвал твердый и требовательный возглас У Ливэя, способный своим тоном разогнать иллюзии высших демонов. Разумеется, учёный тут же развернулся к трону. Император всё так же властно продолжал: — Зачем ты, используя моё имя и выкупил этого юношу? Для каких целей?

Уголки губ Ху Цзямяня тревожно потемнели.

— Зная тебя и твою любовь к... экспериментам, — отмахнулся Цайфу Чу с ощутимой колючестью. — Ничего хорошего этого юнца не ждёт.

— Но даже так, господин Ху Цзямянь, — дополнил их дует взявший себя в руки Шимин Байинь. Выглядел он необычайно строго. — Одно дело проверять свои интересы и задумки на животных, а другое — на живых людях. Хотя и пер-

вое вызывает у меня неприязнь, — договорил он, помрачнев.

Наконец крепкие жилистые руки Ху Цзямяня отпустили уже болевшие ладони и пальцы Юн Луляня, которые он то и дело перехватывал. Мужчина в своих тяжелых облачениях вытянулся и вновь был всецело обращён к тройному дуэту, так удачно спевшегося против него. Ну, так оно больше выглядело со стороны.

— Что же вы, господа, хотите сказать этому человеку? — вежливо поинтересовался Ху Цзямянь, хотя и сам всё прекрасно знал. — Я согласен, что поступил опрометчиво, когда позволил себе наглость использовать имя императора.

— Так ты этого не отрицаешь?! — тут же взорвался Цайфу Чу.

— Однако у меня были причины так поступить, — совершенно не обращая внимания на недовольство генерала, Ху Цзямянь свел руки вместе. Его лисьи глаза так же лучились озорным светом. В отличие от него, все трое наверху были угрюмыми. — Ливэй. Я уже не один месяц потратил на изучение уничтоженных тобой Башен, как ты меня о том и просил. Понимаешь, их структура, строение, материалы — всё это просто ничто по сравнению с тем, что нам по-настоящему нужно!

У Ливэй поджал губы. И приятней его взор от этого не стал.

— О чём это ты? — настороженно спросил он.

Шея и щёки Ху Цзямяня дрожали от бьющегося в нём

нетерпения. Да, его всего трясло.

— Ядро! — ликующе выкрикнул Ху Цзямянь, разводя руки в стороны. — В каждой Башне было Ядро. Боги поддерживали связь с Высшим Царством, находясь при этом между двух миров, именно благодаря ему. Ты помнишь же те времена, Ливэй? Помнишь, для чего нужны Ядра в Башнях? — вопрошал он с безумным интересом.

Стойкое лицо императора, до этого легко насупившись, окончательно почернело, а лик стал как у истинного владыки демонов. Тигр обнажил клыки от ярости. У Ливэй был не просто зол, он был в бешенстве. И это видели абсолютно все.

Юн Лулянь увидел, как Шимин Байинь склонился к Смертному Дракону, положив ему на плечо свою тонкую руку, и что-то с беспокойством нашёптывал, пока пальцы первого ногтями сжимали подлокотник. Цайфу Чу также посмотрел на своего друга с сопереживанием и явно что-то пытался сказать, но вместо этого открыл было рот, замер и со скорбью дёрнул головой в сторону.

— Помню, — проговорил У Ливэй, не меняя своего тревожно-мрачного лица. Голос также дрожал. В нём была слышна злость, гнев, ненависть и при этом боль, мучения и даже страх. — Я всё прекрасно помню. — Сказал он и глубоко вздохнул, поднимая голову. — Спасибо, Шимин Байинь. Я в порядке. Не беспокойся за меня. — Став прежним собой, У Ливэй со слабой улыбкой обратился к своему нефритовому брату и ласково убрал его руку от себя. Слепец с

неохотой, но кивнул, вытягиваясь. — Так причём здесь это? — вновь задал он холодный вопрос учёному. — Так было раньше, но сейчас Богов в Царстве людей более нет и не будет. Никогда.

— Понимаю-понимаю, — закивал Ху Цзямянь, закрывая и без того узкие глаза. — Но, Ливэй, а как же твоя Башня? Её строят из сефирита, белого нефрита, золота и серебра. Однако она... Как бы это охарактеризовать? — задумался он, приставив пальцы к подбородку. — О! Неустойчива! Твоя Нулевая Башня, — Ху Цзямянь помолчал, неприятно ухмыльнувшись, — уж не обижайся. И близко не стоит с теми, что строили Боги.

— Я это и без тебя знаю, — прохладно бросил У Ливэй.

— Вот и хорошо. Меня это сильно беспокоило последние два года, — признался Ху Цзямянь, опуская голову. — Я императорский учёный, и моя работа — обеспечить столице процветание. Твоя Башня Бесконечность также связана с этим. Ведь она буквально символ того, что люди могут превзойти небесных жителей. Поддержание Башни и её функциональности очень важно!

В его речах было не столько толку, сколько бушующего фанатизма. Правду говорят, что гениальность и безумие по одну сторону баррикад. Чем больше Юн Лулянь его слушал, тем сильнее его одолевало не очень хорошее предчувствие.

А когда этот фанатик на всей скорости указал на него пальцем и прокричал в восторге те слова, Юн Лулянь понял,

как же он всё это время ошибался.

Его ждёт участь страшнее рабства или принудительной проституции в борделях. Да что там... Смерть была просто актом милосердия.

— Нулевой Башне нужна жатва! И этот господин, рожденный с редким дефектом безбожия и некомпетентности, идеально подходит, чтобы стать Ядром для того, что воссоздали сами люди, отринувшие Богов!

Глава 7 - Путь, с которого не сойти

Юн Лулянь был ни жив ни мёртв.

После того, что он сейчас услышал, а точнее, какие, оказывается, на него были планы у этих благочестивых господ. Всё, что ему оставалось — едва удерживать рвущиеся нотки истерики, выразившиеся в сбивчивом дыхании, рассеянном взгляде и явно ненормальной бледности.

В ушах так и стучало, а в голове, словно кузнец без устали работал. Сердцебиение было настолько сильным, что билось в самой сухой глотке.

Для полной полноты картины, чтобы уж точно стало ясно, почему стать ядром — это то, что будет хуже самой страшной из всех возможных смертей, нужно понять всю структуры строения так называемых Башен и их Ядра.

Много тысяч лет назад, когда люди смогли-таки обжиться и процветать на данных им от богов землях, это не прошло мимо их естественных врагов — демонов, духов-призраков и так же высших демонических владык, желавших задавить человечество с самого момента его зарождения.

Основой конфликта послужила не столько банальная неприязнь одного народа к другому, хотя и это играло свою роль. Дело было в том, что Всемирие было когда-то Подцарством демонов. Боги в своё время силой отобрали у них все прилагавшие территории, с позором выгнали и по факту за-

просто так отдали каким-то жалким людишкам.

Ну, по крайней мере, такая была легенда. Тех, кто мог бы сказать правду, уже и в живых давно нет.

А Подцарство или Вторичный Мир — это вам не просто какой-то мирок где-то там.

У Небесного Царства, которое населяют боги, небожители и им подобные. Это был мир тех, кто был не чист в плане божественной крови и происхождения, а именно полукровки-гибриды да всяко возможные помеси, так или иначе делившие хоть какой-то процент своей крови с божествами священных небес.

Пусть боги всегда изображаются как милосердные, добрейшие и оберегающие. Они всячески чураются полукровок, относятся к ним с презрением, если не ненавистью.

Во многих сказаниях, песнях и повестях есть множество историй о том, как истинные боги даже объединялись с высшими демонами, чтобы изничтожать эти жалкие подобиya, думающих, что они такие же небожители.

В конце концов, они кое-как согласились на мирно-подобное сосуществование и в целом ведут себя не враждебно до поры до времени, пока одна сторона не нарушит соглашения другой.

У Земного Царства, которым правили люди, вторичным миром было царство гуманоидных разумных существ, отдаленно либо приблизительно напоминавших людей. Они могли иметь черты животных, мифологических существ:

как фениксы, драконы, лисы-оборотни и всего возможного. Большой полёт фантазии для этого.

Правда, после того, как к власти пришёл император, ненавистник всего магического и божественного. Поговаривали, что по личному приказу У Ливэя существ, что жили с людьми в мире и обучавших их первоисточникам магии, выгнали и даже устраивали массовые убийства, когда те противились воле того, кто управлял Всемирием.

И последний под-мир Царства Демонов. Это обиталище более низших, возможно, и средних, часто встречаемых людьми адских тварей: злобные духи, ожившие мертвецы, неупокоенные призраки, мелкие демоны, способные лишь пакостить и воровать; плотоядные, вечно голодные чудовища в виде собак, кошек, лошадей, козлов и так далее.

Хоть Подцарства или Вторичный Мир и звучать как нечто не достойное внимания, однако в действительности они играют важные роли в существовании первичных. Экосистема, народы, цивилизации, культура — всё тонко взаимосвязано. И если что пойдёт... по одному месту, уж сомневаться не придётся — получают по шапке и первые, и вторые.

Само собой, тот факт, что люди бессовестно стали паразитировать на владениях демонов, принадлежащих им с незапамятных времён, не могла не вызвать череды кровопролитных конфликтов, доходивших до резни.

И люди, у которых на тот век были только палки да железки, проиграли бы за пару недель, если бы на зов первого

Императора не откликнулись Боги. Божества Войны, Богатства, Славы, Удачи. Все по велению Небесного Правителя спустились с войском во Всемирие, сверкающие и прекрасные настолько, что люди слепли и ревели от их величия.

Война, длившаяся почти триста лет, увенчалась успехом Небесного Царства с колоссальным отрывом. Демоны, лишившиеся большей части своего войска и самых сильнейших предводителей, скрипя зубами и харкая кровью, были вынуждены уйти с самым не отмываемым унижением. С тех пор прошла почти тысяча лет, а их никто из живущих людей не видел и не слышал.

В благодарность за спасение людей Боги, ставшие национальными героями, потребовали не несметные богатства, коих у самих было выше крыши. Они даже не поработили человечество, как рабов. Вместо этого они озвучили идею своего правителя вознести особые башни, которые бы охраняли Царства Людей от дальнейших напастей, а также помогли бы высшим созданиям держать более тесную связь с людьми ради изучения их быта и культуры.

Юн Лулянь их прекрасно помнил ещё с детских лет. Удлиненных великанов, уходившие в небеса, не имевшие конца. Они были как чисто белыми, так и сероватыми, голубыми или совмещали в себе столь приятные цвета. Внешне это были обычные башни без окон или дверей. Их начало шло от земли Всемирия, а заканчивалось в глубинах небес.

И в каждой восседало особое, сильнейшее Божество, ото-

бранное самим Небесным Императором, отвечавшее за ту или иную башню. Их было восемь: Зарождение, Покаяние, Почитание, Воля, Магия, Закон, Жизнь, Границы.

Более того, они не могли предстать перед обычными людьми во всём своём величии, если нужны были людям в час нужды. И тогда их император дал разрешение на то, чтобы они превращались в определенных существ, которых почитал люд Всемирия. Некоторые кланы и семьи приближенных к императору людей позволяли себе использовать облик тех богов как эмблему и знак своего дома.

По поводу башен и тех, кто ими управлял:

Зарождение отвечало за воссоздание всего нового во Всемирии. Управлял этой башней Ци Лаоху, бог, известный своей мудростью и собранностью. Перевоплощался в белоснежного оленя.

Покаяние, осознание греха и становление на истинный путь. Башня была во владении надёжного и терпеливого Чаньхуэй Цанбай. Превращался он в синего краба.

Почитание — проявления уважения ко всему живому и всего, что с ним связано. Сяошунь Цзянь — бог, известный своим амбициозным, веселым нравом и любовью к человеческой еде. Говорят, что он приходил к людям в виде невзрачного осла, говорившего человеческим голосам, а также, что он любил катать заблудившихся путников.

Воля — нестигаемая сила, что дает определение как личности, так и цели её продвижения. Одна из немногих бо-

гинь, выбранная на эту роль, начитанная и нелюдимая, но при этом добросердечная Ичжи Чахуа. Приходила к людям в виде пестрой утки-мандаринки.

Магия — изначальный и самый важный элемент всех миров. Строгий и старомодный бог, а также самый старший из всех семерых — Мофа Цзян. Если человек хотел его совета или помощи, то должен был быть готов к шуму ночью, потому что приходил он только ночью и в облике летучей мыши.

Закон — то, чему четко следует подчиняться во имя своего же блага. На удивление, но богиня Дянь Пяолян, которой было положено управлять этой башней, была очень мягкой, нежной и хрупкой, словно лепесток цветка яблони. И облик у неё был соответствующий — прекрасная бабочка.

Жизнь — самое ценное благословление из всех возможных и почитаемых. Чунь Чибан был самым задорным шутником, любившим выпить, и на пару с Сяошунь Цзянь они считались самым смешным дуэтом. Особенно во время праздников. Как бы ни печально, но многие долго не знали, что перевоплощался он в неповоротливого барсука.

Границы, грань, защита и оберег Всемирия, что разделяли все возможные царства. И, наконец, самый юный из всех богов, получивший неожиданную власть наряду с сестрами и братьями. Бугань Лиюй. О нём ничего неизвестно, кроме того, что облик его подобен редким звездам в весеннюю ночь. Дословно не ясно, почему он избегал общества себе подобных небожителей, но, по слухам, его сокрытый облик был

цикадой, что посещала исключительно творческих людей.

Это все известные боги и башни, что буквально управляли Всемирием в век божеств.

Само собой, попасть вовнутрь башен кому попало было невозможно. Башни, пропитанные чистейшей древней магией, были окружены силовыми полями. Человек, попытавшийся переступить через них, в лучшем случае отлетит, ударенный лишь малой частью мощности. В худшем, поговаривают, любопытные лишались конечностей, а то и полтела, умирая на месте.

Лишь императорская семья была удостоена чести видеться с ними в их истинных облициях и приносить свои почести, а те, в свою очередь, передавали людскую благосклонность своему Небесному Императору.

Однако, увы, всех названных богов У Ливэй вместе с нефритовыми братьями и войском перебил во время войны, к концу которой человечество полностью отринуло сам факт существования богов и магии.

После смерти каждого высшего небожителя башня тряслась и рушилась, разваливаясь по кускам. Юн Лулянь помнил, как тряслась и ревела земля от боли, а чистые небеса содрогались молниями.

Что самое интересное. Так как башни строили боги, после их крушения оставался лишь огромный одинокий кратер. Ни единого кусочка материала так и не смогли найти, словно они растаяли после того, как божество было убито.

И к чему здесь, спрашивается, так называемое ядро? А дело в том, что у башен они были чем-то вроде сердцевины, которую своей магией подпитывал находившийся в ней бог.

Ага, вот только это было всё мало частью той лжи, что скармливали простому народу. От У Ливэя и его лютой ненависти к богам была польза в том, что после своего восхождения на трон он без зазрения совести рассказал всему народу Всемирия, что на самом деле из себя представляет башня и всеми любимый на тот момент ритуал Сезонного Цветения.

Сезонное Цветение, или, как проще говорилось, Союз с Бессмертными — старейший ритуал, который проводился один раз в каждый сезон всего года. По традициям на роль ядра выбирался самый красивый, талантливый и почитаемый человек. Юноша или девушка — не так было важно.

Говорили, что избранному на эту роль была уготована величайшая честь. Что они вознесутся, станут небожителями, как только войдут в башню. Но никто из них так и не вернулся.

Семьи, у которых забрали детей, тешили себя мыслями, что их дочь или сын уже где-то на вершине небес и когда-нибудь спустятся к родным, чтобы повидаться. Так они и успокаивали себя этими иллюзиями, пока один взбалмошный прямолинейный император не рассказал всем страшную правду о сути ритуала.

Человек, которого избрали на роль ядра, не смог бы вернуться обратно, как только переступал границы башни. Он

никуда не возносился. Увы, нет. Внутри, как только он скрывался от посторонних глаз и той красивой бравады в его честь, там уже ожидали специальные подготовители к истинному ритуалу.

Если вкратце, избранному несчастливчику на живую отрезали конечности, выкалывали глаза особой маской и так же прижигали язык клеймом, после чего помещали в специальную закрытую комнату, до удушья заполненную благоговениями из ядовитых сушеных цветов.

Магические цепи прикрепляли к обрубкам вместо рук и ног, после чего закрепляли и потягивали, оставляя полуживую жертву в подвешенном состоянии. А в последующем четко контролировали, чтобы несчастный не умер раньше времени, поддерживая его жизнь специальным кормлением и всякими наркотическими средствами.

И так человек становился ядром, а башня им заживо питалась, пока он не умирал, полностью иссыхая. После чего данную процедуру повторяли уже в следующий сезон. С новым человеком.

Конечно, ход юного императора-революционера был чертовски точным и жестоким. Ведь после этой ужасной правды большая часть народа, переполненная ненавистью, болью и горечью от такой несправедливости, быстро встали на сторону У Ливэя, поддерживая его действия, направленные на уничтожение всего магического и божественного.

Что уж говорить про знать старых законов, которых ли-

бо изгнали, либо казнили. У Ливэй избавлялся от всего, что считал непригодным, и люди, не подчиняющиеся его амбициям, так же входили в число ненужного мусора.

Стоило Юн Луляню только представить, как ему отсекают руки и ноги, выкалывают глаза, так ещё и клеймо на язык прижгут, как новые волны колких мурашек неприятно подергивали кожу, а внутри всё похолодело от разыгравшейся фантазии.

— Ну так что, Ливэй? — всё с тем же азартом спросил раззадоренный своей затеей Ху Цзямянь. Стальные детали на его длинных одеждах уже раздражали своим звоном при каждом его движении. — Уверен, Нулевая Башня быстро преобразится после...

— Отказано! — резко, с нарастающей яростью бросил с высока император У Ливэй. Раскинутые вдоль руки учёного дёрнулись и застали, как и вся его фигура. — Я отказываю тебе в столь нелепой затее, Ху Цзямянь, — утвердительно проговорил У Ливэй, пронзая мужчину не столько своим стальным голосом, сколько ястребиным кровожадным взором. У Юн Луляня затряслись коленки, стоило ему увидеть серьёзное ожесточённое лицо императора. — Жертвоприношения людей были идеей богов, чтобы потешить своё ненасытное эго. А я для того и сел на это место, — говоря это, он постучал ладонью по подлокотнику в виде золотой головы дракона, — чтобы изничтожить их. Этот юноша, — его глаза покосились на потерянного Юн Луляня. — Не повторит

участи тех тысячи несчастных, ставших ядром. Моей башне, вознесённой трудом и талантом людей, не нужно такое паскудство!

Плечи Ху Цзямяня как-то по-странному поднялись. Руки под рукавами достаточно, видимо, напряглись, как и широкая спина. Спереди же было слышно, как он втягивает носом воздух.

«О нет! Этот фанатик сейчас из себя выйдет! — запаниковал Юн Лулянь. — Его высочеству следовало получить слова подбирать, раз с такими поехавшими людьми дело имеет!».

Однако император, как и его братья, были спокойны и непоколебимы, словно горные холодные хребты. Да им просто было плевать на всё происходящее.

Тут руки Ху Цзямяня резко опустились, и пальцы хлестнули по его же бокам. Голова наклонилась, а сам он согнулся, издав хриплый сдавленный вздох.

Движения были настолько быстрыми и неестественными, что было просто жутко. Словно кто-то растормошил куклу.

— Ай, ну и ладно! — на распев, бодро, как утренний первый луч, изрёк на весь тронный зал так юрко вытянувшийся Ху Цзямянь. От его, казалось, мрачного настроения и крошки не осталось. — Боже! Вы чего все такие мрачные?! — весело спросил он, оглядываясь на всех с такой искренней и доброй улыбкой, что даже демон бы в грехах тут же покался. — Я предложил данный способ из чистого любопытства.

Я учёный, в конце концов. Живу методом проб и ошибок! Хе-хе! Мне было бы очень интересно узнать, как он работает в процессе, — даже отсюда было видно, как кончики бровей У Ливэя стали вновь опадать на переносицу. Ху Цзямянь только шире заулыбался. — Но раз сам император велит мне этого не делать, то и не буду. Ничего страшного! Я что-нибудь ещё придумаю. Ха-ха-аха!

«Этот человек... — никак не укладывалось в голове у поникшего Юн Луляня, готового хвататься за сердце то ли от облегчения, то ли от подскочившего давления. — *Просто ходячая...»*.

«Заноза в заднице!» — конец мрачной мысли одновременно прогремел в головах у всех людей в зале, когда они с потухшим выражением смотрели на смеющегося от души Ху Цзямяня.

Под эту браваду смеха все были отвлечены эксцентричным поведением учёного, и никто не заметил, как до этого идеальный лик императора резко дал слабину. Его лицо сморщилось, как от неожиданной боли. Пошатнувшись на троне, он схватился рукой за лоб, чуть завалившись на бок.

— Ливэй! — одновременно вскрикнули обеспокоенные Шимин Байинь и Цайфу Чу.

И только Юн Лулянь, краем уха услышавший эти приглушенные голоса, перестал смотреть на Ху Цзямяня, рассуждавшего во всё горло о науке и её прелестях, переключил своё внимание на тех троих, ворковавших вокруг императо-

ра, как любящие мамочки.

«Его Величеству плохо?» — недоумевал он, видя, каким бледным и нездоровым было лицо тяжело дышавшего У Ливэя.

— Ливэй! Хватит на сегодня! — умоляюще и строго одновременно воскликнул Цайфу Чу, опустив свою руку императору на дрожавшее плечо. — Я могу принять других за тебя. Или, если хочешь, мы отменим все аудиенции!

— Цайфу Чу прав! — поддержал его Шимин Байинь, гладивший У Ливэя по спине. — Перестань себя мучить.

— Так, хватит! Я вам не ребёнок! — прокряхтев, не сильно оттолкнул их от себя У Ливэй, всё ещё давясь кашлем. — Вы меня кем при всём народе выставить хотите?! — прорычал он, оглядывая каждого своего брата горящим, как у свирепого тигра, взглядом. — Я буду принимать людей, как и положено. До самого конца этого дня, — прохрипел он, ещё раз кашлянул себе в кулак. Потом вытянулся и размеренно задышал. Юн Лулянь видел, как кожа становится гладкой, без морщин, и её здоровый цвет стал возвращаться. — Со мной всё хорошо, — ровным голосом сказал он братьям, не переставшим стоять над ним и готовым в любой момент помочь. — Давайте просто закончим одно дело и возьмёмся за другое.

— И всё же, Ливэй... — беспомощно проговорил Цайфу Чу, на удивление казавшийся таким потерянным. Он взглянул на Шимин Байиня.

Тот напряг глаза и кивнул так, словно всё понял.

— Я заранее приготовил эликсир, — украдкой прошептал он, демонстративно запустив правую руку в левый рукав, но так ничего и не достал.

У Ливэй с всё ещё нездоровым видом сделал дёрганный жест пальцами.

— Добавь его в вино и дай мне испить после, — наказал он так, чтобы слышали только эти двое.

Шимин Байинь со всем почтением поклонился и отошёл от Императора. Цайфу Чу сделал то же самое, однако продолжал коситься на своего правителя так, словно ожидал, что произойдёт что-то ещё.

Через короткое мгновение по залу вновь прогремел решительный голос Цайфу Чу. Ху Цзямянь замолчал и так же, как и все, был прикован вниманием к трону.

— Император всё взвесил и вынес вердикт! — громко и чётко объявил Цайфу Чу. — Внимайте все его словам!

Прочистив горло ещё раз, чтобы окончательно прогнать недуг из голоса, У Ливэй обратил свой властный взор на потрудившегося сесть в прежнюю позу Юн Луляня. Парень сильно нервничал и часто дышал, чувствуя, как его спина становится мокрой от пота.

— Юн Лулянь, — всё мышцы внутри парня напряглись от того, как строго и при этом милосердно У Ливэй обратился к нему, глядя зорко и не моргая. — Как видишь, всё это недоразумение — ошибка одного из моих людей. Позже

я лично его за это отчитаю, — сказал он, покосившись на Ху Цзямяня. Тот, не теряя улыбки, отвёл глаза и по-озорски высунул язык. У Императора дёрнулся глаз, а Цайфу Чу так вообще трясся от желания его загрызть. — Я уверен, что ты сейчас зол на нас за то, что тебе пришлось проделать такой длинный путь буквально ни из-за чего, — продолжал говорить У Ливэй, смиренно закрывая глаза. Весь его вид показал о лёгком сожалении. Это поразило Юн Луляня. — Раз я управляю людьми, то и ответственность за их поступки несу непосредственно сам.

— Н-нет! Его Величество не обязан! — выдохнул Юн Лулянь, чуть поддавшись вперёд.

— То, что ты сейчас здесь — результат моего легкомыслия и недосмотра, — стойко признал У Ливэй. — Потому, в качестве компенсации, я выполню любую твою просьбу. Скажи, чего хочешь, и я, как Император всего Семириия, выполню твоё желание.

Возможно, здесь нужно было ожидать окликов, возмущения, массовое беспокойство и озлобленные, непонимающие взгляды в сторону Юн Луляня, которому сам Смертный Дракон дал такую несбыточную для многих людей, что богатых, что бедных, возможность.

Причина была банальной. Никто не хотел портить настроение самому Императору, учитывая, какое непристойное для Священного тронного зала зрелище было сегодня здесь.

Юн Лулянь был и сам удивлён той же тишине, что стала гораздо холоднее, по его мнению. Пусть все и молчали, но ненависть и ярость всех тех, кто стоял позади него, парень ощущал, как тысячи ядовитых змеиных укусов. Да что там говорить, Цайфу Чу глядел на него, как охотничья гончая, которой не терпелось загрызть несчастную жертву.

И только один Ху Цзямянь лукаво прикрыл глаза, шутиливо, тихо посмеиваясь. Ну просто вылитый коварный лис.

— Ну же, господин Юн Лулянь, Его Высочество ждёт, — мягко поторопил юношу Шимин Байинь.

Юн Лулянь его плохо слышал. Опустив голову, он зажмурился, не зная, как и что ему делать!

«Я могу попросить у самого Императора всё, что угодно!»

Это всё равно, что сам Бог выполнит абсолютно любое твоё желание! Как тут собраться с мыслями?! Столько всего в одной голове. Мысли, образы, слова. Всё летало и билось, как углубление рваной раны. Было горячо и больно. Сколько ни думай, нормально не придумаешь.

И тут о корку мозга толкнулись и кольнули те самые слова.

«БЕЗБОЖНЫЙ!!»

«БЕЗДАРНЫЙ!!»

Да, Юн Лулянь испытал ненормальное облегчение. Он смог нормально дышать, лицо стало непроницаемым, а глаза потухли. Ни ухмылки, ни каких-либо эмоций. Он словно стал тем, кем был большую часть своей жизни с тех пор, как

Боги отвергли его.

Безбожный.

Бездарный.

Кем ещё он мог быть? Отец всего говорил: если рождаешься уродливым, то таким же и уйдешь в могилу. Юн Лулянь должен был быть благодарен, что к нему вообще относились как к человеку до того случая.

А после весь мир для него рухнул, и он стал никем.

И как такое ничтожество смеет что-то просить? Да и потом, если он вернется в ту глушь, что с ним будет? Вся его оставшаяся семья ненавидит и презирает. Слуги и знакомые постоянно косо смотрят и проклинаят, на чём белый свет стоит. У Юн Луляня и тех, кого хоть за глаза можно было бы назвать друзьями, никогда не было.

Куда идти? Чем заниматься после? Вновь обманывать, воровать, чтобы просто иметь возможность поесть? Хоть бы и так. Но отец точно его зарубит прямо на пороге, стоит ему показаться. А младший брат только хохотать будет на пару со слугами.

Выпрашивать дорогие артефакты, украшения или золото, которое можно будет задорого продать, была более оптимальной мыслью. Но Юн Лулянь был в сомнениях от этой затеи. Рано или поздно деньги кончатся. На хорошую работу его мало кто возьмет без связей, а в худшем случае он своим резким богатством привлечет внимание тех, кто привык наживаться по-быстрому.

Можно было бы попросить какую-нибудь высокую должность при дворе, однако даже Юн Лулянь понимал, как это глупо и нагло будет с его стороны. Он не так осведомлен в каких-либо важных науках, военного образования тоже не получил, деньгами и имуществом ему тоже управлять не позволят. Какой от него будет прок во дворце?

Но если он не может получить высокую должность, тогда, возможно...

— Ваше Величество, — с отвагой проговорил Юн Лулянь, поднимая голову с горящим взглядом. — Если Император позволит, я бы хотел стать слугой при дворце Ван Ши, с вашего же позволения! — чётко и ясно отозвался он, после вновь склонив голову в почтении. — Прошу вас! Это всё, чего я желаю! — уже умоляюще, с осязаемым отчаяньем добавил он.

Лицо У Ливэя удивленно вытянулось, да и по залу опять пошли шепотки. Однако Юн Луляню было все равно. Он слышал, как нефритовые братья что-то говорили Императору, вот только не разбирал из-за бешеного пульса, стучавшего по ушам.

Прислугу во дворец откуда попало не берут, это известно всем. Нужно специальное обучение, знание, ну или связи с родословной. Также заручиться доверием определенных важных лиц, чтобы управитель знал, что берет на службу человека, которому можно основательно доверять.

И к Юн Луляню, как бы горько это ни звучало, никак не

относилось. Он ничего не знающий чужак. Минус ко всему — его отец — ярый богопоклонник, у которого в мыслях только одно — лично прикончить Императора и восхвалять канувших Богов.

И когда Император, вздохнув, заговорил, Юн Лулянь сжался, не готовясь ни к чему хорошему.

— Юн Лулянь. Быть прислугой в моем дворце не просто, — спокойно объяснял он. — Работа тяжелая, требования серьезные и наказания порой жестокие. Ты парень с виду находчивый и сообразительный. Думаю, должен понимать, что без должного учения или поддержки с чьей-либо стороны я должен тебе отказать в этом?

Под опущенной головой Юн Лулянь кусал губы.

— Я понимаю, — послушно согласился он, сжимая пальцы в кулаки.

Император продолжал:

— И почему именно такое желание? — искренне недоумевал он. — Ты можешь попросить серебра или золота, драгоценностей или даже личной собственности в виде дома со всеми удобствами. Ну или, если хочешь, — У Ливэй указал рукой на стоявшего в белом Шимин Байиня. — Можешь пойти как ученик в одну из школ заклинателей, либо помощником. Тут уж Шимин Байинь сам решает в таком случае.

— Думаю, работы там хватает, — с легкой улыбкой сказал Шимин Байинь. — А может быть, — уголки его губ приподнялись, образовав ямочки, закрытые глаза так же улыба-

лись. И почему-то он повернулся к всё такому же напыщенному Цайфу Чу. — Генерал сам желает взять его в ученики? — игриво попробовал угадать он. — Может, когда у вас появится тот, о ком вы будете заботиться, то, глядишь, и самоконтроль улучшится, а?

Для вспыльчивого от природы Цайфу Чу это не осталось незамеченным. Однако ему за сегодня уже не раз делали замечания, и всё, что мог сделать вновь рассерженный генерал, это, оскалившись, рычать в сторону довольного собой за эту насмешку Шимин Байиня.

У Ливэй со скептическим видом оставил этих двоих в стороне.

— В любом случае, Юн Лулянь, — заговорил У Ливэй. — У тебя уйма выборов. Если нужно побольше времени, то...

— Извините за дерзость этого человека, Ваше Высочество! — громко перебил Юн Лулянь, так и не поднимая головы. — Но я не изменю своего решения! Прошу, дайте своё согласие, либо откажите мне!

Брови У Ливэя снова поднялись от изумления. Он впервые за это время был таким растерянным, что и внимания не обратил на то, что его перебили.

Шимин Байинь и Цайфу Чу стали же в миг напряжены, если не злы. Перебить самого Императора? Неслыханная наглость!

Выйдя из ступора, У Ливэй поспешил стать тем же строгим и серьезным, демонстративно прокашляв.

— Я, конечно, уважаю людей, которые стоят на своём, неважно, как на них давят, — сказал он, потирая сморщенный лоб. — Однако такое упрямство себе же во вред понять не могу. — Серdito заключил У Ливэй, и в глазах у него уже не было намёка на слабость или добродушие. Сам воздух стал плотным и завибрировал по всему залу. — Мне бы очень хотелось знать, от чего такая упёртость.

Говорить было страшно. Руки, ноги тряслись, а в горле, как назло, толстый комок. На первый взгляд — что ни скажи. Какое Императору дело до нужды обычного простолюдина? Но вот с другой... Юн Луляню нечего было терять. Изгонят, спустят с лестницы или отрубят голову? Один чёрт — всё в бездну!

Потому, набрав побольше воздуха и преисполнившись последней храбростью, что осталась, Юн Лулянь, сидя на коленях, выпрямился, расправив плечи.

— Ваше Высочество, этот человек осознает, какой непростительный поступок он совершил, когда перечил Императору! — без запинки и звучно изрёк Юн Лулянь, без страха смотря на У Ливэя горящим взглядом. — Всю свою жизнь я жил как тот, кто не заслуживает и ползать по этой земле. У меня нет ничего, чем бы я мог помочь Всемирию. Я знаю, что бесполезен! — сделав паузу, Юн Лулянь изогнул губы, пытаясь перебороть всю ту боль, что рвалась из его груди. — Я обделен какими-либо талантами! Я не гениален! Но даже так я... — новый ком подступил к горлу, и решимость начала

трескаться. Юн Лулянь пришлось ущипнуть себя до боли. — Я хочу хоть что-то изменить, хотя бы в себе. Когда я прибыл в столицу, то понял, что, живя в той скорлупе, так ничего и не видел в этой жизни. Я проклят богами, у меня нет друзей или семьи, которые бы поддержали меня в трудную минуту. Сейчас, сидя перед вами, я просто, — горло надрывалось, а глаза закололо. Юн Лулянь не сразу понял, что теплая слеза скатилась по его щеке. — Просто подумал, что, возможно, кто-то вроде меня... Что я, безбожный и бездарный, имею право хотя бы на частичку чего-то светлого в этой жизни.

Договорив, юноша опустил мокрые глаза и, звучно шмыгнув носом, поспешил вытереть лицо рваным рукавом. Он думал, что в его сторону посыплются насмешки и упрёки, но даже Цайфу Чу, грозивший отрубить ему голову, с каким-то снисхождением смотрел на него, ничего не говоря.

«Ох, и чего я разреvelся-то?» — осуждающе мысленно задал себе вопрос Юн Лулянь, торопливо вытирая ещё влажное лицо. — *Выгляжу сейчас просто жалко!»*.

Губы до этого молчавшего У Ливэя мягко приоткрылись, и с них сорвался трепетный выдох. Нефритовые братья, как почувствовали в нём что-то иное, тут же переглянулись, а после кивнули, давая себе сигнал не вмешиваться.

Ху Цзямянь также растянул свою ухмылку, пожал плечами, а после покосился на тихо хнычущего Юн Луляня.

— В таком случае, — вдумчиво сказал никто иной, как У Ливэй, и Юн Лулянь, перестав пачкать лицо ещё больше,

поднял на него красные глаза. — У меня к тебе будет лишь один вопрос, Юн Лулянь, — юноша озадачено моргнул, ещё раз шмыгнув. У Ливэй смотрел на него всё так же сурово, словно выискивая в нём что-то. — Как ты относишься к богам? — спросил он со сталью и морозом.

Император не стал уточнять, что именно он имел под этим в виду, а Юн Лулянь понял, что это был небольшой экзамен, от которого и зависело, что с ним будет дальше.

Задумавшись над вопросом, первым делом ему на ум вспомнилось то, что говорил Шимин Байинь.

«Один совет: при нём не будьте таким нечестным, юный господин. Если он уличит вас во лжи, то...»

Император чутко ощущает ложь и ненавидит её больше всего. Хитрить — не лучший вариант. Да и в его искренних чувствах явно не было бы столько лжи. Однако Юн Лулянь решил таки быть честным в своём ответе:

— Не думаю, что я испытываю лютую ненависть к богам, Ваше Высочество. Они меня прокляли, как многие говорят. Однако так это или нет, мне неизвестно. Не могу судить, потому чего не знаю. И всё же, — он склонил голову, задумываясь над концом. Когда голова была поднята, на лице не было и тени сомнения. — Отчасти по их вине я стал безбожным и бездарным! Роль моей набожной семьи также здесь есть. Этого невозможно не отрицать. Потому, если спросить, кого я ненавижу за ту жизнь, что пережил до сего момента... Это будут и боги, и люди! — прорычал Юн Лулянь не своим

грозным голосом.

Дьявольский чёрный тигр не отрывал соответствующего взгляда, способного любого пленника заболтать и без пыток. Горящий, жестокий и острый. У Ливэй выдерживал паузу, неотрывно следя за каждым движением и вздохом Юн Луляня.

Юноша при всём жгучем желании не позволял себе переставать смотреть на Императора в ответ. Его проверяют. Если уловят во лжи... Господи, и почему Шимин Байинь не соизволил договорить, что здесь принято делать с врунами?!

Капля пока скатилась по скулам Юн Луляня, сидевшего как на иголках. У Ливэй ещё раз осмотрел парня с ног до головы, а после... улыбнулся и посмеялся?

Правда, улыбка эта больше походила на плотоядный оскал, а смех — как рокот демона с глубин Тёмного царства.

— Хорошо. Да будет так! — довольно и живо произнёс У Ливэй, ухмыляясь. — Меня устраивает такой ответ. Но Юн Лулянь, — парень тревожно вздрогнул, когда У Ливэй обратился к нему, не меняя своего хищного оскала. — Работа во дворце может быть тебе не по силам. Это не такое райское и тихое место, каким оно кажется на первый взгляд. В первую очередь здесь ценится сноровка и умение подстраиваться. Тут будут люди, которые захотят заживо тебя сожрать. И даже так, ты всё ещё хочешь служить здесь?

Сбитый с толку на пару секунд, Юн Лулянь быстро взял себя в руки и, не теряя было серьёзности и мужества, отве-

тил:

— Да, Ваше Величество!

У Ливэй на сей раз смягчил свой оскал и взгляд.

— Тогда решено. Отныне ты будешь слугой во дворце Ван Ши. Начнешь с самых низов, — выдал Император. Шимин Байинь затейливо улыбнулся, тут же пряча губы за рукавом. Цайфу Чу сурово сдвинул брови на переносице, а Ху Цзямянь, стоявший рядом, торжественно захлопал в ладоши. — Однако не думай, что пущу тебя в свободное плаванье и просто так доверюсь. Ты будешь под наблюдением и обучением одного из моих доверенных людей, — сказал он уже в привычном равнодушии. Его взгляд переместился куда в толпу позади. — Чоу Юэсяо! — окликнул У Ливэй.

— Да, Ваше Высочество? — по левую сторону Юн Луляня так же бесшумно и неясно откуда встала молодая хорошенькая девушка — служанка. У неё было незрелое личико, тонкое тело и большие глаза с зеленым оттенком.

От её милой, но при этом покорной улыбки щемило сердце. Она чем-то напоминала олененка, и её неосознанно хотелось защитить.

Девушка свела руки и наклонила голову в знак приветствия.

— Отныне этот юноша под твоей опекой. Следи за ним и обучай, чтобы проблем особых не доставлял, — строго наказал Император. И Чоу Юэсяо, подняв голову, ярко улыбнулась.

— Как пожелаете, Ваше Величество. Чоу Юэсяо выполнит ваш приказ со всей ответственностью.

— Замечательно. Значит, этот вопрос мы решили, — сказал У Ливэй. — Возьми его с собой, покажи окрестности дворца. Объясни и расскажи всё. На этом можете быть свободны, — отмахнулся он.

Всё ещё пораженный таким развитием событий, Юн Лулянь сидел с раскрытым ртом и дёрнулся, когда девушка Чоу Юэсяо заботливо постукала своими тонкими пальцами ему по плечу, привлекая внимания.

— Господин, нам пора идти, — любезно напомнила она, ласково улыбаясь. От одного вида на её красивое лицо и пушистые ресницы у Юн Луляня обмякли ноги.

Юноша кое-как поднялся, всё ещё пошатываясь. Девушка мягко усмехнулась и, поманив его за собой, развернулась к выходу. Но прежде чем пойти за ней, Юн Лулянь быстро развернулся к трону и совершил поклон.

— Большое спасибо, Ваше Высочество! — поблагодарил он от всей души, не зная, какие же волны эмоций захлестывают его внутри. — Я буду стараться, чтобы оправдать ваши ожидания.

— Угу, — буркнул У Ливэй, нахмурившись. — А теперь следуй за Чоу Юэсяо. — Помахал он пальцами в сторону Юн Луляня.

Не сдерживая лучезарной улыбки, юноша выпрямился, бойко кивнул и уже развернулся, чтобы нагнать ждущую его

девушку, как рядом с ухом щёлкнул тихий, но переполненный темнотой голос:

— Хорошо, что всё так получилось. Правда?

Юн Лулянь притормозил. И пусть все инстинкты просто орали не смотреть, юноша всё-таки растеряно поднял глаза и увидел, как Ху Цзямянь с искривлённым от садисткой ухмылки лицом глядел на него сверху вниз.

Жуткая гримаса быстро исчезла, и мужчина уже улыбался так, как прежде.

— Желаю удачи в новых начинаниях! — Улыбнулся Ху Цзямянь.

Перепуганный Юн Лулянь только открыл было рот, как Чоу Юэсяо окликнула его у входа:

— Юный господин! Вам сюда!

И не долго думая, Юн Лулянь побежал к ней, стараясь не оглядываться.

Почему-то ему казалось, что лицо учёного было очень тревожным сигналом.

Глава 8 - Потревоженная змея в райском саду

Громоздкие ворота, ведущие в тронный зал, закрылись за их спинами, обдав холодным ветром и грохотнув на весь богатый коридор. Казалось, обширный дворец Ван Ши содрогнулся под тяжестью и мощью этих дверей.

Юн Лулянь, дрогнув, вздернул плечи и нелепо оглянулся назад. Потом покрутился, с потерянностью оглядываясь, и застыл, часто заморгав, когда понял, что остался наедине с девушкой-служанкой.

Очень симпатичной девушкой-служанкой. Юн Лулянь припустил глаза, плавно оглядывая весь её хрупкий, на первый взгляд эфемерный образ. Прямо как у водопадных бабочек, известных за свои прозрачные крылья с меняющимися узорами и то, как они ловко сливаются с гладью воды, способные сесть на неё своими лапками.

Темные волосы девушки были очень аккуратно уложены, к ним прикреплялись заколки в виде цветов лотоса. Одежда служанки на её худом теле была словно призрачная вуаль, такой легкой и подвижной. Невысокого роста её макушка доставала Юн Луляню лишь до плеча.

Улыбка была все такой же теплой и нежной, а сомкнутые глаза отчетливо выражали светлый веер длинных ресниц.

На вид ей было лет семнадцать. И она была невероятна красива, что глаз не отвести. Словно дочка самого императора или знати, но никак не служанка.

— Итак, юный господин Юн, — с нежно-розовых губ сорвался чарующий мягкий голос, и стук сердца Юн Луляня поднялся к горлу. Девушка раскрыла глаза, обращая их свет к смущенному парню. И даже видя его неряшливость и неопрятность, она улыбалась искренне. — Так как вы теперь под моим надзором, мне бы хотелось знать, с чего вы желаете начать наш путь, — уловив его озадаченность, девушка пояснила. — Я могу многое рассказать вам: историю этого дворца и всё, что касается императора, о новой столице и всё, что с ней связано, о людях, что здесь работают, будь-то знать или слуги. Само собой, и о вашей будущей работе. А! Это должно быть в первую очередь, — Чоу Юэсяо прижала палец к губам, мило нахмурившись, но потом рассмеялась над собой же. — Но я не хочу давить на вас, юный господин, учитывая, что на вас и так многое свалилось. А потому сделаем так, как вам удобней, хорошо?

До чего же очаровательная девушка! Душа Юн Луляня ликовала и плакала от счастья, когда он видел эту улыбку, сладкую и чистую. Он и не верил, что когда-нибудь в своей ничемной жизни встретит кого-то настолько добросердечного и настоящего.

Не привыкший к такому любезному отношению Юн Лулянь смутился окончательно, да так, что не мог смотреть де-

вушке прямо в лицо. Он чувствовал себя жалким и недостойным и потому заговорил с ней очень неловко. Тихо, при этом теребя свой затылок.

— Э-эм, ну. Для начала я бы хотел, чтобы вы не обращались ко мне как к господину, — служанка раскрыла глаза в удивлении после таких слов. Юн Лулянь больше занервничал и торопливо добавил: — Я не из знатного рода! П-потому! Я! — его губы задрожали, глаза забегали, и он закончил уже тише. — М-можно просто по имени звать. Если... хотите, конечно.

Девушка, всё с такими же круглыми глазами, искрившимися изумрудами, озадачено выпустила кроткий вздох и приподняла рукав к блестящим губам, которые почему-то тут же растянулись в маняще-коварной улыбке.

И пока Юн Лулянь мялся на месте, поглядывая в сторону, до него донеслась сладкая игривая речь. Вот только чувствовалось, что в примеси к сладости был яд.

— Значит, господин вовсе никакой не господин ~ И Чоу Юэсяо может обращаться к «не господину», как сама того пожелает? — заигрывающее вопрошала она, растягивая свой голосок, и, совершенно не стесняясь, надвигалась на Юн Луляня, заставляя того делать шаг назад. — Я права? Ничего не напутала? — уточнила она, сомкнув губы и приподняв бровь, при этом еще бдительней разглядывая загнанного в угол юношу.

Позади была только каменная стена, и Юн Лулянь врезал-

ся в неё, поздно это осознав. Смявшись и душой и телом, он быстро зыркнул на подлую ловушку, а потом с большей паникой на близкое кокетливое лицо Чоу Юэсяо, у которой соблазнительно сверкал взгляд.

Он был таким чистым, что Юн Лулянь детально разглядел свое нервное отражение.

Чоу Юэсяо терпеливо ждала его ответа. Хотя больше подошло бы с наслаждением, ибо юноша был уверен, что она специально так себя вела, чтобы смутить его окончательно.

Зажмурившись и замотав головой, Юн Лулянь отчаянно прогонял звук её голоса. Приятный цветочный запах и сам волшебный образ из мыслей.

И вот, когда пульс в голове стал тише и ровнее, он смог-таки открыть глаза и, насколько это было возможно, четко проговорил:

— Да! Можете обращаться ко мне, как захотите!

Чоу Юэсяо сощурила влажные глаза и наклонила голову так, что её заколки зазвенели, а небубранные пряди повалились на плечо.

— Как захочу, да? — повторила она полусшепотом, прежде чем усмехнуться и отстраниться. Юн Лулянь почувствовал небывалое облегчение, когда она отошла. Он уже приложил руку к сердцу, выдыхая, как вдруг... — Очень хорошо! Просто идеально! Наконец-то я встретила человека, который не выпендривается своим идеальным, богатым, многозначительным положением! — Юн Лулянь обомлел от

такого зрелища. Мало того, что эта девушка полностью изменилась в образе, говоря громко и почти на мальчишеский манер, так она еще и рожи корчила, искажая даже голос, когда перечисляла качества. От той элегантной, утонченной и взрослой девушки не осталось и следа. — И так! — Она юрко повернулась к потерянному Юн Луляню, горящими от энтузиазма глазами, что сияли ярче звезд. — Юн Лулянь правильно? Твое имя достаточно сложновато. Как бы мне тебя называть? Как же сложноооо~! — Тараторя, Чоу Юэсяо задумчиво прикрыла глаза и погладила подбородок, нахмутив брови. Она совершенно не обращала внимания на унылое лицо парня, серевшее все больше. — Точно! Что насчет А-Лу?! Хотя нет! Лучше А-Лянь! — Тут её бодрый настрой поугас, и она вновь пустилась в думы. — А лучше забудь. Не нравится мне оно. Юн-Юн? Лулу? Лянь-Лянь? Или, может, Юн-эр? Лянь-эр? Что лучше использовать? Гунцзы? Сяо? Сюн? Гэ? Сяоцзы?

— Эээ, ну... это, — попытался смешаться Юн Лулянь иссохшей интонацией и вялым поднятием руки. — Можно просто по имени...

— Подожди, о Великий Сяньшэн! — Важно выкрикнула она, отмахиваясь от него вздернутым рукавом совсем драматизмом. — Очень скоро произойдет нечто непревзойденное! Получить истинное имя! Вот он, смысл твоего прибытия сюда! — Громогласно объявила Чоу Юэсяо, указав пальцем на поникшего парня, с которого уже хлопья пепла па-

дали от уныния и непонимания. Хуже было от того, что лицо девушки было абсолютно серьезным. — Так что будь готов, мой гэгэ, — сказала она с победоносной улыбкой, показательно сжав кулак. — Ибо определилась я, как буду звать тебя! Отныне ты... — Само время замерло, солнечный свет застыл, пока рука Чоу Юэся поднималась вверх, а улыбка краше любого цветка приоткрылась, показав белый клычок. Юн Лулянь, пребывая и так в подавленном настроении, просто ждал, когда свершится этот «лучший» момент его новой жизни. Губы девушки прикрылись, и она... — А хотя знаешь что? Забудь! — Выдавила она на одном дыхании и опустила руку. — Тебе и просто Юн Лулянь подойдет. — Решила она, не переставая улыбаться. А вот облик Юн Луляня разошелся трещинами, пока девушка, гордо выпятив грудь, бахвалилась со звонким смехом. — Ну как?! Я ведь молодец, Лянь-Лянь?! Чоу Юэся умница, не так ли?! И только сейчас она заметила, в каком прискорбном настроении находится Юн Лулянь. И всё, что она сделала, так это по-дружески потрепала его по плечу, не переставая беззаботно смеяться. — Мм! Понимаю, чему ты так удивлен. Таких гениев как я нет больше во всем Всемирии! Это истина! Эй, ты чего такой мрачный? — Спросила Чоу Юэся, разглядывая поникшего парня. — Ты сейчас на духа висельника похож! Вот умора!

Юн Лулянь предпринял очередную попытку сказать ей, но девушка, перестав смеяться, встрепенулась, словно что-то вспомнила, и хлопнула в ладоши.

— Точно! У меня идея! Тебе, наверное, душно, Юн-эр. Ты устал после встречи с императором, оттого у тебя такой вид, — Предположила она со всей добродушием. — Ничего. Сейчас пойдем во двор на свежий воздух, и тебе полегчает! — Без капли стеснения она взяла его за руку и потянула за собой.

Придя в чувства от столь мягкого и теплого касания, Юн Лулянь вновь обрел прежние внешние краски и, поддавшись инерции, перебирая ноги, последовал за девушкой. Не стеснявшейся держаться с ним за руки.

Он был сбит с толку её неожиданно открывшейся эксцентричностью, болтливостью и неумением слушать других. Однако, как ни глянь, она была все еще красивой девой, что могла заморозить с одного взгляда.

Юн Лулянь и не думал, что когда-нибудь сможет подержаться с такой милой особой за руки. Больше всего он был озадачен тем, что ей не было противно самой прикоснуться к такому, как он.

Пока они шли по коридору (ну, точнее, его тащили за собой), Юн Лулянь поспешно окликнул её:

— П-подожди, Чоу Юэсяо!

Служанка, не замедляя прыгучего шага, повернулась к нему с ответом:

— Можешь звать меня Юэ-эр! Или Сяо-эр. Как тебе удобней, Лянь-Лянь!

Бросив это все с той же детской улыбкой и непосредствен-

ным отношением, она отвернулась, сжав свои тонкие пальцы на кисти Юн Луляня.

— М-мне неловко! — краснея, сказал ей Юн Лулянь, отводя глаза. — Я тебя едва знаю, чтобы так обращаться!

— Так мы уже познакомились, какая разница? — просто спросила она, отмахиваясь.

— Разница есть! — не сдавался Юн Лулянь, хотя уже душой понимал, что этой нестандартной особе до его слов и чувств дела нет. — И потом! Ты разве не говорила, что нужно обсудить мою работу как слуги, что мне назначил император?

— Чегооо~?! — протяжно взвыла Чоу Юэсяо, сморщившись, она вновь посмотрела на парня с пренебрежением и недовольством, пусть особой неприязни в этом и не было, скорее что-то детское и капризное. — Лянь-эр. У тебя что, только работа на уме?! Боже мой! Где твой юный дух?! Успеешь наработаться еще! — выдала она, словно всё это был сущий пустяк, и опять заулыбалась, ускорив шаг. — Сейчас мы пройдемся, и я заодно тебе все и покажу, и расскажу! Так будь благодарен благодушной Чоу Юэсяо! Надеюсь, на небесах мне зачтётся за мою добродетельность! Хи-хи-хи~!

Его продолжали тянуть за собой по всему дворцу, не ослабляя хватки. Не то чтобы это было неприятно... Чоу Юэсяо — необычно милая и приветливая девушка, каких Юн Лулянь представлял лишь в мечтах.

Все те прекрасные представительницы слабого пола, с ко-

торыми Юн Луляню приходилось сталкиваться по нелегкой жизни, всегда были красивы, но резковаты и даже стервозны на характер. А с такими открытыми, дружелюбными и веселыми девчушками он в жизни дела не имел. Вот так вышло, что Юн Лулянь, не имея опыта, не знал, как себя вести, потому мялся и молчал. Полностью потерянный.

Всецело понимая, что ситуацию никак не изменить, Юн Лулянь уже без особого сопротивления просто расслабляет шаг в податливости и, отчужденно вздыхая, опускает плечи, закатывая глаза, при этом думая:

«Все-таки слухи правдивы были. Люди из императорского дворца. Неадекватные, черт их дер!».

Все в той же спешке покинув дворец и продолжая неприлично держаться за ручки (от чего стражники на них косо посматривали). Юн Лулянь и Чоу Юэсяо торопливо спустились по тем же долгим каменным ступеням, окутанными спустившимися облаками, и без передышки побежали по мощенной дорожке (коих здесь были сотни) мимо кучи различных строений, зданий и дворов неизвестного происхождения.

За все это время Юн Луляню показалось, что у территории императорского дворца нет ни конца ни краю. Прошло больше часа, но они с Чоу Юэсяо всегда прибывали в новых

местах, пусть нигде подолгу и не задерживались.

Тут были огромные цветущие сады, ароматно пахнущие поляны у берега протекающей кристальной реки, что детально было видно каждый камушек и рыбок. Небо над их головами было чистым и голубым, без единого облачка. Звуки птиц, текущей воды и мелодичного перешептывания красивых девушек делали атмосферу этого места сказочной. Почти как сон, не способный сосуществовать с реальностью.

Юн Лулянь, следующий за увлеченно рассказывающей о работе слуг Чоу Юэсяо, давно понял, что не особо-то и слушает её. Каждый звук, каждая краска, каждый миг этого места занимал все его сознание. Нервы обострились, в то время как тело пребывало в небывало расслабленном состоянии. Он был возбужден и одновременно спокоен.

Так, шатаясь еще около получаса, они взошли на мост, с которого отчетливо был виден горный водопад. Его шум был далеким и оглушительным. Брызги, разносимые потоками ветра, приятно окрапили кожу Юн Луляня, и он с восхищенным взглядом поспешил прикрыть драным рукавом сияющее от восторга лицо.

Их одежды и волосы также были подвижны на этом потоке, и Чоу Юэсяо, не переставая мягко улыбаться, прижала пальцами свою болтавшуюся челку.

Девушка и юноша, по инициативе первой, оперлись на парапет моста, чтобы отдохнуть немного от прогулки. Воздух здесь благодаря воде был освежающим и прохладным. Кув-

шинки покачивались на водной глади, и пара журавлей элегантно ходили на своих длинных ногах.

Пока Чоу Юэсяо опиралась спиной на ограждения, продолжая смотреть куда-то вдаль, Юн Лулянь положил руки на деревянные перила и вглядывался в свое неряшливое отражение. Чем дольше он на него смотрел, тем больше ему казалось, что он и впрямь уродливый сом в царстве золотых карпов и богоподобных журавлей.

Не успел он сполна насладиться всей умиротворенной атмосферой, как его окликнул звонкий голос Чоу Юэсяо:

— Слушай, Юн-Эр, — испустив протяжный вздох как можно тише, Юн Лулянь покосил на нее недовольный взгляд. Его все еще немного бесила эта нестабильная манера обращения. Девушка не смотрела на него, но её улыбка была уже более сдержанней, когда она продолжила. — Что ты думаешь об императоре? — задала она крайне неожиданный вопрос.

Юн Лулянь опешил и засомневался, прежде чем задуматься. Он с напряжением в лице отвернулся обратно к водоему, а Чоу Юэсяо, наоборот, затейливо посмотрела на него в терпеливом ожидании.

— Что думаю? — неуверенно проговорил Юн Лулянь, вспоминая того демонического тигра в сиянии золота.

На первый взгляд, он был обычным человеком, которого за императора принять сложно, однако при всем при этом и он был чем-то... Демоническим? Юн Лулянь искренне коле-

бался с выводами.

У Ливэй произвел на него неизгладимое и при этом двойное впечатление. В нем было такое разнообразие: он был красив снаружи, но уродлив внутри, его редкая улыбка была слаще вина и меда, а вот глаза всегда как вековые льдины, в которых бушует огонь, движения точны и элегантны, но характер, скорее всего, очень резкий и буйный, он легко мог играть на самых тончайших музыкальных инструментах, но с оружием он управлялся гораздо лучше.

А еще его лицо... Нет, оно было слишком прекрасным для какого-либо сравнения, однако Юн Луляню не давали покоя эти загадочные черты.

С одной стороны, строгими, совершенными и острыми, истинно мужскими. Но при этом изысканными, выразительными и аристократичными, почти как у прекрасных дев и дам.

Конечно, Юн Лулянь понимал, что лица себе человек не выбирает. Быть ласточкой в небе или петухом на земле — это уже удел небожителей или темных сил.

— Я думаю, — выпустил слова Юн Лулянь, и его спутница тут же оживилась в любопытстве. — Его Высочество человек крайне... неоднозначный.

Он с запинкой и глуповатой улыбкой выдал то, что хотел, при этом стараясь звучать мягче и уважительней. В конце концов, они говорят про самого императора Всемирия.

— Ээээ~ Как-то скучно у тебя с описанием, Лянь-Лянь, —

пожаловалась Чоу Юэсяо, скривив губы и махнув на него рукой. — Я думала, что ты что поинтересней ответишь. Скучно. Скучный ты, Юн-эр! От разговора с тобой даже муравьидохнут!

На её ворчания Юн Лулянь лишь усмехнулся, мягко насупившись.

— Ну а ты, сестренка? — с полуулыбкой спросил он, обращаясь к отчужденно скрестившей руки на груди девушке. — Сама-то давно императора знаешь? Для тебя-то самой он каким человеком предстает?

И, словно дожидаясь этого вопроса, Чоу Юэсяо за один миг из угрюмой и обидчивой тучки превратилась в то самое лучезарное солнышко. Улыбка до ушей, полная добра, однако во взгляде что-то лисье.

— Хе-хе! Я-то?! О-о-о-о! Я, знаешь ли, не просто служанка! Да! — важно расплылась она, гордо выпятив грудь. Юн Лулянь, решив, что она сморозит какую-либо очередную чушь, закатил глаза и, заметив подходившего к ним журавля, обратив все внимание на него, как... — Чоу Юэсяо — личная служанка самого императора, чтоб ты знал, А-Лу! — выпалила она громче, задрав нос. Даже её самоуверенность была больше милой, чем раздражительной. Она с жалостью покосилась на раскрывшего рот парня. — Ну что? Съел, Лулу?

Вылупив округлые от шока глаза, Юн Лулянь пришел в себя не сразу. Позабыв про птицу, он резким движением раз-

вернулся к девушке, раздутой от самолюбия.

— Что?! Т-так! Подожди минутку! — быстро и не собранно попросил её озадаченный Юн Лулянь. Прикрыв глаза и собираясь с мыслями, он уже серьезней посмотрел на довольную собой Чоу Юэсяо. — Ты? Личная служанка императора?

— Да! — кивнула она, легким движением откинув волосы с плеча.

— Но этого быть не может! — не поверил Юн Лулянь.

Улыбка Чоу Юэсяо опустилась, и она, нахмурившись, посмотрела на юношу.

— Почему же? — прямо спросила она, да так, словно речь Юн Луляня была чем-то незначительным.

— Почему? — удивленно повторил её вопрос Юн Лулянь.

— Разве на такую службу не евнухов берут?

— Хм. Евнухи у нас тоже есть, — просто сказала девушка, прижав палец к губам и задумываясь. Не похоже, что она поняла, от чего так взбеленился Юн Лулянь. — И я со многими знакома с малых лет, — сказала она с прежней улыбкой. — Они все очень хорошие люди. Вот, к примеру, дядюшка Чэн...

— Подожди! — перебил её Юн Лулянь. Чоу Юэсяо вопросительно наклонила голову. — Ты служанка или наложница? — без намека на веселье решил уточнить Юн Лулянь.

Девушка на секунду изумилась, но потом расцвела от звучного смеха.

— Ха-ха-ха-ха! Н-ну, ты д-даешь, Лянь-эр! — проговорила она сквозь безудержный хохот, хлопая парня по плечу. — Я наложница? Ты что! С тех пор как Чоу Юэсяо вышла из чрева матери, судьба уже уготовила ей участь быть служанкой в этом дворце! — она вытерла слезы и, уняв смех, вытянулась, продолжая говорить уже ровнее. — Я никогда даже не целовалась. Мне вообще запрещено вступать в отношения с мужчинами. Таков наказ императора! — Поулыбавшись, Чоу Юэсяо от чего-то резко сникла. — Эх. Жаль, конечно, что у меня такие строгие наказания. Хотела бы хоть день пожить нормальной девушкой, — пожаловавшись на это, она быстро сменила тему. — Ах да, Лянь-Лянь, так ты не дал точного ответа об императоре! — воскликнула она и, не дав ему ответить, уже смиренней повторила для себя. — Неоднозначный, значит, да? Что же, ты полностью прав. Хотя я выбрала бы больше слово «эфемерный» или «призрачный». — Сказала она, поманив юношу за собой, уходя с моста. Юн Лулянь, оглядевшись с непонятием, поджал губы и, не имея другого выбора, зашагал следом.

Когда он поравнялся с Чоу Юэсяо, ему хотелось спросить, куда они направляются теперь, но интерес о Его Высочестве перевесил мысли, и он задал вопрос:

— Сестренка, ты говорила, что служишь во дворце с тех пор, как родилась, — Чоу Юэсяо слабо кивнула. — Не то чтобы я пытаюсь тебя оскорбить. Но почему император выбрал в личную прислугу именно тебя? Так еще и девушку,

не наложницу?

— Юн-сюн, ты ведь по-любому слышал про резню во дворце во время Фестиваля Бессмертных? Когда вырезали всю императорскую семью и знать? — спросила Чоу Юэсяо, не поднимая головы. Юн Лулянь само собой это подтвердил. — Так вот. Помимо императора, я единственная выжившая в той кровавой ночи.

Шаг Юн Луляня замирает на месте, а сам он выдал ошарашено: «Что?», глядя на точеную маленькую фигурку девушки во все глаза. Чоу Юэсяо, не слыша его шагов за спиной, останавливается, смотрит на парня с полуоборота и, прикрыв глазки, в наклоне головы дружелюбно улыбается.

Юн Лулянь, пережив слишком многое за этот день, уже не мог просто запаниковать. Точнее, сил не было удивляться на полноту эмоций. Хотя не сказать, что слова девушки никак не нашли в нем отклика.

Чоу Юэсяо вновь напомнила ему, чтобы он шел за ней. Сбросив оковы ступора, юноша в молчании и серьезным выражением подошел к ней. Они продолжили идти по гравию вдоволь цветущих кустов под стрекот сорок, и тогда Чоу Юэсяо заговорила:

— Если откровенно, я сама многое не помню. А если точнее, то вообще ничего, — призналась она с горестной ухмылкой. — Единственная примечательная для меня деталь той ужасной ночи — это то, как меня вытаскивают из камышей одного из озер. Потом дядюшка Чэн рассказывал, что меня

нашла стража в лебедином гнезде, прикрытую соломой. Моя мать была служанкой во дворце, и, похоже, когда всех начали убивать, она успела меня спрятать, но вот её саму, увы...

Она запнулась, однако Юн Лулянь не заметил ни на белом лице, ни в приятном голосе ни тени печали, скорби или чего-то траурного. Вот только улыбка была какой надломленной, но и это продлилось меньше мгновения, после чего она хихикнула, глядя на юношу.

— Сестрица, а ты и впрямь ничего не помнишь? — вопреки желанию не лезть не в свое дело, он все же решил уточнить.

— Не-а! Я была совсем маленькой, так что ничегошеньки, — без особо интереса бросила Чоу Юэсяо, пожав плечами. — Своего биологического отца я не знаю. Да и плевать мне на него! Зато после этого юный император взял меня под свое крыло. Я не знаю, каково это, когда есть родители, но благодаря его стараниям я жила в тепле и уюте, — говорила она и мечтательно задрала голову к небу. — У меня были лучшие учителя во всех областях. Хорошая няня. Всегда сытая и одетая. Правда, — Чоу Юэсяо неожиданно для Юн Луляня нахмурила брови. — Многие из тех, кто работают во дворце, до сих пор меня ненавидят и презирают.

— Э? Почему? — спросил Юн Лулянь, когда они зашли в тени густо посаженных деревьев.

Он только сегодня познакомился с этой девушкой и не мог полностью сказать, что она за человек, однако, при всей её

непосредственной манере общения, она все равно казалась ему очень приятной личностью. И увидеть такую угрюмость для Юн Луляня было чем-то почти непристойным.

Ему стало стыдно за то, что он разворошил темное гнездо ос в душе Чоу Юэсяо, однако девушка все равно продолжила говорить с тьмой в голосе:

— Как бы тебе ответить, Юн-эр, — рассуждала она с холодом в глазах и кривой ухмылкой. У юноши зазнобило спину. — Дело здесь не только в зависти окружающих к моему положению. Не то чтобы я хвастаюсь, но Его Величество считается со мной и доверяет многие вопросы, почти как если бы я была его Нефритовым Братом. А вся причина в том, что меня считают проклятой, — Юн Лулянь остолбенел, когда это услышал. Девушка же наоборот возгордилась чем-то, и острые ухмылки стало победоносной улыбкой. — Понимаешь ли, Лянь-Лянь. Для многих сам факт того, что я выжила в ту ночь, очень сомнителен. Для них я — порождение тёмных сил. Иначе, мол, как бы я смогла выжить? Видите ли, тогда зарезали даже самых элитных воинов, что присутствовали во дворце, а какая-то девочка без роду и племени смогла уцелеть. Так ещё при этом сам император У Ливэй заботился о ней, ни в чем не отказывая. Согласись, что и впрямь не на те мысли наводит? — подмигнув, спросила она с игривостью.

Юн Лулянь отвел глаза, внутри про себя соглашаясь с большинством, хотя и принять это все за чистую монету бы-

ло невозможно.

Как и думал Юн Лулянь, дело было не в тёмных силах, а в простой удаче, не больше. Её мать с большой вероятностью успела укрыть свое чадо от беды, но её саму ждала печальная участь быть убитой в ту ночь. И если бы мать Чоу Юэсяо и впрямь была последовательницей темных сил, она бы вне всяких сомнений выжила.

Что на самом деле произошло в тот кровавый фестиваль, увы, никто не знает, кроме Его Величества У Ливэя, однако и он сам всячески увиливал от ответов, объясняя, что виноваты богопоклонники и последователи небожителей.

Может, он и впрямь повредился умом и просто хочет забыть весь тот кошмар? А за маской равнодушия и жестокости прячет на самом деле горести и боль утраты? В конце концов, убили ведь не кого попало, а всю его семью.

Эхх. Порой в себе не разберешься, а в чужой голове и по-давно.

— Но ты не волнуйся так, Юн-сюн, — бодро похлопала его по спине Чоу Юэсяо яркой и чистой улыбкой/Серьезно, настроение этой девушки менялось слишком резко. К такому фиг привыкнешь! — Мне уже давно всё равно на эти слухи. Проклята я или благословлена. Какая, к черту, разница?! Единственное, что важно так — это то, чтобы я прожила свою жизнь на полную катушку, разве нет?! — бойко спросила она, вновь подмигнув.

И впервые за это время Юн Лулянь по-настоящему улыб-

нулся. Без примеси злорадства или фальши. У него на душе потеплело, и улыбка сама уже рвалась, вытягивая его губы.

Он уже и не помнил, когда в последний раз ему приходилось наслаждаться разговором с кем-то или улыбаться от всей души. Чаще всего он ликовал, когда кому-то вредил, насмеялся, злорадствовал. Всё что угодно из этого списка.

Но по-настоящему наслаждаться искренней беседой... Подобное было впервые за столько долгих серых лет.

И Юн Лулянь не хотел, чтобы это заканчивалось.

Продолжая непринужденно и с легкостью болтать о чем только можно, Юн Лулянь и Чоу Юэсяо смеялись в голос, при этом шествуя по извилистой каменной тропинке. Слева был лесок из сосен, где перекрикивались птицы, справа — небольшой зеленоватый пруд с лиловыми лотосами.

Рядом с небольшой оградой вытягивались яблони, сливы, персики, а чуть дальше, где уже виднелись небольшие строения, прорастал бамбук.

Довольно умиротворенное и спокойное место. Особенно если вслушиваться в журчание ручьев.

Когда пара вышла из тени раскинутых крон, Чоу Юэсяо, смеясь над шуткой Юн Луляня, краем глаза заметила бледно-розовые цветы распустившегося гибискуса.

Продолжавший говорить Юн Лулянь сильно изумился, когда, казалось, слабая девичья ручка с небывалой силой схватила его руку и остановила.

Не ожидавший такой мощной хватки, Юн Лулянь, помор-

щившись, остановился и с непониманием обратился к заставившей на месте Чоу Юэсяо.

— Что такое, сестрица? Чего ты как лань, заметившая охотника? — любезно пожурил он без обид, хотя руке было больновато.

— Нужно уйти отсюда как можно скорее, — на одном дыхании проговорила Чоу Юэсяо, закрутив головой. Чем больше она видела кустов разноцветных гибискусов, посаженных вдоль гибкой дорожки, тем сильнее напрягалась, кусая губы от желания сбежать. — Вот я дура-то! — корила она себя, стукнув свободной рукой по лбу. — Заболталась с тобой и не заметила, как пришла в сад Цзинчжи!

— А что не так с этим садом? — не понимал Юн Лулянь. Ему здесь очень даже нравилось. — Мирное место, оправдывающее свое название. Или он запретный для слуг? — попытался угадать юноша.

— Нет, он не запретный. Но нам, а точнее тебе, А-Лянь, лучше пока сюда не соваться! — непонятно и торопливо объяснила Чоу Юэсяо, при этом пытаясь развернуть озадаченного парня назад, толкая его спину тонкими руками. — Давай же, Лянь-эр! Не упрямясь! Нам надо срочно уходить!

— Сестрица! Мне бы причину такой кардинальной перемены знать! — упорствовал Юн Лулянь, упираясь ногами. — Что не так с этим садом и почему именно мне сюда нельзя?

Запыхавшаяся от того, что из-за всех сил пыталась сдви-

нуть его с места, девушка только было открыла рот, как со стороны до них донесся голос:

— Чоу Юэсяо, это ты там шумишь? — спросил учтивый, неторопливый и чарующий женский голос.

Он был далеко, но при этом достигал до ушей с мощной точностью.

Юн Лулянь глупо моргнул, подняв взгляд, а Чоу Юэсяо, услышав вопрос, поперхнулась воздухом и побледнела, медленно разворачивая голову. Юноша и девушка увидели небольшую беседку в тени огромного китайского клена, к которой вела эта ухоженная дорожка. Передняя часть беседки была обращена к пруду, и в ней были люди.

Три женщины были обращены к ним спинами. Обе ровно стояли, а та, что по середине, сидела на скамье, явно кормила рыб. Но когда она поднялась с места, Чоу Юэсяо испустила гористый вздох, так чтобы слышала только она. Такой, словно случилось нечто ужасное.

Юн Лулянь же полностью обернулся в любопытстве и увидел, что те женщины стали выходить из беседки и явно направлялись к ним.

— Лянь-Лянь, — обратилась к нему Чоу Юэсяо с таким отчаянным тоном и измученным взглядом, словно его отправляли на казнь. — Для тебя же будет лучше, если рот не откроешь, понял?

Хотел он сказать, что ничего не понимает, но шаги дам стали ближе, и Чоу Юэсяо резво развернулась к ним с преж-

ней улыбкой, словно той хмурости и не было. Юн Лулянь же, напустив брови, просто посмотрел на новые лица и тут же опешил от удивления, что и забыл, как дышать.

Девушки, что шли по обеим сторонам, были ничем не примечательны и выглядели идентично, почти как близнецы. По их прическам, одеждам и опущенным головам было ясно, что они служанки, а та, что шествовала столь стойко и бесшумно посередине...

— В моем саду строжайше запрещено шуметь, и ты это знаешь, Чоу Юэсяо, — с нотками злости, но при этом не теряя трепетности, высказала молодая женщина, свернув девушку строгим взглядом.

Обе её служанки были бесстрастны и непоколебимы.

— Да. Прошу простить эту глупую служанку за её бестактность и неучтивость по отношению к вам, — склонила голову Чоу Юэсяо в уважении и почитании, в то время как Юн Лулянь, словно замороженный, глазел на эту женщину, белизна которой резала сетчатку глаза. Девушка, не улыбаясь, вытянулась, а потом сложила руки и вновь наклонила голову. — Тысяча лет великой императрице Всемирия, У Хуньюй.

— То-то же, — фыркнула У Хуньюй, недобро сощурившись.

И пока она не спускала с Чоу Юэсяо своего презрительного взгляда, Юн Лулянь не мог оторвать от неё взгляд по одной причине: женщина перед ним была вся белая. Причем цвет этот не такой, как обычно его воспринимают. Слишком

яркая, живая и неестественная.

Её чистейшая кожа, тонкие брови, пышные ресницы, даже сжатые губы и распущенные волосы — каждая деталь была необъятно белой. И всё бы ничего, но удивляло не это. А то, что большая часть участков щек и лба переливались красками от игры света, как россыпь бриллиантов.

Всё потому, что покрывала их не кожа, а змеиная чешуя. Из висков вытягивались некрупные серебристые рога, а узкие глаза без света были золотыми с вертикальным зрачком, как у змеи. В них была сплошная злость и ярость.

То, что эта женщина была императрицей, обескураживало, однако что больше всего вызывало у Юн Луляня дрожь в теле, так это вид У Хуньюй.

Все признаки её внешности выдавали страшную болезнь, которой обозленные боги проклинали самых красивых дев Всемирия, и со временем эта чума превращала их в кровожадных и безумных чудовищ. За что в последующем зараженных жестоко убивали, до того как они теряли рассудок.

Грех погибели, или Проклятье сорока четырех убитых Башэ, — болезнь, посланная на род людской небожителями за непослушание и неподчинение.

Говорят, она появилась двести лет назад и принесла огромное горе для многих девушек и женщин, а также для их семей. Спустя столько лет, когда болезнь отступила, а убито было несчитанное множество женщин, болезнь была необычайно редка.

Однако люди помнят и не забывают об этом по сей день. Многие даже стали поговаривать: «Увидишь огромную Башэ, сразу же прячь лицо и беги без оглядки». Не страшна была столько угроза от самой змеи, сколько тот факт, во что она якобы своим проклятым взглядом могла превратить человека.

И сейчас женщина перед ними, императрица Всемирия У Хуньюй, была той, кого поразило неизлечимая болезнь Греха погибели.

Страшное проклятье сорока четырех убитых Башэ.

Примечания.

1. То как Чоу Юэсяо без разборочно обращается к Юн Луляню, имеет различные значения:

— А — обычно приставка "А" («#» + имя) добавляется к именам детей или слуг.

— Эр — («#»)- словообразующий суффикс в уменьшительно-ласкательном значении.

— Гунцзы (##, gōngzǐ) — молодой господин, буквально «сын дворянина» или «сын общества».

— Сяо (#, xiǎo) — маленький, младший. Самый младший в коллективе — распространенное обращение среди друзей.

— Сюн (# , xiōng) — «старший брат», «уважаемый друг», «глубокоуважаемый» дружелюбно/вежливо к равному по положению.

— Гэ (#, gē) — букв. «уважаемый старший брат», почти-

тельное обращение для старшего лица мужского пола своего поколения.

— Сяоцзы (##, xiǎozǐ) — «паренек, мальчик-слуга, негодник, малец».

— Сяньшэн — вежливое обращение, используется отдельно или вместе с фамилией. Также обращение к интеллигенции.

— Гэгэ (##, gēge) — старший брат, братец (обращение к мужчине старше говорящего, но одного с ним/ней поколения).

2. Юн Лулянь обращается с Чоу Юэсяо простым «Сестрица» звучало бы оно так:

— Сяо-цзе — (##, xiǎojié) — обращение к молодой женщине (дословно — младшая сестрица).

3. Сад императрицы У Хуньюй Цзинчжи, дословно переводиться так:

— jìngzhǐ — [цзинчжи] — покой, неподвижный, статичный, застывший.

4. Башэ (## / bāshé) — огромный змей, похожий на удава. Слово «башэ» состоит из двух компонентов: «ба», который в древнекитайском языке означал «боа, огромный змей, удав» и «шэ», означающего «змея».

В китайской мифологии каждые три года Башэ съедает слона. Змей подстерегает его в воде, и, когда слон приходит напиться, Башэ хватает его за хобот и тянет под воду, топя его. Змею требуется три года, чтобы выплюнуть все кости.

Помимо мифологического использования слова «башэ», в современном есть «башэ поедает слона» образно означающий дело, которое не представляется возможным, или в которое нельзя поверить.

Глава 9 - Ни конец, ни начало

На положенное приветствие для самой императрицы Юн Лулянь долго не отвечал, так как застыл с бушующей бурей мыслей в голове.

«Если эта женщина была императрицей, следовательно, она жена императора. Но как он мог взять в жены человека с такой болезнью?! Грех погибели неизлечим! А прокаженный со временем теряет разум и уподобляется животному!»

Чоу Юэсяо всё ещё преклонялась перед знатной дамой, и сама У Хуньюй не спешила обращать внимание на юношу позади девушки. Но вот как назло, одна из её служанок с идеальным видом, почти как у куклы, при виде Юн Луляня с нескрываемым отвращением сощурилась, скривила губы и шепнула что-то на ухо своей госпоже.

И вот тогда императрица подняла свой нахмуренный змеиный взор на ошарашенного Юн Луляня. Она проскользила им по нему с ног до головы, после чего, приподняв одну бровь с ярким выражением скептицизма, спросила:

— А кто этот юноша? — у Юн Луляня пересохло в горле, и забегали глаза, в то время как у У Хуньюй в золотой радужке заискрилась осязательная враждебность и недоверие. — Я никогда не видела его во дворце раньше.

— А-аа... Я! — не зная, на что и на кого ему смотреть,

спешно проямлил растерянный Юн Лулянь.

Кто знает, какую бы глупость он сморозил и чего бы ему этого стоило, если бы не находчивая Чоу Юэсяо, со всей резкостью схватившая его за рукав, призывая к молчанию.

Не глядя на оторопевшего юношу, Чоу Юэсяо неторопливо вытянулась, показывая императрице довольно неоднозначное выражение своего привлекательного лица.

Она улыбалась со всей вежливостью и уважением, но вот линии губ и глаз были в таком изгибе, как если она насмеялась или злорадствовала.

— Госпожа, этого человека зовут Юн Лулянь, — представила его Чоу Юэсяо, отойдя чуть вбок и выставив вперед раскрытую ладонь. Жемчужное лицо женщины стало более каменным, служанки за её спиной тоже не искрились дружелюбием. — Юный господин Юн, — обходительно обратилась к нему Чоу Юэсяо с прохладной улыбкой, став ни капли не похожей на прежнюю себя. Голос ровный, выточенный и чистый. — Перед вами жена Его Высочества императора У Ливэя, правителя всего Всемирия, императрица У Хуньюй, — Юн Лулянь часто поморгал, и Чоу Юэсяо одернула его с игривой ухмылкой: — Разве императрица всего людского мира не заслуживает достойного приветствия?

Сразу догадавшись, к чему клонит Чоу Юэсяо, Юн Лулянь в миг собрался с мыслями и духом. С серьезным видом он сложил руки перед собой и поклонился, не забыв про слова:

— Этот человек приветствует великую императрицу Всемирия.

Со стороны У Хуньюй слышалось пренебрежительное хмыканье. Держа голову в поклоне, Юн Лулянь весь скривился и пропотел седьмым потом, не смея подняться, пока ему не разрешат. Он ощущал взгляды этих дам, как раскаленные гвозди на голой шее. Пусть и красивые, как ограненные нефриты, вот только нрав явно как у оголодавших стервятников.

— Чоу Юэсяо, — неторопливо произнесла имя служанки У Хуньюй, и девушка тут же обернулась к ней с явно фальшивой улыбкой. — Ты сказала, что его зовут Юн Лулянь, так? — спросила она с все таким же змеиным прищуром, обращенным к юноше. Чоу Юэсяо кивнула пару раз. — В таком случае, из какой он на самом деле семьи? Я не слышала, чтобы среди семей, где набирали слуг, была фамилия Юн. — Девушка только приоткрыла губу, как императрица зыркнула на неё с гневом, и голос её далее был суров: — И даже не пытайся мне врать! Знаю я, какая ты кроткая лань с виду, но кровожадный волк в душе! Вечно ты... — она запнулась, её горло и щеки дрожали от возмущения, в глазах метались молнии. Чоу Юэсяо же в противовес: её улыбка сошла в ровную линию, во взоре пустота, так и веет одним равнодушием. — И только попробуй сказать что-то про моего мужа, я...

— Если достопочтимая императрица позволит высказаться этой служанке, — без каких либо эмоций начала Чоу Юэс-

яо. — Его Высочество Император лично распорядился, чтобы этого юного господина распредели в слуги этого дворца с сегодняшнего дня.

— Ч-что? — изумилась У Хуньюй, побелев еще сильнее, от чего серебристые чешуйки на ее шее и щеках стали виднее.

Её служанки обеспокоенно подошли ближе к ней со спины и, почувствовав, как их госпожа дрожит и часто дышит, огрызнулись на Чоу Юэсяо. А та, как будто только рада этому, довольно оскалилась, правда, ненадолго, когда пришлось разъяснять.

— Господин Юн, поднимите свою голову, — нарочито-ласково потребовала Чоу Юэсяо, не глядя, и юноша с неуверенностью выполнил её наказ, расправив плечи. — Сейчас эта служанка, по наказу Его Высочества, показывает ему округу дворца и разъясняет основную работу. Мы вовсе и не думали потревожить императрицу, и совершенно случайно зашли в ваш сад.

Юн Луляню подумалось, что они должны были извиниться, как полагается, и уже было приготовился к действию, но Чоу Юэсяо лишь с вызовом смотрела на женщину и её свиту, не сгибаясь без единого намека на положенное уважение. Между ними ощутимо витало то еще опасное напряжение, от чего Юн Лулянь, сжав голову в плечи, с опаской, как ударенный щенок, озирался то на макушку отважной служанки, то на У Хуньюй.

Черты овального идеального лица императрицы шли ей слишком хорошо, пусть человек и не должен был так выглядеть. Эти серебристые рога, золотые глаза и чешуйки, покрывавшие всю шею, плечи и, скорее всего, спину (а там черт знает что еще), делали её облик призрачным и надломленным, однако при этом в них была сталь и холод.

Что-то воображаемое и обманчивое. Пугало и завораживало.

Юн Лулянь никогда до этого не видел «последний» Греха погибели, однако в далеком детстве вычитал, что те, на кого легло проклятье сорока четырех убитых Башэ, были обезображены, уродливы внешне, что от одного их вида кости сводило. И при этом каждый день жертва мучилась от угасания рассудка.

Безумие буквально раздирало их, пожирая все человеческое, и превращало в диких, бешеных животных, охваченных жадой крови.

Поначалу это пытались лечить, но когда проклятые окончательно сходили с ума и, не различая ни друзей, ни врагов, накидывались и сжирали людей заживо, тогда-то было принято решение убивать несчетных на самых ранних стадиях болезни.

По старинным записям, заражение обнаруживалось по следующим пунктам:

Во-первых, человек плохо спит по ночам и все время хочет есть и пить, сколько бы еды или воды не употреблял.

Во-вторых, он прибывает в беспамятстве и иногда забывает себя, а также семью. Может часами сидеть на одном месте.

В-третьих, он не может переносить солнца. Становился крайне раздражительным и злым. Голод, жажда и постоянный страх чего-то только усиливается.

В-четвертых, его тело видоизменяется: из головы растут рога, кожа покрывается чешуей, зубы удлиняются и становятся острее, а глаза меняют цвет и форму.

И в-пятых, полная потеря разума, речи, восприятия реальности и адекватного поведения.

А вот причина, почему было решено убивать их, как только болезнь давала о себе знать, заключалась в том, что после, став чудовищами, женщины или девушки были сильны не по человеческим меркам. Их изловить было сложно, а вот убить, когда тело покрыто непробиваемой чешуей или клыки с едким ядом, так при этом еще и рефлексы на высоком уровне... Мягко говоря, задачка не посильная.

Обычно Башэ, так их кратно называли в простонародье, после полного обращения убежали глубоко в горы и леса, охотясь исключительно ночью. Вот только не живность в виде оленей, кабанов, фазанов или тех, кто помельче.

Среди путников и даже тех сект заклинателей, что были на пиках гор, стали приходить жалобы, что люди пропадали один за другим, а если их и находили, то увидевших то, что осталось от бедняг, рвало лишь от одного запаха любой еды несколько месяцев.

И вот поэтому в восприятии Юн Луляня много не сходилось, когда он смотрел на У Хуньюй.

Она явно была больна грехом погибели. Её внешние «особенности» ярко это выдавали. Причем, если верить тому, что оставили люди того времени, проклятье Башэ уже достигло предпоследней стадии. Сумасшествие было не за горами!

Тогда почему? Мало того, что эта женщина свободно разгуливает по улицам без должного присмотра стражи, так она еще стала женой императора! Как это вообще возможно?!

Чиновники, стражники, слуги, да сам император должны же видеть, что на ней самое страшное и неизлечимое проклятье, приводившее к безумию! И даже так они спокойно позволяют ей разгуливать, словно она обычный человек?

Может быть, если только... Они смогли найти лекарство спустя столько лет. Либо у У Хуньюй своего рода есть иммунитет к проклятью. Юн Лулянь не знал, на что больше рассчитывать, и от этого уже голова болела.

— Это не может быть правдой, — шепотом процедил ледяной голос У Хуньюй. Честно, мороз по коже пробежал. Особенно страшно стало Юн Луляню, потому что императрица вгрызлась гневным взором именно на него. — Если он не из выборочных семей, значит, не имеет специальной квалификации, чтобы работать слугой в этом дворце, — выдала она, становясь всё злее и злее. Юн Лулянь чуть попятился, а Чоу Юэсяо и бровью не повела, когда У Хуньюй указала в их сторону пальцем, оскалившись видевшимися клыками.

— Не мог мой муж назначить этому паршивцу без рода и племени эту должность!

Одна из бровей Чоу Юэсяо поползла вверх, в то время как вид у нее был скучающий.

— Почему это не мог? — только и спросила служанка со всей непринужденностью.

— Почему?! — возмутилась такому легкомыслию У Хуньюй, от чего её красные губы скривились, а лоб сморщился. — Чоу Юэсяо. Тебя растили как доверенную прислугу моего мужа с малых лет, — едва сдерживаясь, напомнила она. — Тебе ли не знать, по каким законам сюда принимают слуг?

— Я законы и права знаю, — налегке отчеканила Чоу Юэсяо. — При всем уважении, клянусь своей душой и спокойствием Всемирия, что я вам не вру. Ну, а если императрица мне по-прежнему не верит. Почему бы вам не пойти и не спросить у своего мужа лично? — предложила Чоу Юэсяо, а потом зловредно подметила: — А хотя... Думаю, после того случая в поместье генерала Цайфу, он вас еще долго видеть не захочет.

У Хуньюй задохнулась от возмущения, издав то ли писк, то ли визг, когда услышала подобное прямо в лицо. Её скулы дрожали от обиды и ярости, зубы стучали, и она проклинаящее взиралась на непоколебимую Чоу Юэсяо.

— Да как ты смеешь так со мной разговаривать?! — приглушенно прорычала она сквозь зубы.

Потупив пустой взгляд, Чоу Юэсяо, прижав пальцы ко

рту, по-кошачьи зевнула.

Служанки за спиной императрицы насупились на такое дерзкое поведение девушки и, сжимая кулаки, едва выдерживали, чтобы не накинуться.

Юн Лулянь, понимая, что он основная причина сего конфликта, подумал, что ему стоит объясниться, однако осекся, вспомнив совет Чоу Юэсяо про то, чтобы рот был на замке.

Да и даже если рискнуть, что он скажет? Что сам напросился, позорно взывая к жалости самого У Ливэя и его Нефритовых Братьев? Что-то подсказывало, что от такого ответа он и впрямь сделает только хуже.

Наверное, его надломленную от всей этой безнадежности улыбку восприняли совсем не в том ключе, и потому глаза У Хуньюй стали еще острее и опасней при виде юноши, а её прислуга сразу склонилась на него обвинениями:

— Чему ты ухмыляешься, наглец?! — крикнула та, что слева. — Ты думаешь, что можешь надсмехаться над Её Высочеством, женой самого Смертного Дракона, да?!

— Нет, конечно! — торопливо отрицал Юн Лулянь. — У этого жалкого человека и в мыслях подобного не было!

Служанка справа ехидно ухмыльнулась, искоса глядя на взволнованного Юн Луляня.

— Как заерзал, — высокомерно прокомментировала она. — Мы пока не знаем, почему Его Высочество разрешил тебе здесь остаться, но заруби себе на носу! Будешь выделяться, пожалеешь, что родился на это свет, понял?!

«Эта как раз та вещь, о которой я жалел почти всю свою жизнь, не переживай, куколка», — выдохнул Юн Лулянь, уже не особо обращая внимания на все эти угрозы.

Да, стоя за спиной хрупкой и милой, как фея, Чоу Юэсяо, при этом так неуверенно отгораживаясь от какой-то парочки склоченных девок, он точно смотрелся никак благородный муж, а скорее как потрепанный кошками воробей.

Эта парочка же, за тонкими плечами и слабой спиной У Хуньюй, мстительно и злобно сверкая своими подведенными глазками, прильнули головами и, посматривая на Юн Луляня, что-то затейливо зашептались.

— В любом случае! — громко и сердито сказала Чоу Юэсяо, топнув ногой, делая шаг вперед. Оттого, что она может так говорить, у Юн Луляня все перемешалось и застыло. Особенно когда она подняла руку, прикрывая юношу большим рукавом. — Его Высочество вынес свой вердикт. Юн Лулянь остается во дворце Ван Ши и служит здесь на всех правах и законах! — выдала она на высокой октаве, при этом не теряя особой харизмы и четкости звука. — Ну а коль поверить не можете, — Чоу Юэсяо перевела свой узкий, не менее серьезный взгляд на скрипевшую зубами императрицу, без какого-либо страха, — идите к императору и лично уточните о причине его решения. Ни я, ни этот юноша более не обязаны перед вами отчитываться!

— Да что ты себе позволяешь... — уже было зашипела на неё служанка справа, но Чоу Юэсяо с язвительным смешком

её перебила.

— О-о-о! Точно! Совсем забыла! Эта служанка не уточнит кое-что! — с глупой улыбкой Чоу Юэсяо пролепетала, как прежде, игриво и ребячливо, от чего все, включая Юн Луляня, впали в ступор. — Так как Лянь-Лянь тут новенький и буквально слепой котенок, Чоу Юэсяо официально берет его под свое крыло~! — изрекла она, не заботясь о том, с каким изумлением на неё все смотрели. — И поэтому, — тут тоненький, нежный голосок девушки стал тревожно тихим, казалось, все эмоции угасли. Когда Чоу Юэсяо подняла на них свой на секунду прикрытый ресницами взгляд, ни улыбки, ни какого-либо тепла она уже не излучала. — Если я узнаю, что кто-то из вас усложняет ему жизнь, а во дворце нет ничего, чего бы Чоу Юэсяо не знала, — с морозом напомнила она, и служанки императрицы, к которым она и обращалась по большей части, пискнув, перепугано прижались друг к другу. — Уж поверьте, я знаю, какие слова нужно будет подобрать для Его Высочества. И тогда молитесь, чтобы вас после хотя бы d самые неприглядные бордели приняли! — рыкнула Чоу Юэсяо, насупившись, и девушки взвизгнули со слезами на глазах.

Юн Лулянь стоял за ней, словно громом пораженный. Он никак не мог понять, была ли эта девушка той самой, что встретила его во дворце.

Всей той легкомысленности, азарливости и детской манеры поведения, как и от незаинтересованности в своей яв-

но не самой простой работе и специальном различном про-
изношении имен Юн Луляня, не осталось и следа!

Сейчас перед ним холоднокровный и очень опасный че-
ловек. Убийца, что способен запугать одним вздохом, пере-
резать глотку, не утруждая себя оружием.

Спину Юн Луляня зазнобило, и кожа покрылась ледяным
потом. Он не видел её кровожадного, расчетливого лица и
был тому очень рад. Потому что те девки побелели так, что
в обморок, казалось, готовы были попадать.

Но тут Юн Лулянь подметил, что только У Хуньюй до-
стойно сносила такие резкие перепады речи Чоу Юэсяо, а
значит, видела она их не в первый раз. В отличие от своих
служанок, она уже перестала бурлить праведным гневом, и
теперь лик её был мирен и тих, словно гладь воды в тихую
ночь при лунном свете.

— Вот как, значит, — усмехнулась императрица, развеяв
тяжелую атмосферу. — Я же говорила раньше, да? Что ты
лань с виду, но волк внутри? — обращалась она к Чоу Юэсяо
с неприятной улыбкой и блеском в глазах.

Чоу Юэсяо какое-то время бдительно присматривалась к
императрице, щуря свои узкие глаза, сверкающие в тени.
Она все еще закрывала своим рукавом Юн Луляня, будто
птица-мать своего птенца.

Однако бледно-розовые губы девушки, до этого плотно
сжатые в опущенную дугу, плавно разошлись подтянутыми
уголками. Это был больше оскал, чем улыбка, но и тут по-

добное проявление истинных эмоций было недолгим.

Опустив руку, Чоу Юэсяо заметно расслабилась всем телом, тени ушли с её круглого лица, выглаживая черты, тем самым вся зрелость сошла на нет, вновь уступая место детской привлекательности.

— Разве? — удивленно спросила Чоу Юэсяо, прижав палец к губам. — Может и да, а может, и нет, Будда его разбери! — пожалала она плечами. — Чоу Юэсяо мила как лань всегда, но волком становится, когда лишь голодна! — капризно напомнила девушка и обижено надула губы, отворотив голову в сторону. — Так что нечего меня тут оскорблять почем зря!

Теперь это была снова та самая невинная и болтливая девушка, с которой Юн Лулянь недавно познакомился. Само собой, такие перемены в личности его пугали, но вот когда он слышал именно этот голос, то ему определенно стало легче дышать.

Вот только от души отлегло не надолго, ибо скромный, а скорее сдержанный смех У Хуньюй вновь напряг все его мышцы. Чоу Юэсяо тоже в напряжении замолчала и уставилась на посмеивающуюся чему-то императрицу. Её служанки также переглянулись.

— Ясно. Я всё поняла, — сказала У Хуньюй, не улыбаясь. — Но я не собираюсь спускать этот вопрос на самотёк. Однако с вами разговаривать не желаю, — высказала она, смеясь Чоу Юэсяо и Юн Луляня презрительным взглядом. — Я

хочу поговорить об этом лично со своим мужем. Чоу Юэсяо, он сейчас свободен? — деликатно спросила она, приподняв голову.

— Его Высочество сейчас заседает в тронном зале, — с уместным сдержанным поклоном ответила Чоу Юэсяо. — Он принимает купцов с дальних границ востока, где расположен город Дунфэн, чтобы решить вопросы торговых путей. После у него встречи с чиновниками и военными начальниками. И еще куча дел, которыми положено заниматься правителям империи, — на последних словах она не скрыла насмешки, когда поднимала голову. — Если буду перечислять весь график Его Высочества, это будет очень долго. А потому эта служанка советует императрице навестить императора поздним вечером. Если ее, конечно, захотят видеть.

Было ясно как день, что Чоу Юэсяо, несмотря на располагающую улыбку и дружелюбный нрав, все еще пыталась задеть У Хуньюй.

Но женщина, явно не восприняв это всерьез, лишь приподняла уголок губ без лишнего сетования.

— Хорошо. Навещу мужа поздним вечером, — приняла решение У Хуньюй. — Не забудь сказать ему об этом! — строго приказала она.

— Эта служанка сообщит о вашем желанном визите Его Высочеству сразу, как только покончит с нынешними делами, — снова склонилась Чоу Юэсяо и, не меняя позы, отошла в сторону, уступая У Хуньюй дорогу, прихватив за со-

бой Юн Луляня, который тоже поспешил поклониться перед императрицей.

Женщина, бегло оглядев парочку не многозначительным змеиным взглядом, слабо фыркнула и прошла мимо них элегантно и неспешно. Служанки замельтешили на месте и только после засуетились следом за госпожой, напоследок бросив на головы Юн Луляня и Чоу Юэсяо недобрые взгляды.

Как только они удалились на приличное расстояние, Юн Лулянь вытянулся и, ощутив, как тяжесть сошла с его груди после их ухода, облегченно выдохнул, уж было подумав, что опасность миновала, как рядом, словно зарождающийся гром, прозвучал разъяренный голос:

— Надеюсь, по пути вы сломаете себе что-нибудь! — прорычала, словно демон из недр Ада, никто иная, как Чоу Юэсяо. — Руку, ногу, а лучше шею!

Проклинающее цедила она, не шевелясь. Юн Лулянь весь сжался, не зная, как ему поступить. От спины служанки прямо так и исходила зловещая аура.

— А Сестрица, — несмело позвал он. — С тобой всё в поря...

— О! А-Лянь! — неожиданно встрепенулась девушка, а Юн Лулянь подпрыгнул. — Я совсем забыла за тебя! Хааа~ Вот неловко вышла, да?! Ха-ха-ха-ха... ха...ха. — Веселый нрав девушки угасал, как и её задорный, явно наигранный смех. И вот когда личико совсем перестало лучиться, Чоу

Юэся под негодующий взор Юн Луляня приложила ладонь ко лбу и продолжительно вздохнула, при этом простонав. — У-у-у-хххх! Послушай! — взвинчено попросила она Юн Луляня. — Я понимаю, тебя, скорее всего, такие скачки моего характера ввели в заблуждение или даже напугали. Да и я не хотела так... себя показывать, — разъясняла она, то виновато опуская глаза, то закусывая губы. — Просто я... Гхх! Я на дух не переношу эту женщину! — не сдерживаясь рявкнула она, со злобной гримасой и тяжело дыша глядя в ту сторону, куда только ушла императрица со своей свитой.

Запаниковав, что их могли услышать, Юн Лулянь юрко крутанул головой в сторону арки из сосен, но там, на всеобщее счастье, уже никого не было. И пусть так, разойтись в своей злобе Чоу Юэся Юн Лулянь не мог позволить.

— Тише, Сестрица! — попытался он успокоить рассвирепевшую девушку. — Что если ни они, так кто еще услышит твои изрекания в этом саду?! Головы же не сносить потом! Она как ни как императрица!

— И что?! — с вызовом спросила Чоу Юэся, враждебно воззрившись на Юн Луляня. Её нос был сморщен, брови упали на переносицу, а губы напряжены. — Тоже мне проблема. Её тут все ненавидят. И поверь мне, ты и не такое о ней услышишь в стенах дворца! — предупредила Чоу Юэся, раздраженно дернув руками и хмыкнув.

Без того встревоженный вид Юн Луляня становился всё более потерянным.

— А ты не боишься? — тихо спросил он у сердитой девушки не столько из любопытства, сколько ради желания сгладить углы их беседы. — Она ведь может потом нажаловаться на тебя императору.

— Да и пусть жалуется, если хочет! — вальяжно бросила Чоу Юэсяо без тени страха. — Я под опекой самого Смертного Дракона с малых лет! — напомнила она, приложив ладони к груди. — Даже если эта женщина что-то про меня и скажет, Его Высочество и слушать её не будет. Следовательно, ничего мне не сделается.

— Отважная ты, однако, Сестрица, — покачал головой Юн Лулянь, не понимая, восхищаться ему или опасаться.

Нет, серьезно. Как бы к ней не относился император, служанка есть служанка, а жена — это жена, и предпочтения нужно отдавать тому, кто ближе по статусу, в конце концов.

Конечно, без разрешения своего великого мужа У Хуньюй ничего не сможет сделать Чоу Юэсяо, даже если кровью от ярости захлебнуться. Вот только это не значит, что У Ливэй будет таким благодетельным опекуном для служанки всё время.

Рано или поздно подобные разногласия к чему-то да приведут. И думалось Юн Лулянь, что точно ни к чему хорошему, учитывая склоки между любимицей императора и его женой.

— Эххх, — вновь вздохнула Чоу Юэсяо, уже полностью растеряв весь свой заведенный пыл, опуская плечи. — Вот

была бы жива первая жена императора, — с отчаяньем проговорила она, чуть не плача. — Таких бы проблем не было!

— А? Сестрица. Ты сейчас сказала «первая жена»? — удивленно спросил Юн Лулянь, вопросительно наклонив голову.

Чоу Юэсяо посмотрела на него вяло, после чего пояснила:

— А, так ты, наверное, не знаешь, Юн-эр, — верно предположила она. — До того как эта женщина вошла во дворец императрицей, Его Высочество был женат на другой. Её звали У Шуйцзин. Урожденная Лань из именитого богатого рода ремесленников по ювелирным изделиям, прислуживающих императорской семье в девятом поколений.

Юн Лулянь вспомнил эту фамилию из книг, что читал по истории. По сравнению с другими, род Лань был не самым выдающимся много веков, потому что, в отличие от остальных, ни политикой, ни торговлей, ни делкой оружия или управления землями они не занимались.

Начиная как небольшой магазинчик, в семье Лань из поколения в поколение передавались не только особые знания о ювелирном изделии, но и рождались невероятно одаренные в своем деле люди.

Давным-давно один из представителей их семьи преподнес императрице подарок в виде пары сережек, искусно сделанных из золотого жемчуга, а также браслет из коралла невероятного мастерства. На украшениях были изображенными пионы и журавли.

Когда императрица увидела эту красоту, то тут же попросила мужа щедро вознаградить мастера за работу. Императору изделия семьи Лань тоже пришлись по вкусу, а после и многой знати. Потому они быстро стали знамениты и разбогатели, открыв сеть торговли своей семьи по всему Всемирью.

— Значит, — начал Юн Лулянь. — Первая жена императора была из рода Лань?

— Да! — кивнула повеселевшая Чоу Юэсяо. — Охх, Её Высочество У Шуйцзин была такой красивой! — с обожанием выдохнула она, мечтательно закатив глаза. — Начитанная, скромная, тихая и очень добрая. Все во дворце её любили и почитали. Правда, со здоровьем у неё были проблемы. Потому многие из чиновников были против брака императора с ней, — сказала она расстроенным голосом.

— Сестрица, ты все время говоришь о ней в прошедшем времени, — подметил Юн Лулянь, нахмурившись. — Это значит она...

— Да. Госпожа У Шуйцзин умерла пять лет назад, — с горечью и тоской подтвердила Чоу Юэсяо, отведя влажные глаза. — Как я и говорила, здоровье у неё было очень слабым. А после рождения детей ей с каждым годом становилось все хуже и хуже. Вот она и...

— Рождением детей? — ошарашено повторил Юн Лулянь. — У Его Высочества есть дети?

Чоу Юэсяо вновь вздернула вверх брови, смотря на юно-

шу во все глаза, и потом мило насупилась, уперев руки в бока.

— Боже мой, Юн-сюн, так ты вообще ничего не знаешь о императорской семье! — пожурела она его, надув щеки, на что Юн Лулянь с виноватой улыбкой почесал затылок, выдав: «Ну извини, извини». Чоу Юэсяо, перестав дуться, что-то пробубнила, закрыв глаза с бровями в виде домика. — Ты знаешь многое про Всемирие, императора и Нефритовых Братьев. Но про его семью ничего? Просто поразительно! — напыщенно посетовала она, и Юн Лулянь повторно извинился за свое невежество. — Ладно, что уж тут сделаешь, раз не знаешь, — остыла Чоу Юэсяо, признавая данную ситуацию. — Да, у Его Высочества есть дети. Два сына, если быть точнее. Наследный принц У Вэйцзе и второй принц У Чжэньси. Оба рождены от первого брака с прошлой императрицей У Шуйцзин.

— А значит, с нынешней императрицей У Хуньюй у него пока детей нет, — проговорил Юн Лулянь, внутри крайне удивленный, что у императора всего двое детей.

— Ха! И не будет! — громко и бахвально изрекла Чоу Юэсяо, полная довольства. — Между нами, Лянь-Лянь, — понизив голос, она наклонилась поближе к юноше, от чего они стали похожи на двух заговорщиков, и злорадно пошептала. — Его Высочество за все эти четыре года их брака даже не спал с ней как с женщиной.

— Т-ты сейчас так шутишь, Сестрица?! — поперхнулся

воздухом Юн Лулянь.

Однако девушка заулыбалась, как кошка, и покачала головой, хихикая.

— Не-а~! Чоу Юэсяо с такими вещами шутить не станет! — сказала она, откинув волосы за плечи. — Его Высочество всегда любил только свою первую жену, а на этой он женился только потому, что хотел, чтобы от него отстали, и всё!

Значит, у императора те ещё семейные драмы. Мало того, что ему приходится денно и ночью управлять Всемирием, за всем следить и контролировать, так, оказывается, в его семье не всё гладко.

Но больше всего Юн Лулянь изумился тому, что у Смертного Дракона всего два сына. Жена, хоть и не любимая, со слов Чоу Юэсяо есть, а про наложниц он не решился пока уточнять, ибо некультурно так интересоваться чужой личной жизнью.

Два сына — это слишком мало для столь великой династии! У прошлого императора, отца У Ливэя, на сколько было известно, по мимо крон принца У Минцзыю, которого сам император по какой-то неизвестной всем причине лишил этой должности, а после вознес на неё У Ливэя, было восемь сыновей и девять дочерей.

Меньшая половина — от главной жены, императрицы, а большая, конечно, от любимых наложниц, само собой.

По общим сведениям, У Ливэй родился от наложницы, в то время как его старший брат, бывший кронпринц У Минц-

зью, от императрицы. Мать У Ливэя пусть и была любимой наложницей бывшего императора, но поговаривали, что она была душевнобольной, однако невероятно прекрасной внешне, что черная зависть других женщин во дворце дала о себе знать.

А после того, как её силой приволокли во дворец, где она подвергалась издевательствам со стороны других дам и всевозможному насилию из-за своего низкого статуса, её психическое состояние сильно ухудшилось, и она, окончательно сойдя с ума, покончила с собой сразу после рождения сына.

У Ливэй же был даже не вторым и не третьим сыном, он был шестым по счету. И вроде бы, как ни глянь, а до трона ему не добраться было. Однако он обогнал всех своих старших братьев благодаря редкостному уму, выдающейся харизме и умению командовать, при этом просчитывая все на пять шагов вперед.

С самых малых лет он стал одним из лучших учеников, признанным как гений многих талантов. За что бы он ни брался, ему все удавалось, и какие бы препятствия ни были на его пути, У Ливэй справлялся с ними блестяще и без проблем.

Все во дворце, от слуг, учителей до высших чиновников, молились на него и боготворили. Особенно когда У Минцзью, также немало известного за свой богоподобный облик и добросердечной натурой, лишили возможности стать будущим императором.

У Ливэй, на недовольство императрицы, славившейся своим стержовым и заносчивым характером, и её детей, был объявлен любимцем своего отца, и когда У Минцзыю сместили, У Ливэй стал официальным наследником престола.

Но на следующий год и произошла та страшная, известная резня во дворце Ван Ши, когда всю императорскую семью, их приближенных, наложниц и слуг поубивали неизвестные.

Тут хочешь не хочешь, но из всего рода остался только У Ливэй, а кому-то Всемирием нужно управлять. Ну, на данный момент еще его сыновья от первой жены. Итого всего три человека. Мда, неутешительно, однако.

«Династия У и так в ужасном упадке, а с таким количеством, как бы им и вовсе конец не пришел», — неутешительно размышлял Юн Лулянь.

— И так, Лулянь, — энергично заговорила Чоу Юэсяо, вытаскивая того из мыслей. — Мы с тобой уже достаточно заболтались. Свою задачу я выполнила и сейчас отведу тебя к другому человеку, — сказала она и, встав в полуоборот, поманила его за собой. — Пойдем. Он такой же слуга, и в основном присмотр за тобой будет лежать на его плечах! — радостно объявила она. — Только вот, — смялась Чоу Юэсяо. Шедший за ней Юн Лулянь озадаченно промычал. — Ты не особо-то его бойся. Он придиричивый и больно правильный, но в целом очень хороший человек. Уверена, вы подружитесь!

— Хорошо, если так и будет, — со вздохом кивнул Юн

Лулянь с прискорбным выражением на лице.

Они покинули сад Цзинчжи, полный цветущих во всю гибискусом, однако стойкий шелест листвы, словно неуспокоенный призрак, шел по следам Юн Луляня и Чоу Юэсяо. И если девушка была полна энтузиазма и весела, то юноша пусть и улыбался, однако душой чувствовал что-то неладное, но объяснить это пока не мог.

Глава 10 - С кем поведешься, тем и прослывешь

То самое место, о котором ему рассказывала Чоу Юэсяо, было слишком обычным для императорской резиденции. Расположенный рядом с одним из средних по размеру садов с жёлтыми сливами и белыми персиками. Ближе к большому залу (одному из многих), где проводились не значимые церемонии, стояла четырёхэтажная постройка, вытянутая в длину.

Это был Лоу Цзя, или Дом Слуг. Окруженный деревьями, тишиной и покоем, он производил умиротворительное впечатление. Пусть это и было место, где жили только слуги, сам Лоу Цзя выглядел довольно богато и хорошо сделанным, словно был тайной обителью какой-нибудь знати.

Поначалу Юн Лулянь видел только кусок крыши из черепиц сквозь зеленные пушистые верхушки. Потом, опустив глаза, увидел двор, где ходили юноши и девушки, а также люди среднего и преклонного возраста. Все улыбались, болтали, спешили куда-то, но при всем при этом были одеты не богато, но и не бедно. Если бы Юн Луляню сказали, что все эти люди прислуга, он бы в жизни не поверил, что одни из низших одевались здесь лучше, чем богатеи из его родной глуши.

Их одежды были чистыми, волосы ухоженными, в глазах смех, а на счастливых лицах улыбка. Все были такими непринужденными и радостными. У Юн Луляня при виде них на душе заскребли кошки, и он, с досадой закусив губу, поднял руку, прижал ладонь к сердцу, а потом, сжав пальцы, потянул ткань так, что та затрещала.

— Не переживай так, — благовейно сказала Чоу Юэсяо, похлопав его по спине. — Сначала всё кажется непривычным, но поверь, адаптируешься быстро.

Юн Лулянь только кивнул, не желая делиться той горечью, что была у него уже на языке.

Как человек, который выживал большую часть своей жизни, носил тряпье, ел чуть ли не с земли, ему было крайне неприятно видеть, что и прислуга, с которой никто не считается, живет так легко и благополучно.

В нем бурлили гнев и зависть, однако Юн Лулянь тихо выдохнул полной грудью, заставив себя успокоиться и усмирив пыл.

Чоу Юэсяо не задавала ему вопросов, пока они стояли на тропинке в тени и просто наблюдали за двором, где ходили люди. Парочка из парня и девушки проходили мимо них, держа в руках рулоны бумаги. Они о чем-то болтали, улыбаясь, но когда заметили Чоу Юэсяо, то взволновано поспешили поклониться в приветствии. Девушка ласково улыбнулась им в ответ, но голову клонить не стала, сделав слабый кивок.

Увидев мрачного Юн Луляня, они быстро отвели от него любопытные глаза, а потом прошли дальше, ничего не сказав, и только отдалившись, то ли посмеялись, то ли активно заобсуждали. Скорее всего, и то, и то сразу.

— Не обращай на них внимания, — отмахнувшись, посоветовала Чоу Юэсяо. Юн Лулянь с неуверенностью покопился на неё. — Скоро к тебе тут все привыкнут! — жизнерадостно сказала она и, с нетерпением облизнув губы, взяла его под руку и быстро зашагала по каменной тропинке. Опешивший Юн Лулянь, едва не спотыкаясь, молча шел следом. На вопрос, к чему такая спешка, девушка затараторила: — Я ведь говорила, что нас ждет один человек! Вообще-то, мы с тобой должны были ещё утром к нему прийти, — проговорила она с сомнением, но потом хмыкнула с новой улыбкой. — Ай, да без разницы! Не так уж мы и задержались. Подождет, не рассыплется!

Юн Лулянь, неуклюже переступая ногами, чтобы угнаться за резвым темпом девушки, ничего не сказал. Однако где-то в душе почувствовал, что если Чоу Юэсяо так пренебрежительно отзывается, значит встреча и впрямь важная, а она делала вид, что ее задание ничего из себя не представляет. А значит, тот человек, который их ждет, может быть крайне недовольным таким халатным отношением.

И предчувствие его не обмануло. Потому что как только они выбежали на солнце и уже достигли двора Лоу Цзя...

— СЛИШКОМ ДОЛГО-О-О!!! — яростный вопль мощ-

ным ветром прилетел им в лица, заставив парочку затормозить. Юн Лулянь со звоном в ушах прикрыл лицо рукавом и еще толком не сообразил, что происходит, как мужской голос несдержанно закричал на них снова. — Ты что, издеваешься, Чоу Юэсяо?! По-твоему, у меня дел больше нет?! Я вас тут третий час жду! У любой наглости есть предел!

Пока они стояли в ступоре (Чоу Юэсяо улыбалась, как кошка, несмотря на то, как на неё орали), к ним подошел высокий бледный парень с гармоничными чертами лица. Тускло-голубые глаза смотрели на них с прищуром, помесью гнева и презрения. Губы кривились в отвращении, а хорошо сложенные руки были скрещены на груди.

В целом парень был явно симпатичным, чуть выше среднего. Только вот одна деталь его не красила: его одежда была изорвана, напыщенное лицо перемазано чернотой, собранные волосы топорщились в разные стороны, а от него самого воняло порохом и маслом.

Заметив пристальный взгляд Юн Луляня, юноша, став еще более враждебным, рывкнул на него с вызовом:

— На что вылупился?! Проблемы нужны?!

Какой раз за день на него наезжают просто ни за что? Юн Лулянь уже и оправдываться особо не хотел. Просто поднял раскрытые ладони перед собой и попытался улыбнуться. Видать, этому чумазому парню подобное поведение не располагало, оттого он одарил Юн Луляня еще большим недружелюбием во взоре.

Решив, что ничего дельного от него не добиться, он перекинул своё невольное личико на девушку.

— Чоу Юэсяо! Я требую объясне...

— Кхх. Кххха! — Глаза парня удивленно распахнулись, а Юн Лулянь только сейчас заметил, что она схватилась за живот и согнулась, тревожно дрожа. Только лик злобного юноши чуть растаял, а Юн Лулянь хотел было коснуться её спины, думая, что ей плохо, как она резко выпрямилась и, не отпуская руки от живота, вздернула голову, засмеявшись во всё горло, так, что и остальные люди обратили на них внимание. — ХА-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА! Б-боже! Кха! Ха-ха-ха! Т-ты... ну ты и уродец! — запинаясь и давясь со слезами на глазах, Чоу Юэсяо указала пальцем прямо на юношу, при этом не прекращая смеяться над ним. Когда он понял, что он тот, над кем надсмехаются, то его спокойный лик снова исказился от ярости. — Я... я не могу! Ха-ха-ха-ха! Ты такой урод, честное слово!

— З-заткнись! — гаркнул он на девушку достаточно грозно, но ей было абсолютно плевать, потому что Чоу Юэсяо чуть на землю не свалилась, пока смеялась без остановки. — Хватит уже издеваться надо мной! — потребовал он, весь красный, как свекла. — Если ты любимица императора, то нечего зазнаваться!!

— Хи-хи-хи. Хааа, — вытерев влагу с щёк, Чоу Юэсяо, уже похихикивая, облегченно выдохнула, прежде чем выпрямить спину. — Прости-прости. Но ты правда очень за-

бавно выглядишь, — сказала она, уже овладев собой. — Что на этот раз произошло? — вежливо спросила Чоу Юэсяо, осматривая парня. Юноша в свою очередь сморщился, хмыкнул и, ничего не сказав, запустил руку себе за спину и, выудив что-то, вытянул руку, раскрыв пальцы. — А, вон оно что, — словно догадавшись, выдала Чоу Юэсяо только при одном взгляде на... это. Юн Луляню пришлось дольше приглядываться, чтобы понять, что эта металлическая игрушка напоминала птицу, размером чуть меньше голубя. Металлическая птица? — Я так понимаю... Эксперимент Хай Чжэнуя снова провалился? — уточнила она, наклонив голову на бок.

Юноша сильнее сжал, казалось, ненавистную ему искусственную птицу, ибо его зубы скрежетали, а сам он едва не рычал оттого, что сдерживался.

— Он, — сквозь зубы выдал парень, потемнев от напряжения. — Что бы его черти драли! Он меня со вчерашнего дня умолял прийти и помочь с новым проектом. Паровой соловей! — взревел он. — Мало того, что я и так уделил ему внимания, выбиваясь из графика, так он еще, видите ли, только начал данную работу и она была «немножечко» незавершена. Немножечко?! Да я!... Т-ты... Посмотри на это немножечко! — попросил парень, указав на себя целиком. — Такой взрыв произошёл, что южная часть дворца пала за миг!

Юн Лулянь откровенно ничего из этого не понял и выражал полное недоумение, в то время как Чоу Юэсяо усилива-

ми подавляла новый смех. Юноша же, тяжело дыша после тирады, по очереди смотрел на них, все еще злой, как демон.

— Да ладно тебе, — мягко и невозмутимо пожурила его Чоу Юэсяо, все ещё присматриваясь к так называемому паровому соловью. — Не так уж он и плохо придумал, — похвалила она и красивыми пальцами осторожно взяла птицу из рук юноши, продолжая осматривать. Юн Лулянь тоже наклонился поближе. И впрямь, птица была искусно сделана. Металлические пластины мутного цвета блестели на солнце. Крылья, голова, туловище — всё было прям как у настоящего соловья. Работа исключительно талантливого человека. — Хай Чжэнуй очень способный и если что-то придумает, то так просто эту идею не оставит.

— Хм! Может, он и умный, вот только растяпа редкостный! — грубо парировал парень. — Я только зря свое личное время потратил на него и его бредовые фантазии!

— И всё равно, — начала Чоу Юэсяо. — Сколько ты его не ругаешься, а всё же всегда помогаешь по первому зову, — сказала девушка возмущенно уставившемуся на неё парню и улыбнулась, прикрыв глаза. — Ты из тех людей, кто помогает всегда делом, а не словом. И как по мне, друг из тебя очень хороший.

Юноша уже было начал вскипать, чтобы вновь высказаться, но улыбка Чоу Юэсяо действовала на него как холодная вода, от чего он запнулся, потому пытался побороться, пока служанка неотступно, молча улыбалась ему. А после, окон-

чательно сдавшись, мучительно выдохнул, прикрыв ладонью лицо.

— Мне больше нечего сказать, — отчужденно высказал он, скрещивая руки на груди и отворотив тёмный взгляд.

Мимо них так и сновали другие люди, интерес которых был не таким долгим, как казалось Юн Луляню. По большей части он думал, что причиной тому была Чоу Юэсяо. Не зря же те ребята, что были услугами, ещё и мимо них не прошли и сразу же поклонились ей. Его догадки подтвердились, когда трио девушек встали на месте, не так далеко, пошептались и засмеялись. Чоу Юэсяо, не меняя лицо, повернула в их сторону голову, и девушки, вздрогнув, с ужасом и страхом бросив быстрые извинения, убежали в здание, не оглядываясь.

Проследив за ними, Юн Лулянь сам с неопределёнными чувствами посмотрел на девушку. Он понимал, что тот факт, что она была очень близка с императором, явно имела большую власть, чем простые слуги, и даже так... Насколько был велик авторитет Чоу Юэсяо, что её так уважают и боятся? Да и кто она на самом деле?

— Как бы то ни было, — неожиданно заговорила Чоу Юэсяо, быстро вручив испугавшемуся Юн Луляню неподвижную холодную птицу в руки, так быстро, что он ничего не понял. — Моей обязанностью было привести сюда этого юношу, — она отошла чуть правее, поднимая раскрытую ладонь. — Его зовут Юн Лулянь. По приказу Его Высочества, он от-

ныне слуга дворца Ван Ши и будет жить в Лоу Цзя вместе с другими слугами, — терпеливо разъяснила она, а потом отошла от молчавшего Юн Луляня и подошла к другому, так же подняв руку. — Лянь-Лянь. Этого парня зовут Суншу Ичань, — представила их друг другу девушка. Юн Лулянь неловко поднял уголки губ, в то время как Суншу Ичань, нахмурившись, сверил его высокомерным и бдительным взором, словно тот был вором или кем-то похуже. — Он работает во дворце уже больше шести лет. Для тебя старший, так что ты слушайся его. Ну или если вопросы возникнут, спрашивай у Суншу Ичаня. Всё понятно?

Неразборчиво пробормотав, Юн Лулянь кивнул, стараясь особо не смотреть на строгое лицо Суншу Ичаня. Тот молча вгрызлся в него суровым взглядом. Чоу Юэсяо же, хлопнув в ладоши, вздохнула от всей души и, пожелав обоим удачи, стала уходить, как Юн Лулянь обеспокоено окликнул её:

— Сестрица! А ты разве не пойдешь с нами?

Остановившись, Чоу Юэсяо, недолго постояв к ним спиной, повела плечами и головой. На чистом лице всё так же сладкая улыбка. Длинные, распущенные позади волосы плано следовали движениям её маленькой головы.

— Не-а! Свою задачу я уже выполнила. Дальше тобой займется он, — сказала она, указав пальцем на Суншу Ичаня. А вздрогнувший Юн Лулянь, пробиваемый седьмым потом, чуя, какая мощная аура враждебности излучается за его спиной, кричал внутри себя, стараясь не оглядываться назад. —

У меня своих дел полно. Быть слугой Его Высочества весьма утомительно. У вас, обычных слуг, свободы больше, чем у меня. Ну что же! Я пошла! Пока, Юн-эр! Ещё пересечемся! — помахав ему рукой, девушка хихикнула и побежала по тропинке, откуда они недавно пришли.

Мороз за дрожавшей спиной Юн Луляня усилился, когда ушла Чоу Юэсяо, и он, дёрнувшись, икнул, когда услышал спокойный, но при этом кровожадный голос:

— Так значит, ты и есть тот самый Юн Лулянь? — спросил не кто иной, как Суншу Ичань. Сам Юн Лулянь неторопливо (при этом натягивая надломленную улыбку) повернулся к юноше, чей вид так детально напоминал ему императорского пса Цайфу Чу. Едва ли не братья были по внешности и по духу. — Я многое про тебя уже услышал, — опасным тоном сказал Суншу Ичань, опуская руки и надвигаясь.

— Что... Пряма так много? — несмело спросил у него Юн Лулянь, стараясь из последних сил выдать дружелюбие и наивность.

Но почему-то после его вопроса Суншу Ичань остановился, взглядываясь в него более угрожающе.

— Достаточно, — дал короткий ответ Суншу Ичань. — Все в Лоу Цзя только о тебе и шепчутся. Мол, ты слишком хороший шпион из какого-либо клана. Другие толкуют, что как-то связан с императорской семьей, а третьи, — на этом вся мрачность растаяла, и Суншу Ичань впервые ухмыльнулся, а в глазах появился свет. — Что ты тайный любовник

Смертного Дракона. Представляешь?

Одного удивления подобному высказыванию Юн Луляню было ой как недостаточно. Внутри него забились грозы и молнии. При этом ему казалось, что от мозга по костям и суставам стала разливаться и лава, и зимние воды озёр одновременно. Он бледнел и краснел, не в силах говорить, а лишь выдавливать из глотки какие жалкие звуки, словно был глухонемым.

В конце, когда до него дошёл смысл этих слов, он резко покраснел, заверещал, размахивая руками, и пытался нормально говорить.

— Ч-ч-ч-ч-что?! Что это з-за бред?! Это... Это п-просто... ужас!! Я и Его Высочество любовники?! Д-да кому вообще подобное в голову пришло?! Это и на шутку не похоже!! — Наблюдавший за ним в молчании Суншу Ичань только дёрнул уголком рта в усмешке. — Это не смешно! — буйствовал Юн Лулянь. — Я Императора впервые воочию увидел! Любовники?! Почему так вышло?!

— А ты сам подумай, — сказала ему Суншу Ичань. — Сюда даже родственникам всякой элиты не попасть толком, а тут какой-то бродяжка с улицы... Уж извини, но на приличного человека ты не похож, — без особых сожалений добавил он, увидев, как насупился Юн Лулянь. — Просто так взял и без проблем пробился в прислуги. Ты либо редкостный везунчик, либо просто сумасшедший, испытывающий судьбу.

— Ну-у-у, — неутешительно протянул Юн Лулянь, почесывая свою ладонь с тем проклятым знаком. — Если пометать, как я жил, то удача точно не про меня.

— Ой, да брось! — посоветовал Суншу Ичань. — Здесь про каждого и не такое, как правило, говорят. Но всё же, — проговорил он с сомнением, приглядываясь к парню. — Ты случай крайне уникальный. Попал сюда, так ещё и с разрешения самого императора. Тут, знаешь ли, любой что угодно подумает.

— В какой-то мере да, но, — с неохотой признал Юн Лулянь, однако Суншу Ичань его тут же перебил.

— Ладно. Вижу, ты парень хороший. Ну, на первый взгляд так точно. Понимаешь, я думал, что Чоу Юэсяо приведет сюда очередного зазнавшегося выскочку. В Лоу Цзя, да и во всем дворце Ван Ши, таких, как пчел в улье, — прошептал он, глазами указав на их красочное мирное окружение. — Но с виду ты нормальный и дружелюбный. Мне такие люди нравятся. — Похвалил Суншу Ичань с гордой белозубой улыбкой.

Юн Лулянь почувствовал себя смущенным. При этом сам он не считал себя хорошим человеком. Однако если его прошлые поступки оправдывали выживание, то, наверное, и так сойдет.

Он и сам точно ещё не знал, каким был Суншу Ичань. С виду вспыльчивый и строгий, даже суровый. Вот только при этом он явно не был подлым, озлобленным и любителем

издеваться.

Этого Юн Луляню было достаточно, чтобы вздохнуть спокойно.

— Я понимаю, что у тебя много вопросов к этому месту, — сказал Суншу Ичань, видя растерянность Юн Луляня. — Я тебе потом тут всё покажу. А для начала, — закрыв глаза, парень резко перестал улыбаться и от чего-то сморщился, проговорив с отвращением и тяжелой мольбой. — Давай переоденемся и помоемся? — неожиданно предложил он. — Как раз и себя в порядок приведешь, и одежду тебе новую дадут. Видок у тебя тоже так себе.

Посмотрев на Суншу Ичаня в упор, Юн Лулянь стал ощупывать свою одежду, волосы и лицо руками. Зеркала не было, но он и так понимал, что выглядит хуже, чем просто плохо.

Скорее всего, даже измазанный углем и маслом Суншу Ичань на его фоне, как только возродившийся феникс.

Смиренно принимая его предложение, Юн Лулянь не ожидал, что парень с приятной ухмылкой подаст ему раскрытую ладонь в знак нового знакомства. Немного изумленный таким поступком, Юн Лулянь поначалу в нерешительности, особо не смотря на Суншу Ичаня, поднял свою руку, но потом, таки переборов неловкость, открыто улыбнулся и пожал его руку в ответ.

— Кстати, а кто такой Хай Чжэнуэй? — спросил Юн Лулянь, когда они подходили к дверям Лоу Цзя.

На изящном лице Суншу Ичаня застыло изумление, однако как только он переварил услышанное, то тут же помрачнел и сgrimасничал в отвращении, словно перед ним положили тухлое мясо.

— Есть тут у нас один человек-беда! — с враждебностью рыкнул Суншу Ичань. — Он когда-то работал со мной как слуга, но один из элитных механиков императора заприметил его талант ко всем этим деталям, разборкам, чертежам. Короче, ты понял! Так что он уже как третий год работает в отделе паровых механизмов в столице. Не буду его оговаривать, парень он и в самом деле одаренный и дело свое знает. Вот только его любовь к экспериментам никогда до добра не доводит! — процедил он и, сдерживая гнев, выдохнул, при этом указав на себя же. — Ну, я думаю, ты сам видишь, что обычно происходит.

— Вы с ним, похоже, очень близки, — подметил Юн Луньянь.

Суншу Ичань на это хмыкнул.

— Так мы с ним с детства вместе, так что да. Общего у нас много, — с неохотой согласился Суншу Ичань. — Он приятный и добрый малый, правда... временами рассеянный и неуклюжий. Каждый раз, как что-то у него не получалось, мне приходилось его выручать! И вот даже сейчас, случись что, он меня самым первым зовет!

Выглядело всё так, будто Суншу Ичань жалуется о том, как ему всё это не нравится и как его друг уже порядком раз-

дражает своей несостоятельностью. Но Юн Лулянь понял, что за всей этой руганью неумело скрывается забота, переживание и доброта.

Поначалу Суншу Ичань казался Юн Луляню таким же неприятным и высокомерным, как генерал Цайфу Чу (общего у них впрямь было достаточно, что очень пугало), однако пусть он был таким же темпераментным и склочным, в отличие от генерала, Суншу Ичань просто скромничал, не желая показывать важным для него людям, что он ими дорожит.

И пусть он увидел Юн Луляня впервые, он просто дал ему, совершенно незнакомому человеку, шанс обустроиться без всякой спешки на новом месте. Не подгонял, не издевался, как это делал бы любой другой.

Да, вредничал и критиковал, но Юн Луляню было рядом с ним отчего-то спокойно на душе. Словно в его жизни появился надежный старший брат.

— Кстати, Юн Лулянь, — резко остановился Суншу Ичань, когда они уже шли по коридору первого этажа. — У меня к тебе вопрос, — сказал он на полном серьёзе, глядя на Юн Луляня очень требовательно. — Что это зараза про меня тебе наговорила? И только попробуй сказать, что ничего! Я в жизни в это не поверю!!

— Ты про кого? — изумился Юн Лулянь от этой неожиданной возмущенности.

— Про эту гадюку, — прошипел Суншу Ичань как можно тише, ибо люди ходили рядом. — Про Чоу Юэсяо, конечно

же!

— Гадюку? — повторил за ним юноша, с сомнением приподняв брови. — Тебе не кажется, что это не так? Сестрица очень милая девушка. И на змею она не похожа.

А вот кто на нее похож без преувеличения — это нынешняя императрица У Хуньюй.

Хотелось было сказать об этом, но Юн Лулянь попридержал свои мысли, понимая, что может за них и головой заплатить.

— А-а-а, — протянул Суншу Ичань, кривя рот. — Вот оно что. Теперь понятно, — проговорил, с нескрываемым разочарованием оглядывая часто моргающего Юн Луляня. — Ты тоже теперь считаешь её летящей ласточкой, что рыбу заставит утонуть, а летучего гуся — упасть? — прямо спросил он и отчужденно выдохнул, закатив глаза. — Боже! Только не говори, что ты из тех наивных дураков, которые только от одного ласкового слова девицы тают?

Юн Луляню стало отчего-то стыдно, хотя упрек был не особо весомым, а точнее, он не понимал, что плохого в том, чтобы питать симпатию к девушкам. Так ещё и к таким милым и обворожительным, как Чоу Юэсяо.

Похоже, его молчание и хорошо читаемое недоумение довело Суншу Ичаня окончательно.

— Невероятно! Ты серьезно?! Юн Лулянь! — крикнул он и схватил парня за плечи. — Мы знакомы с тобой всего ничего, но как твой наставник в Лоу Цзя, я дам тебе ценный

совет: всегда следи за языком, когда рядом эта девка! — Юн Лулянь молчал, Суншу Ичань уже угрюмо продолжил: — Я не шучу, Юн Лулянь! Понимаю, что она очень симпатичная, обходительная и красноречивая. Немного странноватая. Но, как по мне, вся её светлость и тепло — лишь лживая маска, за которой скрывается бог знает что.

— Почему ты так решил? — уже смелее спросил Юн Лулянь.

Брови Суншу Ичаня опустились ещё ниже, и он не переставал хмуриться, смотря юноше прямо в глаза.

— Во-первых, я работаю во дворце Ван Ши дольше тебя, — привел он весомый аргумент уже спокойней. — Следовательно, многих людей я знаю лучше. Во-вторых, думаю, даже слепой бы понял по её поведению, что она себе на уме. И в-третьих, она, напоминая тебе, любимица императора! Пусть и его слуга, а не чиновник или министр, но власти и авторитет у неё больше, чем у нас с тобой. А дурной репутации еще больше! Знал бы ты, сколько начинающих слуг и других вышвырнули из дворцатолько потому, что они ей чем-то не угодили, — закончил он с гнетущей злобой.

Похоже, что у этих двоих была долгая история взаимоотношений. Возможноли, что сам Суншу Ичань или кто-то из его здешних знакомых пострадал из-за капризов Чоу Юэсяо?

Но теперь для Юн Луляня многое встало на места. Вот она и причина, почему все так робели и опасались Чоу Юэсяо,

стараясь сбежать от её внимания, а не пререкаться.

Вот только Юн Лулянь тут же и запутался. Лично ему Чоу Юэсяо не показалась таким исчадием, идущим по головам всех, кого не лень. Девушка эксцентричная, болтливая, ну и, конечно, благодаря опеке Смертного Дракона выросла избалованной и требовательной. Какой еще тут станешь, если сам Император Всемирия за тебя глотки кому угодно порвет? Удивительно, как он вообще её не удочерил.

Заметив его замешательство, Суншу Ичань прикрыл глаза, расслабил морщины и облегченно вздохнул, отпуская плечи Юн Луляня.

— Ладно. Ты только сегодня приехал, потому не буду тебя нагружать, — с пониманием сказал он и зашагал дальше по коридору. Юн Лулянь засеменил за ним. — Время всё на свои места поставит. Поживешь здесь, сразу поймёшь, кто и что из себя представляет. А раз я твой наставник, то спрашивай у меня, — бойко улыбнулся он, указав на себя большим пальцем. Юн Лулянь сам слабо растянул губы. — Ах да! — неожиданно осекся Суншу Ичань, остановившись. Он снова повернулся к Юн Луляню, когда они дошли до широкой лестницы на второй этаж. — Скажи. Ты уже видел сад императора Сюэ Люшу?

— Сюэ Люшу? — переспросил он и, не долго думая, покачал головой. — Нет. Мы с Чоу Юэсяо случайно наткнулись на сад императрицы Цзинчжи. В другие сады мы не заходили.

— Ясно, — со странной интонацией сказал Суншу Ичань, отведя темный взгляд в сторону. — Хотя забудь, — попросил он, пожав плечами уже без былой скрытности. — В этот сад только император У Ливэй и его сыновья У Вэйцзе и У Чжэньси имеют право ходить и выходить, когда заблагорассудится. У других должно быть разрешение. В противном случае за проникновение в Сюэ Люшу могут казнить.

— Казнить?! — вскрикнул Юн Лулянь, застыв на месте. — За что?! Только потому, что придешь в какой-то сад...

— Тихо ты! — быстро прикрыл ему рот взволнованный и рассерженный Суншу Ичань. — За такие слова тоже получить можно так, что мало не покажется! В отличие от собственности императрицы и других садов дворца, Сюэ Люшу — личное место Его Высочества У Ливэя. Раньше этот сад принадлежал его первой жене У Шуйцзин, где она выращивала множество редких растений. Но после её смерти император отдал приказ, чтобы там его жену и похоронили. Так что по факту это одна огромная могила, а не сад. Вот потому всем, кто не является членами императорской семьи, строго-настрого запрещено даже подходить к этому месту. Теперь понятно? — спросил он, убирая руки, чтобы Юн Лулянь смог дышать.

Мрачность так ещё и не сошла с лица Суншу Ичаня, когда он начал оглядываться по сторонам.

— Про это место и говорить нельзя? — полушепотом поинтересовался Юн Лулянь.

— Не то чтобы нельзя, — хмуро начал Суншу Ичань, все еще оглядывая коридор и лестницу. — Но в таком месте никогда не знаешь, кто и что услышит. А если ты кому-то чем-то неприятен, твои уже переделанные слова донесут кому не надо, — переставая, наконец, осматриваться, он скрестил руки на груди. — В любом случае, первое, что ты должен уметь в Лоу Цзя, если не хочешь неприятностей, — это меньше говорить и больше слушать, — строго напутствовал юноша. — И запомни! — насупился Суншу Ичань. — В тот сад ни ногой! Ты меня понял?

— Хорошо, — вяло кивнул и выдохнул Юн Лулянь, ощутив, что его новый знакомый ни разу не шутит.

Удостоверившись, что его поняли, Суншу Ичань в миг отринул всю эту мрачность и тревожность, после чего потянулся, зевнув, сказав, что на сегодня у него работы нет, а потому он сможет уделить все это свободное время Юн Луляню.

А сам Юн Лулянь, спустя время, получив новую одежду, с наслаждением нежился в купальне и, зная, что на Всемирия опустились теплые летние сумерки, был, наконец, рад тому, что этот долгий день подошел к концу.

Примечания:

1. Значение Лоу Цзя:

Ыи [лоу] — здание; дом

жиà [цзя] — слуга; прислуга

2. Летящей ласточкой, что рыбу заставит утонуть, а лету-

чего гуся — упасть.

Летающая ласточка — неофициальное описание императрицы Чжао Фэйянь.

Рыбу заставит утонуть, а летящего гуся — упасть — это предания о четырех красавицах. С ними ассоциируются идиомы «затмит луну и посрамит цветы» и «рыбу заставит утонуть, а летящего гуся — упасть».

3. Сюэ Люшу переводиться как Снежная Ива.

xiě [сюэ] — снег; снежный, снеговой; заснеженный так же имеет значения:

— вытирать, очищать, стирать

liǔshù [люшу] — ива

Глава 11 - Теплая ночь

— Всё-таки не нравится мне это! — громко пожаловался Цайфу Чу, завалившись на диван с полным кубком вина. Откинувшись на его спину, он устало выдохнул, закинув ногу за ногу. — Ливэй. Тебе не кажется это самому странным? — лениво поинтересовался он, приоткрыв один глаз и покосившись на сидевшего рядом императора.

Одетый в легкие просторные светлые исписанные халаты У Ливэй с распущенными волосами, похожими на звездный ночной шелк, что так прекрасно считался с его умиротворенным светлым лицом, лишь как-то неоднозначно промычал, покрутил свой бокал с бордовым вином, при этом глядя куда-то в пустоту, подперев щеку рукой, думая о своем.

— Что же вас вновь не устраивает, генерал? — легко и любезно спросил Шимин Байинь, занимающий место на стуле рядом с ними. Он сделал очень кроткий глоток и непридуманно улыбнулся. — Вы были таким напряженным с тех пор, как нам пришлось вести переговоры с посланниками из королевства Бэй Мошуцзя, — тонко подметил он, и Цайфу Чу, подняв голову, нахмурился, глядя прямо на Шимин Байиня. — Не нужно на меня так грозно смотреть, — смущенно попросил он, сделал кокетливый жест, отчего жилки на лбу генерала запульсировали отчетливей. — Я стесняюсь!

— Шимин Байинь! — мстительно прорычал Цайфу Чу, сжимая кубок так, что у того, скорее всего, появились вмятины.

Стройный болезненный мужчина в белых одеждах засмелся, пока слушал бранить своего сурового товарища. Они втроем сидели на просторном балконе, соединенном с опочивальней самого императора. На столе стоял только фарфоровый кувшин с дорогим вином «Послание рассвета», которое могли себе позволить исключительно знатные особы.

Во Семирии стояла приятная тихая и теплая ночь. Сумерки почти слились с темнотой, отчего на горизонте тонкой линией едва догорала блеклая желтизна, над которой преобладал темно-индиговым, а потом и чернота со всеми видами созвездий.

По старинным обычаям семьи У только евнухи, жена и наложницы могут посещать спальню императора, однако У Ливэй избавился от этого «закона» и позволял всем его родным и близким приходить к нему, если сочтут нужным, в любое время.

А Шимин Байинь и Цайфу Чу имели на это право еще с тех пор, как первый стал его личным слугой, а второй — лучшим другом по шалостям и играм в детстве.

С тех пор как они были детьми, то были неразлучны, как чистые горные воды. То же самое было и в юности, а после и в их наступающей зрелости. Если бы не они, У Ливэй никогда бы не смог занять этот трон и уж тем более не продвинулся

бы по уничтожению небожителей и богов.

И если уж эти сущности, которых он презирал и ненавидел всем своим сердцем, и впрямь пишут людские судьбы, то за встречу с его Нефритовыми Братьями — это единственное, за что У Ливэй был искренне благодарен. Пусть этого никогда и не признает.

Эти двое всегда шумели и пререкались за все, что только можно и нельзя. У Ливэй настолько привык к этому, что пусть и порой раздраженный, но без их ругани жизнь ему казалась не той.

— Так что тебя там смущает, Цайфу Чу? — как всегда с холодностью спросил У Ливэй, отрываясь от своих мыслей. Оба Нефритовых Брата тут же замолкают и быстро обращают внимание на императора. Пригубив край кубка, У Ливэй сделал свой первый за сегодня глоток и чуть поморщился, ощутив терпкий, сладковатый вкус во рту. — Я слышал от своих людей, что на востоке и юге сейчас не так спокойно, как кажется, — сказал он без особого интереса. — Но с тех пор как пало восточное королевство Дун Юнши и южное Нань Гун, я не вижу там особой угрозы лично для нас.

— Ливэй, после Трехсторонней войны у нас были потери в плане ресурсов и людей, — начал Цайфу Чу. — Знаю, с тех пор как ты уничтожил все три королевства, прошло достаточно времени, но ни одна война, даже самая короткая, не остается без шрамов.

— Не говоря уже о том, что северное Бэй Мошущзя жалу-

ется на то, что им не хватает земель, чтобы прокормиться, — рассудительно, без шутливости поддержал Шимин Байинь. — Их народ буквально стонет, что погода стала еще суровой, а зимы длиннее и холоднее. У них просто нет возможностей что-то выращивать. Добыча мяса становится делом трудным, учитывая, что животные стали эмигрировать. Реки и озера замерзают, что делает и рыболовство крайне недоступным.

Выслушав это, У Ливэй ехидно ухмыльнулся, вновь заглядывая в кубок на свое отражение в вине.

— Север всегда был жестоким местом. Еще до рождения моих праотцев, — сказал он в полной неподвижности. — Если вспомнить, то Всемирие раньше было одной ледяной пустыней. И ничего. Выживали же как-то, не жаловались.

Цайфу Чу на высказывание императора одобрительно кивнул, в то время как Шимин Байинь напряг закрыл глаза и опустил голову, явно задумавшись.

— Но их можно понять, — проговорил он и обратился к императору. — Ваше Высочество, у меня есть предложение. — Цайфу Чу и У Ливэй одновременно посмотрели на него. — Почему бы нам не отдать им земли на северо-востоке? Нами они не используются, а там полно необработанных земель, лесов и рек. — Будучи слепым, Шимин Байинь не видел, как потемнел генерал, а император прикрыл глаза, выдохнув носом. Очевидно, оба недовольны, однако слепец продолжил все так же уверенно: — Если они обустроятся на этих землях, это только поможет наладить нам торговлю и

также уладить нарастающие конфликты за ресурсы.

— Конфликты? — фыркнул Цайфу Чу. — А они не забыли, часом, что эта НАША армия стерла с лица земли южное, западное и восточное королевства? Думают, что раз в то время были ни при чем, то и их это стороной может обойти?

Повисло молчание, которое быстро нарушил твердый голос Шимин Байиня.

— Генерал, вы недавно сами говорили, что война не выход и что она оставляет последствия, — напомнил он первому с гневными нотками. — То, что три королевства пали, это уже огромная проблема! Конечно, войну начали не мы, но и наши силы с ней и покончили. Само собой, Бэй Мошущзя могут выставить нам требования, вот только я уверен, что они понимают: если до этого дойдет, у них и шанса против нас не будет.

— А что в этом плохого? — усмехнулся Цайфу Чу без намека на милосердие к речи друга.

Шимин Байинь помрачнел и поджал губы. Было видно, что он хотел закричать, но силой воли удержал весь пыл и с терпением отнесся к невежеству Цайфу Чу.

— Лично мне бы хотелось решить все вопросы мирно, — сказал он решительно и возмущенно. — Что вообще хорошего в войнах? Ваша кровожадность не знает себе равных, генерал, — осуждающе бросив это, он сделал быстрый глоток, отворотив лицо.

— Чего? — сердито протянул Цайфу Чу. А потом на-

плевательски вытянул уголок рта, продолжая ехидничать. — Ха! Да ты ничем не лучше меня. Сколько заклинателей потвоему лишились голов, сгнили в тюрьмах или находятся в ссылке на самых окраинах? Когда началась реконструкция, ТЫ был ответственен за все кланы заклинателей и их деятельность. Именно ты ставил палки в колеса тем, кто не принимал новейшие устои, — трезво изрекал он, указывая пальцем на Шимин Байиня, посеревшего и сконфуженного. Было видно, как его пробивает слабая дрожь. — Я военный, а не политик. И на моей совести тоже немало загубленных ни за что душ, — прямо признал Цайфу Чу, вот только раскаянья в его речи не было совсем, только решительный расчет и принятие. — Я ни о чем не жалею! Ясно?! — крикнул он, с силой поставив кубок на стол. Шимин Байинь дернулся, скрипя зубами. — Мирное решение говоришь? Да не бывать этому! Уже забыл, из-за чего...

— Хватит! — в ночном воздухе, словно ледяное копьё, прогремел яростный крик, и все стихло. Сверчки, ночные птицы, сами звезды замерли. Дернувшись, Шимин Байинь и Цайфу Чу бросили взволнованные взоры на рассерженного У Ливэя. — Ваши споры об этом уже ничего не поменяют! Королевства в руинах, земли брошены, не наша война стерла их по нашей прихоти. А причина... — император замолчал, плотно сжав губы, и горло его напряглось от тяжести, что была в душе. — Просто... Просто проявите уважение к Юнь Шаньцзюэ, — попросил он, скорбно прикрыв лицо ладонью.

Услышав это имя, Шимин Байинь и Цайфу Чу также склонили погрузневшие головы, не проронив ни слова.

Юнь Шаньцюэ был Нефритовым Братом и давним учителем неугомонной озорной троицы, следственно, старше их всех. Когда ему было всего семнадцать лет, его приняли во дворец как многообещающего ученого, в основном из-за старшего брата, что был самым талантливым математиком, разбирающимся также в медицине в те времена.

Его младший брат, Юнь Шаньцюэ, также не родился обделенным в плане ума, и вместе с братом они стояли на золотых высотах среди многих ученых. Однако Юнь Шаньцюэ не интересовался своим продвижением или какими-либо важными достижениями для дальнейшей карьеры в этих областях. Больше всего его тянуло к обучению кого-то. О чем он выговорился старшему брату.

Брат, конечно, был немного раздосадован, но младшего поддержал и даже больше, переговорил со своим наставником, а тот, в свою очередь, знал, к кому идти и что просить.

Разумеется, о том, как умен и одарен Юнь Шаньцюэ, знал императорский двор, и потому ему доверили обучать шестого принца У Ливэя, являющегося еще на тот момент неприметным трудным ребенком наложницы, которому сулили никогда не догнать своих братьев. Так вдобавок, помимо никому не нужного принца, к молодому наставнику приставили еще и слугу-калеку принца У Ливэя. Шимин Байинь, выгнанный из родного дома за то, что родился слепым, всегда

был рядом со своим господином, а потому У Ливэю сказал, что если будут учить его, то и его верный друг будет проходить через то же самое.

После этого многие подтрунивали над Юнь Шаньцюэ за его спиной. Оно и неудивительно. Обучай он хотя бы ребенка законной жены императрицы, никто ничего бы не сказал. Вот только сын душевнобольной простолюдинки-наложницы и слепой неряшливый мальчик-слуга стали для него неотмываемым пятном на репутации. И все, кто завидовали черной завистью, не могли удержаться от ликования над позором ныне когда-то расхваленного, подающего звездные надежды ученого.

Однако Юнь Шаньцюэ вовсе не был опечален случившимся. Наоборот, он был несказанно рад, что ему достались такие ученики. Ведь, с его же слов, он предрекал У Ливэю и Шимин Байиню великое будущее. Говорил, что в них скрыт просто немеренный потенциал, а потому он приложит все силы, чтобы огранить их таланты как учитель.

Как наставник Юнь Шаньцюэ был добрым, но строгим, хвалил за труд и неслабо бранился, если ученики бездельничали. А когда к нему привели первого сына самого императорского генерала Цайфу Чу, вот тогда-то Юнь Шаньцюэ и позабыл, что такое тишина и покой. Потому что его ученики были теми еще проказниками. Все трое. За все проказы приходилось отчитываться именно Юнь Шаньцюэ, а после получали сами негодники.

Так они и взросли под предводительством человека, которого боготворили и любили всем сердцем. Юнь Шаньцюэ не переставал опекать их, даже когда все трое уже занимали высокие посты.

У Ливэй, став императором, сделал Юнь Шаньцюэ на пару с Цайфу Чу и Шимин Байинем своим нефритовым братом, и тот с великой благодарностью принял роль советника.

Однако во время войны с западным царством Си Сюэжэнь, когда столица Ии Мин откликнулась на зов пострадавшей стороны, восточного королевства Дун Юнши, с Юнь Шаньцюэ случилась истинная трагедия, которую никто из них, в особенности У Ливэй, не то что не забыл. Он не простит это до конца своих дней.

В траурном молчании с опущенными глазами У Ливэй тяжело вздохнул, ставя кубок на стол. Цайфу Чу угрюмо рассматривал свой, а Шимин Байинь предложил императору налить ещё. Тот не возражал, пальцами пододвинув кубок.

С легкой улыбкой Шимин Байинь взял в руки кувшин и только стал наливать, как двери, ведущие на короткий балкон, что был соединен с покоем, резко раскрылись, стукнувшись о стены.

Торопливые шаги ни одной пары ног стремились прямо к ним. По мере этого слышались взволнованные голоса девушек:

— Госпожа! Прошу вас, остановитесь!

— Мы не можем входить в опочевальню императора без

разрешения!

Шимин Байинь растерял улыбку, дернулся с кувшином в руках, поворачивая голову в сторону звука. Цайфу Чу, перестав смотреть на своё отражение в вине, скривил рот и цыкнул, покосив глаза за спину. Один только У Ливэй в расслабленности прикрыл глаза, приподняв голову.

— Надо же. Надо же, — ехидно протянул Цайфу Чу, повернул голову назад. Взгляд его при виде прибывших лишь ожесточился. — Оказывается, память императрицы не такая уж и куриная, раз она помнит, что у неё муж есть.

— Прекращай! — шикнул Шимин Байинь и незаметно пнул того своей ногой по коленке генерала.

Цайфу Чу и бровью не повел на эту выходку. Лишь отвернулся и, расслабив плечи, сделал глоток, проговорив:

— А что такого? — вольготно поинтересовался он. — Недаром ведь говорят, что лучше нанести гостю оскорбление, чем оставить его голодным.

Эти двое снова начали пререкаться между собой. У Ливэй поставил бокал, так и не отпив.

— Что случилось, У Хуньюй? — вежливо спросил он у своей супруги. — К чему такая спешка?

Две служанки не решались подойти к своей тяжело дышавшей госпоже. Запыхавшаяся, она чуть сторбилась, не спуская ядовито-желтых змеиных глаз со своего мужа. Прическа выбилась, и отдельные белоснежные локоны, словно ленты, свисали, опираясь на небольшие рога. Дорогущее и

красивое ханьфу, которое могла себе позволить лишь женщина знатного происхождения, было растрёпано.

Одним словом, вид для императрицы Всемирия совсем не подходящий.

Встряхнув рукавами, У Хуньюй выпрямила спину, выровняла дыхание и объявила твёрдым, не терпящим возражения голосом:

— Я требую аудиенции со своим мужем. Мне нужно, чтобы все оставили нас наедине. Сейчас же!

Император по-прежнему молчал. Шимин Байинь обратился к нему взволнованное лицо, а Цайфу Чу хмыкнул.

— У нас вообще-то тут важные политические разговоры, — дерзко бросил он, поднимаясь на ноги.

У Хуньюй нахмурила белоснежные ухоженные брови, смотря на Цайфу Чу так же бесстрашно и с держаным гневом.

— Свои политические разговоры вы можете оставить и на завтра, генерал, — У Хуньюй сделала шаг вперёд. — У моего мужа есть дела и по важнее вашей политики. По крайней мере сейчас.

Цайфу Чу упёр руки в бока, вызывающе ухмыльнулся.

— Поважнее, говоришь? У Хуньюй, ты в кои-то веки решила вспомнить, что ты часть этой семьи? — злорадствовал генерал, не обращая внимания на шиканье Шимин Байиня.

— Да как вы смеете! — взвизгнула одна из служанок, размахивая рукавами.

— Вот именно, — заговорила вторая. — Пусть вы и генерал всей армии, перед вами сама императрица! У вас нет ни малейшего...

— Да какая она императрица? — захихикал Цайфу Чу, перебивая девушку. — Сидит целыми днями то в саду, то во дворце. От неё никакого проку.

— Г-госпожа, — неуверенно проговорила служанка. — Тяжело больна. Вы сами это знаете.

— У Шуйцзин тоже была слаба здоровьем, — громче и суровее напомнил он, отчего девушки затравленно отошли назад. — Однако она и с делами помогала, и детей родить смогла. Чего ты, — с пылающей ненавистью его глаза вгрызлись в женщину, — за целых четыре года так и не...

— Довольно, Цайфу Чу, — невозмутимо потребовал У Ливэй, поднимая ладонь для призыва тишины. Все в смятении уставились на императора, он всё так же безколебимо продолжил: — Ты и Шимин Байинь можете идти, — отмахнулся он. — Сегодня был тяжёлый день. Вы оба устали, а потому лучше отдохните, — Шимин Байинь едва рот прикрыл, поднимаясь, как У Ливэй его перебил: — Остальное обсудим завтра.

Нефритовые братья переглянулись. Цайфу Чу был всё так же возмущён, а Шимин Байинь пожал плечами, но первым сложил руки и поклонился. Пожелав императору приятного сна, он плавными бесшумными движениями последовал словам императора.

Генерал развёл руки, но У Ливэй помрачнев дёрнул головой в сторону. С явной неохотой и раздражением Цайфу Чу сделал тот же жест, только более небрежно, и последовал за своим братом.

Обходя У Хуньюй, он оскалился, бросив на неё злобный косой взгляд, однако так ничего и не сказал.

Служанки У Хуньюй с опаской заозирались на крупного высокого мужчину в доспехах, и когда оба Нефритовых Брата ушли, У Хуньюй, не поворачиваясь к девушкам, отдала приказ:

— Вы тоже идите.

— Как прикажете, госпожа, — поклонились девушки и одновременно вышли, закрыв за собой двери.

Остаток сумерек на горизонте уже полностью растворился, и звёзды незаметно засверкали плотными строями. Где-то в прудах плескались карпы, а в садах трещали сверчки.

Поправив одежду и волосы, У Хуньюй с гордым видом дошла до мирно сидящего мужа и села с ним рядом.

— Не злись на Цайфу Чу, — попросил У Ливэй, потянувшись за кубком вина. — Он и при мне порой за языком не следит, а с другими и подавно.

— И ты спокойно ему это позволяешь? — на эмоциях спросила У Хуньюй.

У Ливэй отпил из кубка вина и только горько заулыбался. Он знал, что жена не переносит даже самый лёгкий алкоголь, потому и не предлагал.

— Так зачем ты пришла ко мне так поздно? — вопросом на вопрос ответил У Ливэй, по-прежнему не глядя на жену. Вместо этого он поднял голову к небесам. А вот У Хуньюй косилась на него и явно была недовольна. — У тебя в последнее время часто лихорадка по ночам. Не лучше ли...

— Сколько ещё будет продолжаться эта мнимая забота? — уже жёстче спросила она, сжимая пальцы в кулаки.

— Она не мнимая, — сразу же ответил У Ливэй куда прохладней, чем до этого.

Император понимал, что русло разговора уже идет не в самую благоприятную сторону.

— Я устала от того, что твои приближенные так со мной обращаются, — зашипела она, сжимая ткань платья. Её всю трясло, а на красивом лице ярко отразился гнев. Змеиные глаза горели ярче звезд.

— Начнем с того, что ты сама позволяешь так с собой разговаривать, — наперерез невозмутимо ответил У Ливэй. У Хуньюй замерла, поджала губы, выражая сильное оскорбление словами мужа, однако молчала. — Став императрицей, ты несешь ту же долю власти, что и я. Если не можешь вызвать уважение у подданных, то тут только твоя заслуга. Я не могу тебя вечно выгораживать, знаешь ли.

— Зато ту девку опекаешь чрезмерно, — пробурчала У Хуньюй.

Глаза императора на миг расширились. Он с удивлением посмотрел на свою мрачную жену, а потом тихо рассмеялся.

— Ты про Чоу Юэсяо? Что? Опять повздорили сегодня?

У Хуньюй бросила на мужа колкий взгляд, но потом так же быстро отвернулась. У Ливэй, выдавая свою редкую, однако от этого еще более прекрасную улыбку, продолжил:

— Она мне уже «пожаловалась», если это так можно назвать. Честное слово, — покачал он головой. — Почему вы обе не можете просто поладить? Четыре года уже живете под одной крышей.

— Потому что твоя подопечная, — сварливо начала У Хуньюй. — Вечно сравнивает меня с твоей покойной женой!

— С У Хуйцзин, значит? — едва слышно проговорил У Ливэй, припустив голову.

Услышав, как нежно и тоскливо он произнес это имя, У Хуньюй резче, чем рассчитывала, развернулась к императору. Тот смотрел на кубок с вином, мягкая улыбка, полная печали, а в глазах то тепло, с которым её муж никогда не смотрел на неё.

У Хуньюй вновь закусила губу, на сей раз до крови, и сильнее вцепилась пальцами в платье. Так что могла без труда его разорвать, если бы хотела.

И впрямь. Прошло уже четыре года с того дня, как она была выбрана самим Императором Всемирия в качестве главной жены. После смерти Лань Хуйцзин у Смертного Дракона было много кандидаток на эту роль. Но выбрал он её. И она была невероятно счастлива, когда узнала об этом.

Несмотря на её болезнь и то, что она родом не из столь

важной для императора семьи, никак не отразилось на его решении взять её в жены. Само собой, многие приближенные советники были яростно против. Они и так были недовольны тем, что прошлая императрица была слаба здоровьем, да и родить смогла всего двух сыновей. А теперь император ещё и такое недочеловека хочет принять в семью? Не слыхано!

У Хуньюй помнит, какой конфликт разгорелся на этой почве. Однако император никого не слушал. При этом не говоря, почему из всех здоровых, красивых и более достойных девушек он выбрал её.

Из-за этого У Хуньюй много раз до свадьбы пытались и подкупить, и отравить, и даже убить, лишь бы она не мешала. Конечно, делали это все чиновники и высшие служители императорского дворца. И дело было не только в их желании улучшить семейное положение самого Императора Всемирия, но также в корыстной цели продвинуть себя.

У многих были дочери, племянницы либо внучки, которые, став хоть женой, хоть наложницей, кардинально улучшили бы свое семейное состояние.

Тогда теплым весенним днем Смертный Дракон сам лично пришел в её родное поместье. Служанки сказали, что её отец велел спускаться, ибо у них важный гость.

Она без особого желания оделась и вышла из комнаты, думая, что это очередной жених. Как же она обомлела и едва не лишилась чувств, когда за столом увидела Императора

в сопровождении его Нефритовых братьев Цайфу Чу и Шимин Байиня.

Отец ворковал над ними как только мог. Слуги принесли самую лучшую еду и алкоголь. Шимин Байинь в белых одеждах без особого шарма почти как простолюдин с закрытыми глазами подтрунивал над сидевшим рядом генералом, который нос воротил от всего. При этом жалуясь, что алкоголь ему пить нельзя, в то время как Шимин Байинь наглядно отпивал и хвалил приятный вкус.

Император молчал и вяло перекусывал, казалось, просто для того, чтобы высказать уважение за прием. Когда он поднял голову, их взгляды пересеклись. У Хуньюй задрожала от того холода и безразличия, с коим он на неё смотрел.

После У Ливэй сразу предложил им вдвоем прогуляться по саду под предлогом серьезного разговора, и тогда он открыто спросил, не хочет ли она стать его женой.

Тогда она, задыхаясь от волнения и почти ничего не слыша, упала на землю, не соображая. Помнит только, как уже лежала в кровати, щеки, шея горели, а У Ливэй сидел рядом, статный и невероятно красивый.

Видя, что ей нездоровиться, он оставил свой подарок — золотую шпильку для волос с цветком орхидеи, сделанным из драгоценных камней, рядом с кроватью, а сам ушел, пообещав, что придет за ответом через три дня.

Пока он уходил к своим братьям, что ждали его, У Хуньюй смогла сесть и, прижимая к сердцу столь чудесный подарок,

готова была и плакать, и смеяться.

У Хуньюй любила У Ливэя. Любила с тех пор, как была девочкой, посетившей императорский двор вместе с братом и отцом. Тогда он был всего лишь шестым сыном безымянной наложницы, на которого никто не обращал внимания. Пройдя мимо вместе со слепым слугой, он лишь коротко поздоровался с её семьей и ушёл, не оборачиваясь, держа стопку книг в руках.

Впервые, как увидела его стойкость, не присущую другим взбалмошным мальчишкам, она не могла перестать смотреть. У Хуньюй специально напрашивалась с отцом, а потом сбегала лишь бы увидеть его. Каждый раз, видя, как он сосредоточено читал, обсуждал серьезные темы или просто ел, её сердце словно с ума сходило.

Она и не мечтала быть с ним. Хватало лишь наблюдать издалека. Однако после той трагедии во дворце, когда У Ливэй остался единственным наследником великой династии, он в жизни бы не обратил свое внимания на такую, как она.

Да, её мечта сбылась, и она была счастлива, когда стала его женой. Вот только всё быстро разрушилось. Не прошло и года, как У Хуньюй была вынуждена столкнуться с правдой, о которой не подозревала, будучи ослепленной любовью и радостью.

Покойная жена императора У Шуйцзин уже оставила свой след во дворце, и, став его частью, У Хуньюй к величайшему огорчению поняла, что требованиям она не соответствует.

Слуги, несмотря на видимый почет, за её спиной часто говорили, какая она ужасная из-за последствий её болезни. Чиновники часто сравнивали У Хуньюй с покойной женой императора, неустанно критикуя, что нынешняя императрица и близко не дотягивает до прошлой. Даже евнухи не желали с ней сотрудничать, а только сплетни распускали.

Но самое болезненное было полное равнодушие мужа. Сразу после церемонии бракосочетания У Ливэй, вместо того чтобы разделить с ней любовь в их первую брачную ночь, сказал У Хуньюй, что после смерти своей первой жены он не может спать с ней как с женщиной.

И вместо того чтобы хоть как-то утешить её, он попросил, чтобы она никому ничего не говорила об этом, и просто лег спать, пока она, пораженная, стояла не в силах говорить.

Так и не заснув всю ночь, У Хуньюй уверила себя, что патология мужа не так уж и страшна. Если он полюбит её, она сможет залечить все его душевные раны, и тогда заживут как настоящая семья.

Но сколько бы она ни пыталась, всё было бесполезно. Муж сутками напролет занимался лишь работой, а иногда на месяцы уезжал из столицы. Они говорили, проводили вместе время, но У Ливэй всегда держал её на расстоянии вытянутой руки.

Нефритовые братья в лучшем случае были к ней безразличны. Она слышала, что У Шуйцзин любил весь дворец и что она была в хороших отношениях со всеми нефритовыми

братьями.

Шимин Байинь был вежливым, но никогда не пытался с ней особо разговаривать, в то время как генерал Цайфу Чу, не боясь её положения, открыто грубил, насмехался и высмеивал. А её муж ничего им за это не делал.

Угли в этот нарастающий огонь гнева и злости подкидывали ещё и дети, рожденные от покойной императрицы. Наследный принц У Вэйцзе и его младший брат У Чжэньси не принимали свою мачеху.

Признаться, она и сама была к ним не шибко расположенной, но эти дети открыто выказывали ей свою неприязнь. Старший сын то и дело наговаривал, а младший открыто поливал грязью.

Когда она пыталась с ними говорить, они либо отмалчивались, бросая на неё косые злобные взгляды, либо кричали, что она им не мать и что у неё нет права их поучать.

И так получилось, что к своему ужасу У Хуньюй осознала, что во дворце она осталась совершенно одна. Хотя нет. Она изначально была брошена.

Отец с братом как-то приехали к императору в гости, и её брат, узнав, что за два года она так и не смогла ни зачать, ни родить ребенка, стал смеяться над ней пуще прежнего.

— Ты не только больная проклятьем змеи, но еще и как женщина просто ничто! Seriously! Почему Смертный Дракон взял такое уродство, как ты, в жены? В самом деле. Ничтожной змее никогда не сравниться с великим драконом.

Из неприятных мыслей её вывел умиротворенный голос мужа:

— Это всё, что ты хотела мне сказать? — спросил он, смотря на небо, где пару раз упали звезды.

Взяв себя в руки, У Хуньюй поняла, что забылась в прошлом, и, выпрямив спину, убирая с лица обиду, ответила властно и четко:

— Не только это. Во дворце ходит неприятный слух, что ты принял на службу сына одного из богопоклонников.

— И что с того? — безразлично выдал У Ливэй.

Гнев У Хуньюй возродился с новой силой. Она дернулась так, что платью зашуршало, демонические глаза воззрились на профиль императора, а сама она оскалилась.

— Что с того?! Во дворец берут тщательно проверенных и надежных людей. Это не какой-то столичный бордель! Отбор в Ван Ши очень жесток. А ты принял к нам безыродного мальчишку, так еще и сына твоего врага!

У Ливэй нахмурился, когда его жена после гневной тирады часто задышала. Шимин Байинь тоже ему что-то подобное говорил, однако не был таким противником его решения. Вот кто больше всех буянил, так это Цайфу Чу. Кричал он, правда, и возмущался громче, чем У Хуньюй.

Не то чтобы У Ливэй не понимал столь резкой причины их злости. Он даже в какой-то степени это оправдывал. Он и впрямь повел себя неразумно, допустив мальчишку ко дворцу. И оставалось гадать, он стал таким добрым из-за желаний

замолить прошлые грехи или душевный недуг уже окончательно его разрушает, несмотря на лекарства?

— Я не то чтобы тебя поспешно обвиняю, — подала все такой же рассерженный голос У Хуньюй, не спуская глаз с мужа. — Но среди слуг, да и не только их, ходит ещё один странный слух.

— О? — приподнял брови У Ливэй, вяло усмехнувшись. — И какой же?

— Говорят, что ты знаешь этого мальчишку. И что вы с ним, — вертикальный зрачок сузился, У Хуньюй сощурилась. — Довольно близки. Потому он и попал сюда так легко.

Император посмеялся над её словами от всей души, к изумлению императрицы.

— К чему такие скрытые фразы? Прямо так и говори, что все молвят, что мы любовники! — открыто попросил он и подмигнул.

У Хуньюй сморщилась от такого ответа. Ревность, что до этого была похожа на тлеющие угли в её сердце, разгорелась и заискрилась. Несмотря на все невзгоды, что ей приходилось терпеть, и по сей день она никогда не переставала любить У Ливэя.

Наоборот, совместная жизнь с ним сделала её чувства ещё сильнее. Пусть он и не спал с ней или был порой холоден, У Хуньюй понимала, что не может возненавидеть его.

На первый взгляд по ней не скажешь, но У Хуньюй была ужасно ревнива. Она убедительно этого не показывала, все-

гда стараясь быть собранной и тихой, вот только временами её эмоции не выдерживали, когда она видела своего в тесных контактах с кем-то или ей говорили, что Его Высочество Император в тайне проводит время с другими любовными интересами.

Умом она понимала, что это грязные слухи и что у её мужа есть право на общение с другими людьми. Но выносить саму мысль о том, что он делит душу и тело с другими, неважно, женщина это или мужчина, служа или кто-то из приближенных, было невыносимо мучительно.

— Ты, — начала было У Хуньюй, но запнулась от комка в горле. — Ты даже отрицать не станешь? — спросила она на одном дыхании, переполненная холодной яростью к тому парню из окраин.

Император только улыбался. В голове У Хуньюй уже начали зарождаться нехорошие мысли о том, как ей избавиться от этого рассадника, как У Ливэй посмотрел на неё играючи.

— И ты в самом деле в это поверила? — вопросительно приподнял он одну тонкую бровь. — Не понимаю, чего все из этого такой шум раздули. Да, он не из знатного рода и образования нет, но все же.

— Он ребенок богопоклонника! — настойчиво напомнила У Хуньюй. — Почему, зная это, ты...

— Потому что прислушался к твоим словам, — тут же ответил У Ливэй жене.

— Что?! — встрепенулась она, и её лицо вновь стало глад-

ким и светлым. Удивленно похлопав круглыми глазами, У Хуньюй совсем позабыла о разъедающей ревности. — А... Я... То есть! Эм, это... Как бы... — Она не могла никак сформулировать слова. Взяв себя в руки, У Хуньюй прокашлялась. — Ты прислушался... к моим словам? — Уже смущенно добавила она, кротко поглядывая на мужа.

— Да, — кивнул У Ливэй. — Ты же сама мне как-то сказала, что я не должен судить детей из-за грехов их родителей.

Скрестив пальцы в замок, У Хуньюй отвернулась и просидела так в молчании несколько минут, прежде чем вспомнить.

Она тогда была в его кабинете, и муж вскользь пожаловался ей на то, что в столицу незаконно проникают вырожденки тех, кого он согнал на окраины.

— От них спасу нету! — Ворчал он, читая документы. — Чертовы отребья, верующие, что небожители спустятся по их души.

— Знаешь, не нужно быть таким категоричным, — высказала свое мнение У Хуньюй, наливая ему зеленый чай. — Дети не обязаны отвечать за грехи родителей. Возможно, среди них есть достойные люди, способные в будущем помочь Всемирию.

Тогда У Ливэй ничего не сказал, однако задумался. У Хуньюй и не думала, что он и впрямь воспримет её слова всерьез. Особенно учитывая, как муж ненавидит богопоклонников за их веру в небожителей.

— Вот как, — Выдохнула У Хуньюй. — Я и забыла об этом. Но всё же! — Вновь воскликнула она, схватив У Ливэя за руку. — Принимать того юношу на службу аж в императорский дворец было рискованно! — Взволнованно вымолвила она. — Что, если он и впрямь не так прост, как кажется?

— Не переживай, — Мягко успокоил её У Ливэй, ставя кубок на место, и уже свободной рукой положил свою ладонь поверх руки жены. — Я не настолько наивен. За ним бдительно следят. Если он что-то затеет, вытворит, его тут же выгонят либо казнят на месте.

Услышав это, У Хуньюй значительно успокоилась, уняв трепет в груди. Она не доверяет тому юноше, а еще больше она не питает доверия к Чоу Юэсяо. Девчонка была слишком избалованной и взбалмошной, пусть пыталась такой не казаться. Мало ли что она может вытворить за спиной императора.

Всё, что волновало У Хуньюй, это благополучность её любимого мужа. Ничто более не достаивало её чувств и внимания.

— Ладно, — Проговорил У Ливэй, похлопав жену по тыльной стороне руки, и поднялся на ноги. Его одежды соскользнули следом, а черные гладкие волосы покачнулись на спине. — Тебе нужно поспать, — Обратился он к У Хуньюй, выразительно смотря на неё сверху вниз. — Завтра мне придется уехать из столицы по делам на неделю. Я устал и тоже лягу. У Хуньюй?

— А? Да! Конечно! — Она не могла отвести глаз от лица мужа, когда тот стоял напротив звездного ночного неба, а ветер аккуратно подымал его волосы. Белизна и статность его лица в этой тьме казалась еще более ослепительной. Стоило мужу окликнуть её, как она вся зарделась и поспешила отвести взгляд, стараясь побороть смущение. — Я встану завтра пораньше, чтобы проводить тебя.

У Ливэй на миг удивился, расширив глаза, но потом приподнял уголки губ, дернув плечами.

— Делай что хочешь, — Сказал он.

Почувствовав прилив сил из-за того, что муж не стал её отталкивать, У Хуньюй энергичней и в нетерпении продолжила:

— А ещё! Если нужно, я могу распорядиться насчет нужных тебе вещей.

— Этим уже занимается Шимин Байинь, — покачал головой император. — Но за предложение я благодарен.

— Тогда еще кое-что, — в неловкости проговорила У Хуньюй, приподняв подол платья и поднимаясь. — Я хотела узнать, насколько затянется твоя поездка.

У Ливэй задумчиво закатил глаза, а У Хуньюй не смело поглядывала на него с некой надеждой.

Про себя У Ливэй отметил, что свою вечно раздраженную, отчужденную и недовольную жену он такой видел нечасто, что и вызвало в нем интерес.

— Мы планировали покинуть столицу на неделю, но все

зависит от обстоятельств. Придется объездить восточную часть границ, — разъяснил император. — Однако, надеюсь, что это не затянется. Ведь через полмесяца мои мальчишки вернуться с тренировок. Я рад, что после всего Пик Шэхуэй сохранил с нами дружеские отношения, в отличие от остальных, — последнее высказывание У Ливэй было неприкрыто мрачным и озлобленным.

Обычно У Хуньюй не лезла в дела своего мужа, однако даже она знала, какая трагичная участь постигла всех совершенствующихся, когда Смертный дракон приказал искоренить их духовные учения, а сами секты сжечь.

Когда большая часть ему не подчинилась, он вместе со всей армией совершил ужасный кровавый самосуд, не жалея ни учеников, ни их учителей.

Те, кто согласились больше не практиковать свои ядра и древние науки заклинателей, были не тронуты, но сильно урезонины во всех своих действиях. И по факту от бессмертных заклинателей осталось лишь пустое слово.

— А к чему ты об этом спросила? — поинтересовался У Ливэй.

— Ну, ты же помнишь, что обещал съездить со мной в мое родное имение? — напомнила она, накручивая локон на палец. У Ливэй замер, а потом приоткрыл рот. Его молчание говорило само за себя. — Так и думала, что ты забыл, — не скрывая обиды, по-детски проворчала У Хуньюй.

— Я порой так зарабатываюсь, что пугаюсь человека, что

смотрит на меня из зеркала, — по всему признал вину У Ливэй. У Хуньюй его юмор не оценила, продолжая дуть губы. — Ну-ну! Я помню, что господин Шан приглашал нас. Твой старший брат скоро станет главой семьи. Слышал, ему уже и достойную невесту подобрали, чтобы статус подчеркнуть.

— Да. Ты же знаешь, что у моего брата, — она заговорила ровно, но отчего-то стыдливо припустила взгляд и закончила не так смело: — Немного... вспыльчивый нрав.

Брови У Ливэй упали, образовав морщину на переносице. — Знаю, — процедил он, особо не скрывая брезгливости. — Ты уж на меня не обижайся, но твой брат — то еще черепашьё яйцо! — У Хуньюй покорно склонила голову, таким образом признавая правоту мужа. — Будь моя воля, я бы вообще не ступил своей ногой в резиденцию семьи Шан! — гневно изрек он, однако потом выдохнул. — Однако, если мы не явимся, то твой братец только повод найдет к нам придрататься и будет действовать на нервы еще больше.

— Значит, — смялась У Хуньюй. — Мы поедем?

— Эхх. Придется, — с неохотой согласился император, разминая шею. — Но, думаю, время у нас подумать над этим еще есть. А сейчас пойдем, — он положил свои руки на плечи жены, от чего она вздрогнула. — Я провожу тебя до комнаты и проверю, чтобы тебе дали лекарство, — У Хуньюй заерзала и слабо сделала шаги вперед. Благо в темноте не было видно, как у нее горят уши. — И не спорь! — несерьезно прикрикнул У Ливэй. — Или снова хочешь пролежать в

постели несколько недель?

Они уже дошли до дверей, ведущих в коридоры из опочивальни императора, как У Хуньюй упрямо затормозила, застыв на месте. Не ожидавший такого сопротивления У Ливэй покачнулся вперед, а потом с непониманием посмотрел на затылок жены.

Та что-то слишком тихо промямлила, поднимая рукава. У Ливэй наклонил голову.

— У меня в последнее время сон плохо идет, — пожаловалась У Хуньюй, прикрывая пол-лица. — Я пью лекарства, но оно не сильно помогает.

— Тогда давай я попрошу лекаря удвоить дозу, — предложил У Ливэй.

Императрица быстро покачала головой.

— Вместо этого... Можешь лучше посидеть со мной, пока я не засну? — попросила она, еще ниже опуская голову от стыда.

Ей было ужасно неловко оттого, что она ведет себя как незрелая девушка, ведь сама стала императрицей и была обязана проявлять строгость и самоконтроль.

Вот только когда она рядом с мужчиной, к которому питала многолетнюю страсть, то совсем забывала, кем была в данный момент.

У Ливэй всё молчал, и она было решила, что он собирается отказать ей. Чтобы не позориться еще больше, У Хуньюй хотела извиниться и быстро выйти, но голос мужа заставил

её остолбенеть.

— Хорошо, — сказал У Ливэй с теплотой. У Хуньюй повернула голову и подняла на него рассеянный взгляд. Император заботливо улыбался. — Мне не в тягость. Когда я был ребенком, со мной никто не возился, даже когда я болел. Потому, если тебе так плохо, я посижу с тобой. Но только недолго! Мне самому нужно пораньше лечь.

— Спасибо, — от всей души поблагодарила его У Хуньюй, не скрывая счастливой улыбки.

Все-таки как бы неудачно ни складывалась её жизнь в этом дворце, пока с ней рядом тот, кого она любила больше всего, её не волновало ничто и никто.

Глава 12 - Новые неприятности

— Итак, Лао Ичань. Что конкретно от меня требуется? — вежливо спросил юноша, косо поглядывая на второго.

— Я, кажется, просил ко мне так не обращаться, — раздраженно напомнил второй, хмурясь, стоя рядом с первым плечом к плечу.

— Да ладно тебе! Прямо-таки нельзя? — посмеялся первый и несильно пхнул локтем в бок товарища.

— Это действует на нервы, — сдержанно прорычал он, закатив глаза.

— Ну раз так, — пробормотал юноша всё так же беззаботно и задумался. — О! Давай тогда я буду говорить «сюн». Ну как?

— Будь добр, воздержись, пожалуйста, — неутешительно попросил он.

— Тц! Тебе не угодишь, Лао Ичань!

— Юн Лулянь! Бери уже метёлку и берись за работу!

Бросив метлу Юн Луляню в руки, Суншу Ичань с важным видом зашагал вперед, пока первый с нарочито поникшим видом осмотрел предмет, а потом звучно пожаловался, нагоняя уходившего юношу:

— Так я изначально и спрашивал об этом. Эй! Лао Ичань, подожди меня!

Рано утром, едва на востоке поднялось солнце, Суншу

Ичань разбудил неподъемного Юн Луляня и сказал, что ему назначили работу. В Лоу Цзя было сущее безмолвие, так как слуги данного дома занимались исключительно дворцовой работой. Вставали они тоже рано, но не так, как сегодня потребовали от Юн Луляня.

Прошла неделя с тех пор, как он прибыл в главную столицу Всемирия Ии Мин, и Смертный Дракон разрешил ему остаться при дворце. Его удача, скорее всего, исчерпала себя на пять лет вперед, но зато он смог вырваться из нищеты окраин. Из минимальных плюсов этой жизни Юн Лулянь мог впервые за столько лет спокойно спать без страха быть ограбленным либо убитым во сне. А также ел нормальную еду, а не те помои, что выкидывали из публичных домов, или то, что удалось украсть.

Сказать, что Юн Лулянь был премного благодарен своему ненавистному папаше за такой подарок судьбы, ничего не сказать. Он даже поклонялся бы ему.

Одетый в простую, но хорошо сшитую темно-зеленую одежду слуги, подчеркивающую его худую фигуру, Юн Лулянь не жаловался на её сложность, когда мерил впервые. Волосы тоже пришлось укладывать по правилам Лоу Цзя. Также слугам этого дома выдавали специальные подвески на пояс с желтоватой кисточкой и зеленым нефритовым камнем в виде листьев бамбука.

Поначалу Юн Лулянь решил, что ему просто не повезло с аксессуаром (бамбук он не очень любил), но после вспомнил,

что видел у девушек, проходивших мимо Лоу Цзя, такую же подвеску, только она была бледно-розовой и с камнем в виде цветка сливы. Да и форма у них была точно такого же приятного нежного цвета.

После Суншу Ичань объяснил ему, что этот дом Лоу Цзя на территории дворца не единственный. Их аж целых четыре. И в каждом доме есть так называемый глава, который стоит выше обычных слуг. Он обязан следить за порядком, работой остальных, наказывать в случае нарушения, а также лично отчитывается перед императором.

Лоу Цзя, в который приняли Юн Луляня, стоит первым в их иерархии. Он считается самым престижным и универсальным из всех четырех. Так как символом его считается бамбук, то и полное название дома, как после ему сказал Суншу Ичань, это Чжу Лоу Цзя.

Вторым идет дом Ланьхуа Лоу Цзя, и их символом на подвесках, естественно, является орхидея. Слуги этого дома носили светло-фиолетовые одежды. И, насколько понял Юн Лулянь, глава этого дома был в конфликтных отношениях с главой их дома уже очень давно.

А всё потому, что Ланьхуа Лоу Цзя был когда-то на первых местах, но после его сместили, и теперь над ним стоит Чжу Лоу Цзя.

Причины Юн Лулянь не знал, как и сам Суншу Ичань. Говорили, что конфликт раздулся еще при прошлом императоре.

Третий — это Ли Лоу Цзя. Сам факт того, что на их территории полно сливовых деревьев, уже подчеркивает их название. Говорят, что слуги, носящие цветок сливы на поясе, одни из самых красивых и утонченных, что на них и евнухи засматриваются. И там больше слуг-девушек. В то время как другие дома поделены на корпусы. В одном мужская половина, на другой — женская.

Четвертый, самый молодой из домов, Цзюйхуа Лоу Цзя. Он не слышит ни славой, ни чем-то особенным. Это самый тихий и мирный из домов, который просто незаметно сосуществует с другими. Дом хризантемы был довольно красив, особенно во время цветения цветов.

Суншу Ичань случайно проговорился Юн Луляню, что его хотели изначально отправить именно туда. Однако Чоу Юэся по какой-то неведомой причине переделала приказ императора по-своему, и Юн Лулянь попал в один из лучших домов.

Ему стало как-то не по себе. И когда он спросил у Суншу Ичаня об этом, тот развел руками:

— Не знаю. Никогда не поймешь, что на уме у этой гадюки.

Изначально он был напуган тем, что его накажут, если узнают, что Чоу Юэся такое учудила, однако Суншу Ичань посоветовал ему не переживать. Ведь в конце концов это не он ослушался наказа императора, а его подчиненная.

Теперь он на пару с Суншу Ичанем, с которым хорошо,

на удивление, поладил за такой короткий срок, шли вдоль одной из многочисленных троп, уложенных белым камнем. Идя по ней, они шуршали опавшими листьями и лепестками деревьев, росших вдоль тропы.

В этой части дворца были практически одни сады и небольшие леса. Солнце еще слабо освещало мир, и её свет слабо тянулся по аллеям и дорогам.

— Вот отсюда, пожалуй, и начнешь, — сказал Суншу Ичань и резко остановился, из-за чего засмотревшийся на красоты природы Юн Лулянь врезался ему в спину. — Поаккуратней!

— А! Прости! — извинился Юн Лулянь, откачнувшись назад. — Отсюда, говоришь? Аааа, — энергичная улыбка медленно сползла с его лица, когда он присмотрелся к месту, на которое указал Суншу Ичань. — Эм... Лао Ичань, — настороженно позвал Юн Лулянь уже не так бодро.

— Что? — холодно спросил юноша так, словно уже понимал его причину падения духа.

— Ну... Ты точно уверен, что мне нужно ВСЁ это подмести? — вкрадчиво поинтересовался Юн Лулянь, поглядывая на друга с неуверенностью.

— Само собой, — фыркнул Суншу Ичень с гордым видом. — Эта дорога ведет ко многим садам, куда ходит отдыхать император либо другая знать дворца Ван Ши.

— А разве нет других дорог или развилки? — уже в отчаянии спросил Юн Лулянь.

— Полно, — спокойно признал Суншу Ичань, не глядя на вопросительное выражение лица Юн Луляня вперемешку с возмущением. — Но эту придется подметать. Таково твое задание. Хочешь ты или не хочешь! — упрямо заверил Суншу Ичань.

Юн Лулянь еще раз посмотрел на широкую дорогу перед собой, прищурился, понял, что конца её не видит. И даже красивая картина этого места не смогла его подбодрить, от чего он скис ещё больше.

— Лао Ичань, — жалобно проговорил он, состроив жалостливую моську. — Ты же понимаешь, что я один за день не управлюсь?

Суншу Ичань бросил на него прищуренный злой взгляд, однако слова, произнесенные им, были милостивы:

— Не переживай. Никто не требует от тебя подобного. Обычно эту дорогу убирают человек двадцать, и то я тебя ближе к середине привел.

Юн Луляню легче от таких подробностей не стало. Суншу Ичань продолжил:

— Твоя главная задача — показать свое трудолюбие и ответственность к заданию. Как я уже говорил тебе, ты еще новичок, и на более ответственные поручения тебе не имеют права отправлять. Можешь выдохнуть спокойно.

И Юн Лулянь выдохнул, расслабив пальцы на древке метелки. Когда юноша попробовал подмести листья, Суншу Ичань со всей строгостью следил за его действиями. Как он

объяснил позже, это нужно на случай, если глава дома Чжу Лоу Цзя появится здесь, а нрав у этого человека, со слов других слуг, мягко говоря, не очень приятный. Увидь он, что Юн Лулянь делает ошибки, тут же бы придрался.

Пару раз Суншу Ичань вздыхал, закатывал глаза и критиковал работу Юн Луляня, но при этом терпеливо рассказывал и показывал, как нужно это делать правильно.

Наблюдая за его действиями, слушая пояснения, Юн Лулянь для себя буквально новый мир открыл. Кто же знал, что в таком простом действии, как подметание, нужно осваивать особые техники.

Это ведь не фарфор или хрусталь вытереть так, чтобы и пылинки видно не было. Просто нужно подметать, сгребать листву. Ну, по крайней мере, Юн Лулянь так думал и, не особо задумываясь, высказывал свое мнение трудолюбивому другу.

— Чжу Лоу Цзя не просто так занимает первое место среди всех четырех благородных домов! — важно сказал Суншу Ичань, передавая метлу обратно в руки Юн Луляня. — Мы трепетно относимся к своей работе и выполняем её наилучшим образом. Недаром слуги Чжу Лоу Цзя носят знак бамбука, а сами крайне стойкие и многогранные личности!

Только Юн Лулянь, делая вид, что его это вдохновило, с вялой улыбкой хотел было что-то сказать, как другой властный и громкий голос перебил его за их спинами.

— Как всегда великолепно. Ослепительно, грамотно и

воодушевляюще! — нахваливал неизвестный, похлопывая в ладоши. Юноши дернулись и перепугано обернулись. — Меньше от того, кто работает в моём доме, я и не ждал, Суншу Ичань.

К ним навстречу шел высокий мужчина в зеленых одеждах. Они были чем-то похожи на то, что носили парни, однако выглядели более дорогой и сложной. По обе стороны от незнакомца шли еще двое человек с таким же внешним видом. Точно не охранники, какие были во дворце или в столице. Только они голов не подымали и все время молчали.

— Эй, Лао Ичань. Это кто такой? — шепотом спросил Юн Лулянь.

— С возвращением, господин Миншэн! — сразу же поприветствовал человека Суншу Ичань, торопливо и нервно склонив голову перед сложенными руками. — Мы не ожидали, что вы вернетесь так рано! — с рвением сказал он и, приоткрыв один глаз, покосился в сторону ничего не понимающего Юн Луляня. Пхнув его ногой и не слушая возмущения, шикнул: — Этот человек — глава дома Чжу Лоу Цзя! Поприветствуй немедленно!

Занервничав, Юн Лулянь растерянно задвигался, однако приветственный поклон таки выполнил, ничего не сказав, когда мужчина к ним подошел.

— Хм. Смотрю, в нашем дворе все тихо и мирно, — довольно прокомментировал глава дома, осматривая округу. — Суншу Ичань, что-нибудь серьезное произошло, пока ме-

ня не было? Может, другие дома снова на нас наступали, пользуясь моим отсутствием?

— Нет, господин Миншэн! — отозвался Суншу Ичань, выпрямившись. — Всё было, как вы и сказали, тихо и мирно!

— Хмм. Хорошо. Очень хорошо, — закивал мужчина, и тут на глаза ему попался Юн Лулянь. — А этот юноша кто? — с нескрываемым подозрением спросил он, и на до этого улыбочивом лице проскользнула тень. — Я его впервые вижу.

— Эм, господин Миншэн, это новенький, — уже робче ответил Суншу Ичань. Лицо Миншэна при этом становилось все жестче. — Юн Лулянь, подними голову! — тихо попросил Суншу Ичань, и юноша выполнил его просьбу, расправив плечи. И сразу же ощутил на себе ледяной, сверливающий взгляд этого мужчины. Приятного было мало, потому что Юн Лулянь сразу понял, что вызывает у этого человека лишь отторжение. — Господин Миншэн, его зовут Юн Лулянь. Его назначили слугой в Джу Лоу Цзя неделю назад.

Теперь, когда Юн Лулянь никого не приветствовал, то мог уже лучше разглядеть этого господина Миншэна. Сказать, что он чем-то отличался от ухоженно и заносчивых богачей, ничего не сказать. Сразу видно, что он многого о себе мнения. Волосы были так же строго уложены, черные раскосые глаза зияли недоверием, а губы поджаты. Он был довольно высок и слишком хорошо сложен для человека, который был бы простым богачом.

Те двое, что были за ним, продолжали молчать. Они во-

обще люди, а не куклы?

— Юн Лулянь, — произнес его имя Суншу Ичань. — Перед тобой глава дома Джу Лоу Цзя. Господин Миншэн Чжэньли.

Юноша поднял на мужчину взгляд и, столкнувшись с открытым неприятием или даже презрением, поёжился, отводя глаза в сторону.

— Хмм. Так, значит, это и есть тот мальчик, которому дал ценный дар сам Смертный Дракон, — безразлично заговорил Миншэн Чжэньли, не прекращая изучать новенького. — Да. Я про этот случай уже многое услышал. Вот только непонятно мне одно. Ань Инлань, вроде бы?

— Я Юн Лулянь, — поспешно поправил он главу.

Тот пренебрежительно отмахнулся.

— Не важно. Мне говорили, что ты должен был быть в доме Цзюйхуа Лоц Цзя. Так объясни мне, как варвар с окраин, который даже основ этикета не знает, попал в **мойдом**? — спросил Миншэн Чжэньли, высокомерно вздёрнув нос.

«А этот дядька совсем за языком не следит», — в гневе подумал Юн Лулянь мрачнее.

Неприятней было всего оттого, что Юн Лулянь не имел права ему что-либо предъявить. Понимал, что сделает только себе хуже.

— Ну? Я долго ждать буду? — надавил мужчина в нетерпении. — Или тебя нормально разговаривать не научили в тех вонючих захолустях?

У Юн Луляня от возмущения перехватило воздух в горле. Но прежде чем он успел что-либо ответить, голос подал Суншу Ичань, вставая перед главой и прикрывая друга.

— Господин Миншэн! Позвольте этому слуге объяснить! — поспешно сложил руки парень, стараясь говорить как можно уверенней. Глава дома при виде него расслабил лицо, убрал руки за спину и, вновь промычав, дал согласие. — Дело в том, что Юн Лулянь оказался в доме Джу Лоу Цзя, потому что так решила Чоу Юэсяо, которой император доверил его распределение.

— Что?! — рывкнул Миншэн Чжэньли, сжимая пальцы в кулаки. С свирепой гримасой он налитыми кровью глазами прожигал макушку Суншу Ичаня. От его рева даже те двое, что молча стояли как статуи, переполошено перегляделись. — Опять... Опять эта Чоу Юэсяо?! Как же она мне надоела! Сколько еще эта дрянь будет мне досаждать?! — никак не успокаивался Миншэн Чжэньли, готовый крушить всё вокруг. Благо они в огромном дворе.

«О! А этот дядька в гневе страшен!» — удивился про себя Юн Лулянь, рефлекторно подымая руки. — *Похож на разъярённого демона!»*

Миншэн Чжэньли еще где-то с минуту неистовствовал и голосил, проклиная само существование девушки. Юн Лулянь стал понимать, что, несмотря на её милые улыбки и сладостные речи, Чоу Юэсяо не только не обычная служанка, так еще, если подумать, у других людей во дворце в самом

деле есть причины не любить её.

Люди никогда не любят тех, у кого есть власть, а тех, кто её иметь никак не должен, они ненавидят вдвойне.

— Где сейчас эта гадина?! — гневно спросил Миншэн Чжэньли, оборачиваясь к человеку позади.

— Господин. По нашим сведениям, Чоу Юэсяо сейчас помогает во дворце по приказу Императора, — спокойно ответил человек, склонив голову.

Второй повторил жест и продолжил так же ровно:

— Они готовятся к возвращению принцев. Даже если вы сейчас пойдете разбираться с ней, Его Высочество в данный момент вряд ли сочтет ваш конфликт уместным. Это может опорочить репутацию Джу Лоу Цзя.

Глава дома пыхтел от гнева, гримаса стойко держалась на его лице, а голос рокотал, когда он заговорил:

— И то верно. Она под защитой самого Императора. К ней не то что-то мышь, блоха не подберется, — сжав кулаки, он резко дернулся (Юн Луляню показалось, что он хотел сплюнуть, но удержался). Вместо этого он вновь принял серьезный вид, правда морщился так, словно надавливал на занозу. — Я знаю, что Его Высочество всегда выгораживает её, а потому ничего не добьюсь. Но я это просто так не оставлю! — мстительно прорычал он. Его люди позади молчали, а Суншу Ичань и Юн Лулянь быстро переглянулись. — И всё же благополучность моего дома стоит превыше всего, — объявил Миншэн Чжэньли, став окончательно прежним. С

благородством, но и при этом всё так же высокомерно, он посмотрел на ребят. — Суншу Ичань, возвращайся к своей работе. Раз мы ждем приезда принцев, то не должны ударить в грязь лицом. Возвращайся обратно в Джу Лоу Цзя и собери опытных слуг. Я разужнаю общую информацию и раздам вам задания.

— Да, господин Миншэн! — отозвался парень.

Миншэн Чжэньли довольно закивал, однако его милость быстро сменилась холодной яростью, когда он повёл взгляд к Юн Луляню.

И, словно ощутив его ненависть на себе, как порезы ножей, Юн Лулянь неконтролируемо напыжился и нахмурился. Суншу Ичань тоже напрягся, когда глава дома сделал пару шагов к юноше явно с недобрыми намерениями.

— А ты, — мужчина ткнул пальцем в грудь Юн Луляня и надавил, при этом смотря парню прямо в глаза. — Не знаю, почему такому нищему отребью с окраин так везёт, что сам Император и эта дрянь Чоу Юэся так тебя привечают, но запомни мои слова, мальчишка. Твоя удача на этом и кончится. Я обязательно докопаюсь, в чём суть твоего появления! — Юн Лулянь молча смотрел на него мрачным взором. Миншэн Чжэньли, видя его покорный, но и в то же время бесстрашный настрой, скривил губы, хмыкнув. Убрав руку, он отошёл от юноши, достал платок и вытер палец с таким видом, словно ему пришлось трогать нечто мерзкое. — Я не считаю, что тебе место в моём доме, — прямо сказал муж-

чина. — Вот только спорить с Чоу Юэсяо себе дороже, а потому у меня нет выбора, кроме как оставить тебя, — закатив глаза, Миншэн Чжэньли стал обходить юношей, а его люди шли за ним.

Суншу Ичань был слегка растерян, в то время как Юн Лулянь смотрел на спину мужчины со злобой.

— Господин Миншэн! — окликнул его Суншу Ичань. — Меня назначили ему старшим. Пусть он многого и не знает, я всего всему научу! Обещаю!

— Ты знаешь наши правила, Суншу Ичань, — сказал глава, остановившись. — Хотя Чоу Юэсяо его сюда и привела, дальнейшая его судьба зависит уже от меня. А потому я хочу посмотреть, как он справляется.

Лицо Суншу Ичаня выразило крайнее недоумение.

— Н-но, господин Миншэн, — начал он, часто моргая. — У него уже есть задание.

— Вот и хорошо! — с неким ликованием воскликнул Миншэн Чжэньли, поворачивая к ним голову. Он довольно улыбался, прищуривав хитрые глаза. — Тогда пусть мальчишка убирает дорогу до самых сумерек, — и только показалось, что ничего такого в этом нет, как, растянув губы, он не без удовольствия добавил: — И никакой еды и воды до конца работы, ясно?

— ЧТООО!?! — одновременно изумились Суншу Ичань и Юн Лулянь.

Ошарашенно вылупившись друг на друга, оба юноши ста-

ли перекрикиваться, пока Миншэн Чжэньли просто стоял и улыбался.

— Господин Миншэн! Это уже перебор! — заступался Суншу Ичань.

— Вот именно! — поддержал Юн Лулянь. — Вы хотите, чтобы я целый день ничего не ел и не пил?! Вы вообще в своем уме?!

— Хмм. Люди моего дома выполняют мои приказы безукоризненно, — хмыкнул Миншэн Чжэньли, пребывающий в хорошем настроении. — Каждый должен быть трудолюбив, стойк и вынослив. Только за такие качества и ценят слуг Джу Лоу Цзя.

— Но все равно, — с ужасом прошептал Суншу Ичань, смотря на главу как на безумца. — Ни еды, ни воды целый день — это слишком.

Стоявший с ним рядом Юн Лулянь, скрипя зубами, несдержанно огрызнулся:

— Вы издеваетесь что ли?!

— Хм! Если тебе что-то не нравится, — все так же любезно улыбаясь, проговорил глава дома, отворачиваясь, — тогда уходи из Джу Лоу Цзя, — на этом Юн Лулянь опешил и побледнел. — Можешь идти в дом Хризантемы, если хочешь. В таком жалком и ничтожном месте, как Цзюйхуа Лоу Цзя, тебя точно примут с распростертыми объятьями. Хи-хи-хи.

Он тихо посмеялся в поднятый к губам рукав и стал уходить вперед. Разъяренный Юн Лулянь сделал выпад вперед

и уже было хотел закричать, как Суншу Ичань вцепился в него, оттаскивая назад.

— Не надо! Ты сделаешь только хуже! — предупредил он Юн Луляня с жалостью на лице.

Этот гад... Юн Лулянь был готов к тому, что его презирают. Не привыкать. Но этот дядька разогнался не в ту сторону. Чем он думает? Целый день не есть и не пить? Да что с ним не так?!

Кажется, Суншу Ичань что-то ему говорил о том, что глава дома бывает очень жесток с новичками и всегда придирается за любую мелочь, но Юн Лулянь его слабо слышал. Потому что гнев и ярость просто душили изнутри, перекрывая цвета и звуки.

В последний раз он был так зол на своего папашу, когда тот запер его в подвале на неделю и не кормил. Просто потому, что его сын, по его мнению, не был благодарен за еду и позволил себе это высказать.

Юн Лулянь после истошных криков в этой темнице понял, что помочь себе может только он сам, и в крошечной темноте он, питаясь лишь насекомыми, смог выбраться, обхитрив слуг отца. Сбежав в деревню, он жил так несколько месяцев, пока его не поймали на воровстве и не отправили обратно к отцу.

— Успокойся, — посоветовал Суншу Ичань, ослабляя хватку.

— Лао Ичань, разве это справедливо? — возмутился Юн

Лулянь. — Я еще ничего не сделал, чтобы меня так наказывали!

Суншу Ичань с сожалением отвел взгляд и вздохнул.

— Я понимаю, — сказал он, утешающее похлопав парня по плечу. — Но поверь мне. С господином Миншэном лучше не спорить, если у тебя нет связей во дворце, — Юн Лулянь злобно сощурился и надул губы. — Он может быть очень жестоким с теми, кто на него огрызается.

— Но к тебе-то, Лао Ичань, он хорошо относится, — пробубнил Юн Лулянь.

— Это только после нескольких лет службы, — неутешительно ответил он. — В свое время я натерпелся не меньше тебя.

Завидев, каким печальным и молчаливым стал Суншу Ичань, Юн Лулянь только по одному взгляду понял, что ему и впрямь было очень нелегко. Суншу Ичань, несмотря на разговорчивость с новым другом, мало говорил о себе.

Точнее, о своем прошлом старался говорить очень мало и невнятно либо замалчивал, переводя тему. Однако одну деталь Юн Лулянь подметил. Когда они вместе с Суншу Ичанем ужинали в столовой, мимо них прошла группа парней их возраста в зеленых формах. Суншу Ичань вмиг помрачнел, а один из группы бросил на озадаченного Юн Луляня неприятный взгляд, затем, мерзко ухмыльнувшись, играючи обратился к хмурому парню:

— Я смотрю, ты себе нового «дружка» нашел. Теперь тебе

точно не будет так одиноко. Да, Гэся Туцзы?

Уплетавший за обе щеки лапшу Юн Лулянь с недоумением посматривал сначала на незнакомых ему людей, а потом уже и на очень оскорбленного Суншу Ичаня.

Парень не стал устраивать разборок, а лишь бросил гневный взгляд на компанию. Те только посмеялись, уходя от их стола. И тогда Юн Лулянь заметил, что, несмотря на то, что места рядом с ними было полно, никто из других слуг дома к ним не подсаживался. И так было всю неделю.

Сначала Юн Лулянь было подумал, что из-за него такого хорошего человека, как Суншу Ичань, стали избегать. Вот только сам парень сказал, что он всегда ест один с тех пор, как его лучший друг ушел служить механиком в столицу, и что вины Юн Луляня в этом нет.

Тех парней он назвал крестинами, у которых просто хорошие родительские связи во дворце, потому они позволяют себе обижать тех, у кого подобных привелегий не было.

Суншу Ичань был сиротой, как и его друг, а потому заступиться за себя мог только сам. И то трогать таких, как те, что над ним надсмехались, было не лучшим вариантом, потому он терпел, зная, что даже если огрызнется в ответ, последствия жалоб этих уродов своим родсвенникам ждать себя не заставят.

А когда Юн Лулянь спросил, что тот имел в виду, когда назвал его «дружком», Суншу Ичань, стукнув кулаками по столу, быстро поднялся и с темным лицом сказал, что наелся.

Взяв поднос с еще полными тарелками, он ушел, сказав Юн Луляню, что подождет его снаружи.

Сам Юн Лулянь данную тему после старался не поднимать, надеясь, что когда-нибудь Суншу Ичань сам ему все расскажет. Уж не хотелось портить отношения с единственным человеком, который хорошо к нему относился, несмотря на статус отребья-богопоклонника.

— Ладно, — поникнув, проговорил Юн Лулянь, снова берясь руками за метлу. — Дело само себя не сделает, а буду просто стоять, так этот петух меня заклюет.

Он начал мести к концу дороги, в то время как Суншу Ичань с все еще виноватым видом стоял и молчал. Юн Лулянь принимал слова главы дома о его неземной удаче, а потому из-за благодарности либо к высшим силам, либо к простой случайности решил таки не жаловаться, хотя не есть и не пить целый день — это все равно что добровольные мучения ни за что.

— Юн Лулянь, — позвал Суншу Ичань, и юноша перестал работать метлой, обернулся. — Я не считаю, что господин Миншэн отнесся к тебе справедливо. То, как он поступил, просто ужасно! — прикрикнул он, и Юн Лулянь округлил глаза. — Я не могу нарушить приказ главы дома, — с раздражающей мукой сказал Суншу Ичань. — Однако не есть и не пить аж целый день я тоже тебе не позволю.

— Лао Ичань, — удивленно сказал Юн Лулянь. — К чему ты клонишь?

Откинув сомнения, Суншу Ичань стал невероятно решительным. Он посмотрел на озадаченного Юн Луляня как солдат, готовый к смерти на поле боя.

— Во время обеда я как-нибудь принесу тебе воду и еду! — бесстрашно и громко заверил он, поднимая кулак. — Конечно, суп или чего жареного на подносе не смогу вынести, но воду и перекус уж точно смогу достать.

Суншу Ичань уверенно кивнул сам себе, а Юн Лулянь, пусть и был переполнен благодарностью за такую отвагу и заботу, все же нервно окликнул парня:

— Подожди, Лао Ичань! Если тебя поймают, то, скорее всего, накажут, — Суншу Ичань стойко стоял, смотрел на Юн Луляня так, словно это ничего не значило. Пытаясь до него достучаться, юноша затараторил еще активнее: — Да и потом! Ничего страшного со мной не случится! Без еды и воды целый день? Ха! Да я уж как-нибудь переживу, не рассыплюсь! Знаешь, на окраинах и не такое происходило. Бывало, днями на пролет еды не мог раздобыть. Привык я уже!

— Но без еды и воды ты быстро устанешь и не сможешь нормально работать, — утвердительно высказал ему Суншу Ичань.

Тут Юн Луляню сказать было уже нечего.

— Не волнуйся за меня. Я редко нарушаю правила дома, но в былые времена был тем еще неуловимым нарушителем! — с яркой улыбкой заверил его Суншу Ичань. — Даже веч-

но мирный дядюшка Чэн не раз меня наказывал, — сказав это, он повернул голову назад. — Ладно. Мне нужно идти, пока господин Миншэн меня не хватился. С обедом что-нибудь придумаю, потому никуда не уходи! — дав наставления, Суншу Ичань, выдавив редкую улыбку, помахал рукой и стремительно убежал обратно в дом.

Юн Луляню, оставшемуся в одиночестве, оставалось лишь вздыхать и продолжать данную работу. Уж лучше что-то сделать, а то не дай бог этот дядька либо его подчиненные обратно пойдут.

Что-то подсказывало Юн Луляню, что без поддержки Лао Ичаня его ждет более суровая трепка. Этот свирепый дядька явно тот человек, который в угоду своим капризам способен на многое.

И так прошел один час, затем второй и третий... Вот и грянуло время обеда. Солнце было в самом зените, пекло просто беспощадно. Утром было прохладно, и потому Юн Лулянь особо не думал, что будет так тяжело.

От монотонной работы становилось скучно, а руки от дравка метлы, уже побаливали.

За всё то время, что он усердно подметал, мимо него прошло всего от силы пять человек. Трое были слугами того же дома, что и он. А другие, судя по дорогим одеждам, явно

элита. И всё! Никого, связанного с императорской чиной, и близко не было.

— Значит, не такая уж эта дорога и востребованная! — пробурчал Юн Лулянь, сидя под одним из многочисленных деревьев. Он снял верхнюю одежду, свесив её на пояс. В тени было тоже не очень комфортно, но жаловаться Юн Лулянь не собирался. — Имеем, что имеем, — проговорил он и неутешительно вздохнул, закинув руки за голову.

Откровенно говоря, он не ждал, что Лао Ичань придет к нему с едой и водой. Да и так было даже лучше. Он слишком хороший, пусть и раздражительный парень. Юн Лулянь таких людей еще не встречал. И собственно из-за своей симпатии ему не хотелось, чтобы тот дядька Миншэн отчитывал Лао Ичаня. Это было бы просто ужасно, случись такое.

Однако при всем смирении с ситуацией...

~Уууууу~

При звуке голодного желудка Юн Лулянь смущенно сморщился, чувствуя неприятную пустоту внутри. Горло тоже пересохло, от чего голос юноши хрипел и пропадал.

Как себя ни убеждай, а столько активных часов на свежем воздухе и под пеклом солнца вызвали логичный голод и жажду.

Тогда пусть мальчишка убирает дорогу до самых сумерек.

Вот какой наказ ему дал глава дома. Скажи кто-нибудь, что этот господин Миншэн был потомком демонов, Юн Лу-

лянь бы не был так напряжен, однако теперь, когда он сам видел демона воочию, смелости поступить по-своему ему не хватало.

По-хорошему, он мог пойти в столовую и перекусить. Если дядька Миншэн пришел в Джу Лоа Цзя, это не значит, что именно там. Судя по тому, что он говорил, они все очень заняты приездом принцев.

Хорошее рассуждение, вот только кроме Лао Ичаня у Юн Луляня друзей в доме слуг больше не было. Если они знают про приказ главы насчет него, то увидят в доме — точно доложат.

В противном случае Юн Луляню достанется, а в худшем получит и Лао Ичань.

Быстро покачав головой, Юн Лулянь отбрасывал эти мысли. Но голод и жажда никуда не денутся, а станут только сильнее уже через пару часов.

Вернуться он не может, пожаловаться кому-либо тоже... Дядька ведь сказал:

Что-то не нравится — уходи.

Чёрт! Да он же специально его выживает! Да и ушел бы он в другой дом, но ему не хотелось бросать Лао Ичаня. Первого друга, с которым он смог подружиться.

И снова этот протяжный звук...

~Ууууууууу~

Растеряв весь пыл, Юн Лулянь обречённо поднял голову к тёмно-зелёным кронам дерева, откуда просачивались тон-

кие нити света. Пятнашки падали ему на лицо, отчего юноша жмурился.

— Эххх. Всё-таки есть хочется, — тоскливо проговорил он, положив руку на урчащий живот. — О! А ведь точно! — воскликнул он, оглянувшись назад.

Посетившая его идея была просто в самый раз. В этом месте полно небольших лесов, наполненных разными видами деревьев и кустов, а значит...

— Тут могут расти фрукты, ягоды или даже орехи, — с предвкушающей озорной улыбкой Юн Лулянь поднялся с места, не отрывая глаз от тёмного места, полного растительности. — А если повезёт, то могу и родник какой найти. Вот вам и вода! Если смогу найти птичьи гнёзда, сырые яйца — тоже ничего.

Ещё раз оглядевшись, Юн Лулянь убрал метлу в кусты, запомнил их и, подметив, что никого рядом не видеть, шаг за шагом вошёл, ушёл в лес, хрустя палками, откидывая руками ветки и смотря под ноги, чтобы не упасть.

Хоть на дворе сияло солнце, внутри этого небольшого леса было не так светло. Зонтики сверху были темны, а по краям ярко-зелеными, где-то были крошки света, а где-то аж целые диски.

Однако поиски Юн Луляня дали кое-какие плоды. Он нашёл несколько деревьев лонгана, саподила, ягоды шелковицы.

Благо ягоды были очень спелыми и сочными, Юн Лулянь,

с блаженством жуя, думал, что воду искать уже и не придётся. Доев то, что нарвал, Юн Лулянь вытер руки о ту часть одежды, что болталась на поясе, и, ощутив себя намного лучше, облегчённо выдохнул с улыбкой.

— Всё-таки не зря я столько лет в лесах выживал, — похвалил себя Юн Лулянь.

Когда Юн Лулянь стал бездарным и безбожным в глазах семьи, забота для него стала далёким редким звуком. Было хорошо, когда удавалось украсть еду с кухни, было просто отлично, если его кормили как человека, а невесело было уже, когда морили голодом и приходилось питаться чем приходилось.

Из-за незнаний, что съедобно, а что нет, пару раз Юн Лулянь отравился. На удачу, отделался небольшой температурой, диареей и рвотой. С грибами и мясом без прожарки на огне Юн Лулянь так не рисковал.

— Так, ну а теперь можно... А! Ч-чего? — Быстро заозиравшись по сторонам, Юн Лулянь понял не самую приятную вещь. — А... откуда я... пришёл-то?

Увлечённый поисками еды, он совсем не обращал внимания на то, куда шёл. Сейчас, смотря на этот тёмный лес, поросший лозами и громоздкими стволами деревьев, всё было таким... однообразным. Что свет, что само окружение.

— Я потерялся, — в ужасе сказал Юн Лулянь, засеменя так быстро, как только мог.

Он шёл налево, потом направо, спотыкался о камни, не

грохнулся в яму и едва не подошёл вблизи гнезда шершней. Сколько бы он не поворачивал, на людную местность выходить не получалось. Ещё этот громкий щебет птиц действовал на нервы.

— Да чёрт тебя дери! Дорога же рядом была! Куда она делась?! — кричал Юн Лулянь с нотками паники. — Этот лес что... заколдованный?!

Если это так, то пиши пропало. Ему с малых лет говорили, что места, на которые накладывают магию, очень опасны. Они могут быть бесконечны, что ты будешь бродить по ним, пока не умрёшь, в них могут быть демонические твари, которые разорвут тебя в клочья и кости не оставят. Зависит от того, кто и зачем проделывал это.

— Но это же дворец императора. Не могу же здесь такое совершить, — с нервной улыбкой рассуждал Юн Лулянь, стараясь подавить панику в груди.

Кровь стучала уже в самом горле. От этой пульсации болела голова и начинало тошнить.

Однако уже перед прорывом страха Юн Лулянь вспомнил кое-что. Ему тогда было двенадцать лет, когда отец выгнал его из дома, а его самого оглушили и увезли в горы.

Позже он понял, что это были работорговцы, и хитростями да волей случая Юн Лулянь смог сбежать. Треклятый папаша, видать, настолько вида его уже не выносил, что решил просто продать неудачного сына.

Но то место, где смог освободиться Юн Лулянь, было в

сплошных горах. Не походишь особо и не побегаешь. Ветер ледяной кусал кожу под легкими одеждами, растрепав все волосы. Камни резали ноги и руки.

Чтобы ориентироваться на этой местности, ему приходилось залезать на высокие уступы и свериваться со своей интуицией. Карты Юн Лулянь, само собой, не знал, а саму их деревню на окраине нашел чисто случайно.

И если ему приходилось залезать на самые высокие горки, значит...

— Можно залезть на высокое дерево и высмотреть с него дорогу! — щёлкнул пальцами Юн Лулянь, воспрянув духом. — Уж громоздкий дворец увидеть проще простого.

На словах было одно, а на деле совсем другое. Не зная, сколько он бродил в этом мистическом месте, что уже автоматически было жирным минусом, Юн Лулянь смог найти, по его мнению, высокий ствол.

Что это за дерево — непонятно. Таких парень еще не видел, но выбирать не приходилось. Коснувшись пальцами жесткой коры, Юн Лулянь покрепче обхватил ствол и припрыгнул на сыроватой земле, усеянной прогнившей листвой.

Лезть было ужасно неудобно. Кусочки коры цеплялись за одежду и царапали кожу, больше всего доставалось лицу, прижавшемуся при подъеме наверх.

Цепляться за ветки, что тут же ломались, из-за чего Юн Лулянь был на грани падения. Видать, дерево немолодое, оттого большинство веток и были хрупки.

И вот возникшее небо ослепило, заставив зажмурить глаза. Свежий ветер с такой высоты заставлял чувствовать бодрость, трепал волосы и освежал саднившие царапины.

Когда зрение смогло сфокусироваться, Юн Лулянь отвернул лицо от темного ствола и раскрыл глаза. Зрачок в радужке от данного вида расширился.

Чистейшее небо, верхушка огромного дворца, сторожевые башни, горы с водопадами, низы разноцветных садов, нарисованные словно красками. Теплыми, пестрыми и мягкими. У Юн Луляня, едва не забывшего, что обнимался с деревом, перехватило дыхание.

Всё казалось таким фантастичным, будто это место не может принадлежать людям. Мимо пролетела пара птиц, и он пришел в себя, вспомнив, что ему нужно отыскать дорогу. Скорее всего, крыши четырех домов можно было найти за просто, а там и сама дорога.

Однако обвивая ствол, много не увидишь, потому Юн Лулянь решил найти более крепкую ветку и встать на неё ногами для точной опоры. Да и конечности уже уставали. Спасибо метелке, с которой он работал столько часов напролет!

Подняв растрепанную голову, полную веток и листьев, он заметил довольно длинный, крепкий с виду сук, криво растущий в разные стороны и небольшим веером листвы.

— Почему здесь вообще растут такие огромные деревья? — ворчливо интересовался Юн Лулянь, в очередной раз поцарапав ладонь. Отдернув руки и пошипев немного, он про-

должил карабкаться к той самой ветке. — Разве это нормально, что такой лес находится на территории императорской резиденции? Совсем всё запустили!

Хотя если вспомнить, что творится в столице и какие там теперь... Как их Лао Ичань назвал? Машины. То самому Смертному Дракону сейчас явно не до всей этой буйной природы.

— Наконец-то! У-гх! — схватив-таки намеченную цель, Юн Лулянь убедился в её крепости, подергав, а после подтянулся с полной массой своего тела. Ветка не сломалась, когда он на неё встал, не переставая цепляться пальцами за шершавый ствол. — Так, а теперь нужно осмотреться, — он крутил головой по сторонам, видя всё те же пейзажи. Убрав волосы с лица, Юн Лулянь смог увидеть крышу дома Джу Лоу Цзя. — Нашел! Так, а теперь до... — довольный, он поддался чуть вперед, как ему показалось, что в него что-то летит.

Откуда летел этот кусочек солнца, он не определил. И Юн Луляню он показался совсем крошечным, как иголка, пока этот свет не стал приближаться всё ближе, набирая скорость.

Прищуриив глаза, ничего не понявший парень еще не паниковал, но осознание того, что оно летит точно в него, заставило тут же вздрогнуть и занервничать.

— С-стой! Стой! Я не враг! Я не... А? АААААААА! — похожая на технику магии ни на что иное, то ли луч, то ли стрела практически попали в цель.

Но как практически? Оно с хрустом сломало ветку под

ногами Юн Луляня, и тот, покачиваясь, с громким криком стал лететь вниз. С такой высоты в лучшем случае сломать себе руки и ноги, в худшем — разбиться насмерть, и Юн Лулянь понимал, что ждет его второе на все сто процентов.

Он летел ужасно быстро, перед глазами всё мазалось, ни к чему не приглядеться. От крика горло, казалось, начало кровоточить, пока руки болтались на воздухе. Падал он головой вниз, а потому видел только небо.

Однако небо отдалялось, а, судя по тому, что он сносил своей головой и плечами ветки, до земли внизу осталось всего ничего.

Юн Лулянь зажмурился, что есть сил сжав зубы, и тут порыв ветра резко прекратился. Удара об землю не было, вместо этого Юн Лулянь почувствовал, как полностью обволакивала прохлада. По спине, конечно, прошла протяжная боль, но руки и ноги не упали, а продолжали находиться в том же положении. А когда с губ вырвался воздух, что булькнул и поднялся пузырьками... Юн Лулянь раскрыл глаза.

Всё было размыто, звуки заглушены, одежда и волосы парили перед ним, и он с задранными кверху ногами в шоке держался за голову.

Вода! Он упал в воду! Еще раз пустив пузыри, юноша прижал одну из рук ко рту. Сумев отойти от замешательства, Юн Лулянь побрыкался немного, а потом стал плыть к поверхности.

— Гааа!! — издав отчаянный хриплый вздох, как он смог

вынырнуть, Юн Лулянь с все еще закрытыми глазами пытался унять головокружение, тяжесть в спине и сосредоточиться.

Стоило ему успокоиться, рядом раздался еще один крик: — Ч-что это было?! — в ужасе кричала явно молодая девушка.

— Не знаю! Что-то упало с неба! Причем крупное! — вопил в ответ уже другой голос, почти детский.

— Будьте осторожны. Уходите сейчас же из воды! — третий был чуть дальше. Зрелый и рассудительный, он также принадлежал женщине.

Сплюнув воду с губ, Юн Лулянь вслепую стал плыть на звуки, беспомощно выставив перед собой руки. Волосы липли к глазам, одежда стала куда тяжелее, а небольшие волны плескались о его лицо, не давая нормально вздохнуть.

Наконец-то колени нащупали каменное дно. Юн Лулянь из-за того, что вода его толкала, все еще слепой, из-за давления в спину и неустойчивой опоры поддался вперед, думая, что упадет в воду, однако...

— Хии! — пискнул кто-то совсем рядом.

— А? — Юн Лулянь не упал, как думал изначально.

Его руки, что до этого недавно держались за жесткий ствол дерева, теперь обхватили что-то мягкое и теплое. Пальцы нащупывали изгибы, прижавшись к этому чему-то, Юн Лулянь почувствовал, как оно дрожит.

— Кто? — услышал он испуганный шепот.

Стремительно убрав прилипшие волосы с лица, Юн Лулянь поспешил открыть глаза и посмотрел вверх.

На него в ответ смотрела пара круглых, как слива, янтарных глаз. Овальное белое лицо, дрожавшие розовые губы и пушистые ресницы, обращенные к юноше, вызвали у него трепет в сердце.

На него смотрела невероятно красивая девушка с распущенными золотыми волосами. Заглядевшись, Юн Лулянь повел взгляд в другую сторону и увидел еще одну девушку и женщину, что прикрывались одеждой рядом с берегом.

— А? — пальцы Юн Луляня невольно сжались, и девушка рядом с ним издала очередной писк, содрогнувшись.

Теперь глаза невольно посмотрели прямо. Изгиб спины и чистая мраморная кожа.

Юн Лулянь поздно понял, что все это время вульгарно прижимался к абсолютно нагой девушке. Не успел он в шоке извиниться, как ему по голове прилетел мощный удар кулаком, впечатавший его об самое дно.

— Ты кто такой, черт возьми?! — рявкнула пришедшая в себя незнакомка, показавшая острые клыки.

Она продолжала лупить неподвижного Юн Луляня, кидаясь проклятьями. А Юн Лулянь в последние секунды сознания не понимал, чем это все это заслужил в свой первый день.

Примечания.

1. Названия домов отсылают к четырем благородным цветкам (китайский: ###) — собирательный термин, обозначающий орхидею, сливу, бамбук и хризантему.

— zhú — [чжу] — бамбук

— lánhua — [ланьхуа] — орхидея

— lǐ — [ли] — слива

— júhuā — [цзюйхуа] — хризантема

2. Обращение Юн Луляня к Суншу Ичаню:

«Лао» (#) — китайское слово, которое используется как показатель уважения к старшим или людям с более высоким статусом. Также «лао» может быть частью обращения к человеку, у которого есть положительный авторитет, или к человеку, с которым сложились близкие или дружественные отношения.

3. Насмешливое прозвище Суншу Ичаня — Гэся Туцзы — буквально переводится как «Господин Кролик».

Гэся (##, Géxià) – Господин (букв. «Ваше Превосходительство»), вежливое обращение к высокопоставленной персоне.

tùzi – [туцзы] – заяц; кролик

Глава 13 - Переполох

Среди смотровых башен прошла силовая волна, поколебав черепицу и заставив людей внутри дрогнуть. Стражники внутри сразу же переполошились и стали кричать.

Вся эта суматоха продолжалась, пока среди них ход вперед не вышла красивая девушка с мальчишеской внешностью. Темные одежды стражи с белыми штанами сидели на ней как влитые, подчеркивая широкие плечи, тонкую талию и длинные стройные ноги.

Длинные темные волосы, заплетенные в высокий хвост, качнулись за ее спиной, когда она, с важностью скрестив руки на груди, спросила громким голосом:

— Что случилось!?! От чего такой переполох?! — Застывшие в ее присутствии парни и девушки неловко сжались и переглядывались, явно не зная, как объяснить произошедшее. Темные глаза девушки грозно сузились: — Отвечайте! Или хотите переговорить с генералом Цайфу?

Вот от этого уже все присутствующие просто побелели и тут же вновь засуетились. А вот громогласная девушка казалась по-садистски довольной, наградив остальных дерзкой ухмылкой.

— Г-госпожа Цзюэ! — торопливо выскочил вперед юноша. Хотя, судя по тому, как он оглянулся, быстро злобно его вытолкали. Но тут же сложив перед ней руки, робкий пар-

нишка так же неумело разбрасывался словами в поклоне. — Недавно с восточной части территории дворца прошла силовая магическая волна неизвестного происхождения! — Красивое лицо Цзюэ тут же посерьезнело, но она выжидающе молчала. — Судя по всему, кто-то проник через охранный барьер прямо во внутренний восточный двор!

— Невозможно, — прорычала гневная Цзюэ. — Во дворце нет тех, кто владел бы и минимальным знанием магического взлома! Всех заклинателей и колдунов перебили, а тех, кто остался, просто не допускают даже к самым дальним стенам дворца императора! — кричала она, скалясь и размахиваясь рукой. Остальные согласно закивали, очень тихо переговариваясь. — Да еще и на ту часть дворца. Почему не в самый дворец? Будь я нападавшим, так бы и поступила, — принялась было рассуждать вслух Цзюэ.

Отчитавшийся перед ней парень боязливо приподнял голову и все так же осторожно спросил:

— К-каковы будут ваши указания, капитан?

Она посмотрела на него так, словно только сейчас заметила. Перестав бубнить себе под нос, Цзюэ, нахмутив брови, обратилась к остальным очень зрелым взглядом, гордо выпятив подбородок. Другие стражи затаили дыхания.

— Я не думаю, что это что-то серьезное. Но раз произошло нарушение, на то мы и нужны здесь, чтобы решать эти проблемы, — говорила девушка сдержанно. — Со мной пойдут трое, остальные останутся здесь и будут ждать сигнала.

Ваша помощь понадобится другим, если ситуация выйдет из-под контроля. Ты! — Она быстро указала на того же парнишку, а потом еще на двух в толпе. — Пойдете со мной! — После ее команды двое других стойко вышли из толпы, прошли мимо мявшегoся парня, а тот быстро засеменял за ними следом. — Приготовьте оружие на случай, если это шавки-богопоклонники или заклинатели! — объявила Цзюэ, отворачиваясь к выходу. Остальные не видели, какой довольный оскал исказил ее тонкие губы. — Давно уже не было подобного. Надеюсь, нарушители меня развлекут.

В это время в приемной императора произошла аналогичная ситуация.

Сам Его Высочество У Ливэй, сосредоточенно читающий документы с кистью в руках, дернулся и раскрыл во всю глаза. У стоявшего за его спиной непоколебимого генерала Цайфу Чу была та же изумленная гримаса. Разливавший за столом чай Шимин Байинь, до этого мягко улыбавшийся, остановил свои тонкие руки с маленьким чайником. И, опустив улыбку, он в удивлении вытянулся, невидяще смотря куда-то в сторону.

И только одна Чоу Юэсяо, сидевшая на другой стороне, с удовольствием уплетала пряники за обе щеки, никак не обратив внимания на то, что почувствовали здесь все.

— Что... это было? — все еще не отойдя от шока, спросил У Ливэй, медленно озираясь по сторонам.

Став напряженным, Цайфу Чу положил руку на меч.

— Магический... Слом, — тихо и несмело проговорил Шимин Байинь, прижал кончики пальцев к губам. Он еще помотал головой, прежде чем оглянуться на братьев. — Ливэй! — торопливо обратился он с каплей пота на чистом лбу.

Однако император уже с довольно мрачным, если не суровым лицом приподнял руку, призывая к молчанию. У Цайфу Чу было точно такое же злое лицо. Чоу Юэсяо с довольством откусила печенье с цветком и замурчала от счастья.

— Ливэй, мне пойти разобраться? — подавляя свирепость, спросил Цайфу Чу, готовый вытащить меч в любой момент.

— Не стоит, — угрюмо ответил У Ливэй, чем удивил обоих братьев. Предвидя наперед недовольные расспросы, он продолжил: — Как думаете, если кто-то из нас тут же выскочит и начнет бежать куда глаза глядят, что подумают слуги и те, кто сейчас здесь? Нечего подымать в моем дворце панику, если причина не ясна, — объяснил он уже рассудительней. Лицо всё такое же серое и хмурое. Цайфу Чу надул губы, опуская меч в ножны и отчужденно скрещивая руки на груди вполоборота. — Шимин Байинь, — кротко произнес имя брата У Ливэй. — Откуда эта волна?

— С восточной стороны, — поджав губы и приспустив брови, Шимин Байинь развернулся телом к выходу, указав

на восток.

Глаза императора стали темнее.

— Восточная сторона? — пророкотал он приглушенным голосом. — Чоу Юэсяо, сходи и проверь, что там, — зыркнув на девушку, он хладнокровно отдал приказ.

Чоу Юэсяо в этот момент доедала булочку, из которой шел пар. Ее маленький рот был весь перемазан, да и на одежде была куча крошек. Когда ее позвали, она застыла, так и не откусив, а потом повела глаза к императору и тут же надулась.

— Не хочу! — капризно выдала она, отвернувшись с булкой в руках. — Сила была небольшой. Да и потом, там стоят сторожевые башни! Это их работа, вот пусть они и разбираются с этим. Чоу Юэсяо там делать нечего.

— Эй! Тебе сам император отдал приказ! — поругался Цайфу Чу.

На это девушка все еще рассержено повернулась к генералу и показала ему язык.

— Не хочу я! — огрызнулась в ответ Чоу Юэсяо.

— А ну пошла, кому говорят! — заорал он.

— Сам вали! — завещала служанка.

— Я должен быть рядом с его высочеством на экстренный случай!

— О-о-о! А что же, не хочется навестить в той башне свою самую преданную поклонницу? Уверена, она этого с нетерпением ждет.

У Ливэй приложил руку ко лбу и тяжело выдохнул, уже не такой серьезный, страдальчески заломил брови. Шимин Байинь выразил неловкую улыбку, но тут же прикрыл ее рукавом.

Пусть эти двое и кричали друг на друга, но реакция остальных была открыто показательна тому, что все уже привыкли к подобному. Чоу Юэсяо, несмотря на милый вид, была ужасно капризной и никогда не делала большего, чем сама считала нужным.

Так как ее вырастил император и лично представил к себе, подобно нефритовому брату, то неудивительно, что девушка выросла немного... своенравной.

Для Цайфу Чу и Шимин Байиня ее несносный характер, который она обычно прятала от остальных, был уже в порядке вещей. Однако подход к ней можно было найти, и Шимин Байинь как раз предпринял такую попытку, дожидаясь, пока генерал и служанка сделают перерыв в криках.

— А-Юэ, — нежно позвал он девушку. Та, запыхавшись, бойко устремила свой горящий взгляд на слепого мужчину. — Я уверен, что ты была права, когда сказала, что мы можем довериться нашей страже. Особенно, — он заметно подавил смешок, — давней поклоннице нашего генерала.

— Эй! — рявкнул Цайфу Чу.

— Но император также доверяет лично тебе, — не обратив внимания на выкрик, он рассудительно продолжил, обращаясь к стушевавшейся служанке, надувшей щеки, не по-

хоже, что ее все еще убедили. — Все, что нужно, это просто сходить и узнать, что произошло. Потому что правду могут исказить. А взамен, если сходишь, я приготовлю твои любимые лепешки, — энергичней проговорил он, указав пальцем вверх.

В этот же миг угрюмая Чоу Юэсяо расцвела, как самый красивый цветок на рассвете после дождя. Глаза заискрились, улыбка сияла, а лицо побелело, от невыразительной ряскоты на щеках проступил милый румянец.

— Правда?! Братец Байинь, ты правда испечешь их для меня?! — в нетерпении она подскочила с места и ухватила за руки мужчин, едва не плача от счастья. — Это те самые, да?! Те самые?!

— Да-да. Те самые, — приветливо улыбаясь в ответ, закивал Шимин Байинь.

У Чоу Юэсяо обильно потекли слюни, в то время как глаза закатились от экстаза. А еще она издавала не самые положенные звуки, от чего наблюдавший за ними У Ливэй скривился, как и его генерал.

Один Шимин Байинь простодушно давил улыбку своими бедными губами. Он был доволен как никогда, ведь его план удался.

— Что же, — быстро изменившись в лице, Чоу Юэсяо вытерла рот рукавом и, вытянувшись, поклонилась императору. — Раз его высочество счел, что эта служанка подойдет для того, чтобы разузнать о происшествии, Чоу Юэсяо вы-

полнит ваш наказ в мгновение ока, — она говорила с радостью и благоразумием, но стоило ей перестать клонить голову, как губы вновь искривились от похотливой улыбки. — А потом я вернусь и съем вкусные лепешки, которые мне приготовит сам братец Байинь! Хи-хи-хи! Ну, я пошла!

Не пошла, а буквально полетела. Стража, что стояла за расписными дверьми, перепугано взвилась, когда Чоу Юэсяо выбежала, раскрыв двери со всей силы под счастливые крики.

Они недоуменно смотрели ей вслед, как и важные персоны вместе с самим императором. Шимин Байинь, проводив девушку нестигаемой нежной улыбкой, сам поднялся с места и отвесив императору и генералу поклон.

— Что же, я тоже пойду. Нужно сходить на кухню и приготовить обещанное, — сказал он, и его никто не остановил.

Слепота — это страшный недуг, однако, родившись таким, Шимин Байинь за столько лет уже приноровился ко многим вещам и вполне мог вести жизнь зрячего человека. Конечно, неудобства были, и касались они в основном незнакомых ему мест, однако во дворце он знал всё и вся.

Даже готовить научился не хуже дворцовых поваров. На ощупь различал продукты, мог их очищать и резать, будь то мясо или овощи. Был мастером на все руки.

Потому ни Цайфу Чу, ни У Ливэй не стали ему препятствовать, а просто приняли его дело без лишних слов. Зная, что он и сам со всем справится.

Но лицо генерала было сморщенным и бледным не из-за его нефритового брата, а из-за девушки-служанки, томные вздохи которой все еще дербанили ему уши.

— Ты слишком разбаловал ее, Ливэй, — раздосадовано бросил он открытое обвинение императору.

Тот лишь обреченно вздохнул.

— Да, и теперь только и остается, что плоды пожинать, — смиренно сказал он, снова углубившись в документ.

Суншу Ичань сидел за столом в столовой своего дома, когда ощутил странный ветер, который прошел сквозь него, отчего то волосы дыбом встали. Он перепугано оглядывался по сторонам, но не похоже, чтобы других из дома Чжу это как-то затронула.

Все болтали, ели и ходили туда-сюда по своим делам, как и прежде. Это побеспокоило Суншу Ичаня, но он сел обратно за стол, решив, что у него от стресса просто все задергалось.

После того как он закончил с поручением господина Миншэна, он, уставший оттого, что бегал от дома к дому слуг, пришел, чтобы передохнуть в столовую, но сразу же вспомнил, как Юн Луляню наказали работать целый день и ничего не есть и не пить.

Очевидно, господин Миншэн, которого больше волновало качество новых людей в его доме, таким образом хотел

избавиться от неугодного ему юнца. И даже если Юн Лулянь каким-то образом переживет сегодня, то, скорее всего, господин Миншэн сделает то же самое и завтра, и на следующий день.

Такому же отношению отчасти изначально подвергался и сам Суншу Ичань, но когда он пришел в этот дом, здесь еще заправлял дядя господина Миншэна. Но потом его дядю, отца и деда казнили за пособничество южному королевству Нань Гун, ведь семья Миншэн была оттуда родом.

Самого Миншэна Чжэньли не тронули по просьбе его родни, которую уже приговорили к смерти. Он был маленьким ребенком и ничего не знал о деле своей семьи, а потому Смертный Дракон сжалился над ним и, более того, оставил во дворце, поручив заниматься домом Чжу.

Правда, от клейма потомка предателей его и благосклонность императора не защитила. Такой отвратный характер Миншэн Сен приобрел из-за того, что его шпыняли все кому не лень.

Конечно, это не оправдывает его отвратительных поступков и жестокого отношения к людям, но и те, кто знают о его прошлом, и возненавидеть не могут.

Суншу Ичань быстро поднялся в его глазах за свое трудолюбие, честность и отзывчивость, и спустя два года господин Миншэн стал относиться к нему гораздо благосклоннее.

Насколько было известно самому Суншу Ичаню, к господину Миншэну непредвзято и по-родному относятся дя-

дюшка Чэн, бабушка Цин и нынешняя управляющая дома Хризантемы, Сяохэ Минэ.

Вот только с последней он с малых лет соперничает, и вражда у них односторонняя, потому что госпожа Сяохэ славилась добрым нравом и небывалой красотой.

Юн Луляню и в самом деле было бы лучше попасть в Цзюйхуа Лоу Цзя. Уж там с ним обращались бы очень хорошо, учитывая, что госпожа Сяохэ в обиду бы его не дала.

А Суншу Ичань не знал, как помочь Юн Луляню. Воду бы он отнес в кувшине без проблем, но вот еда — это уже сложнее. Водой сыт не будешь. Не хотел он, чтобы его друг свалился в обморок прямо по дороге. Он искренне сочувствовал Юн Луляню и так же от всего сердца желал помочь.

Как бы сильно он не оправдывал и не уважал господина Миншэна, а поступать так с новеньким — это ужасно. Его учитель такому бы случиться не позволил. А Суншу Ичань чтит уроки своего наставника и сам бы скорее себе грудь мечом прорубил, но сомневаться в его учениях не стал бы ни за что.

Выйдя из столовой, он захватил с собой деревянную миску несколько шариков риса с начинкой внутри, вот только все еще не знал, как их незаметно пронести к Юн Луляню.

Пока он витал в мыслях, глядя на эти шарики, мимо него пробежал один из слуг в зеленых одеждах. Суншу Ичань с незаинтересованностью поднял глаза, как тут же заметил, что этот слуга подбежал не к кому иному, как к вышедшему

из-за угла господину Миншэну.

Тот с безразличием что-то расспрашивал, пока подбежавший парень пытался отдышаться, а Суншу Ичань, стараясь как можно незаметнее подойдя поближе, отчетливо услышал:

— Господин! Тот новенький мальчишка, что отпрыск богопоклонника, пропал!

На лице Миншэна Чжэньли, обдувавшего себя веером, и спрятавшегося Суншу Ичаня проступило одинаковое выражение удивления.

Вот только если парень потом забеспокоился о том, что могло случиться с Юн Лулянем, то господин Миншэн побагровел и явно рассвирепел. Он так сильно сжимал веер, что тот тревожно затрещал.

Другие не обращали на разговоры никакого внимания. Один только Суншу Ичань наострил уши, стараясь не пропустить ни слова.

— И его не нашли?! — прорычал он в веер.

— Господин. Мы всю дорогу прочистили, но нашли только брошеную метлу, — жалобно отчитывался слуга. — А все, кто проходил мимо, говорили, что никакого парня из дома Чжу и не видели там вовсе. А еще, — он припустил глаза, думая, говорить или нет, но после того, как Миншэн прочистил горло, заговорил. — Недавно прошлась силовая волна. И именно с восточной стороны, мой господин.

Глаза Миншэна Чжэньли раскрылись, и свет в них дрог-

нул. Суншу Ичань мало что понимал, однако мозаика стала потихоньку складываться в его голове.

— Восточная сторона, — прошептал он, и у самого по спине озноб пробежал. — Но там же...!

— Он бы не смог пройти через барьер, — полушепотом рассуждал Миншэн Чжэньли. — Для этого ведь нужны способности, за которые всех талантливых заклинателей и колдунов вырезали под чистую. А этот мальчишка просто сын поехавшего богопоклонника. Откуда у него?

— Господин Миншэн, — к нему склонился мужчина, что все время ходил за спиной. — Я слышал, что семья Юн поклонялась хэйаньским небожителям.

— Хэйаньские небожители?! — в ужасе воскликнул он, и тут люди, замолчав, обернулись на него. Миншэн Чжэньли сразу же стушевался и фальшиво закашлял, прикрылся веером, словно ничего не произошло. Разговоры и ходьба возобновились. — Но они же существовали только в сказках, — с ехидной ухмылкой. — Родня этого сопляка не больше чем мухи или слепни. Откуда им в роду взяться...

— А если все же он совершил слом? — тихо спросил второй за его спиной. — Мальчика-то найти нигде не могут. Он словно сквозь землю провалился.

— Гххх! — заскрипел зубами Миншэн, стукнув себя по лбу веером.

Выглядел он как человек, страдающий от сильной мигрени. Да еще бы тут мигрени не было. Голова и у самого Сун-

шу Ичаня разболелась так, что вот-вот треснет.

Не мог Юн Лулянь быть потомком хэйаньских небожителей! Суншу Ичань провел с ним чуть больше недели, но обычно те, кто являются гибридами людей и небесных существ, ярко выделяются, только если не были обучены подавлять свои силы.

А Юн Лулянь сам сказал, что в детстве не отличился магическим талантом, за что семья его и заклеила. И Суншу Ичань ему верил. Юн Лулянь самый обычный что ни на есть парень, что внешне, что характером. Его и среди толпы не заметишь.

Отдав тарелку с шариками проходившему мимо парню, Суншу Ичань, ничего не объяснив, побежал в противоположную сторону, чтобы не попасться господину Миншэну и его свите.

Нужно срочно найти Юн Луляня.

Примечание.

1. Обращение Шимин Байиня к Чоу Юэсяо.

А – обычно приставка "А" добавляется к именам детей или слуг. Так же это ласкательное обращение.

2. Хэйаньские небожители дословно переводятся как темные или мрачные небожители. (Просто автору такое описание показалось круче ##).

– hēi'àn – [хэй'ань] – тёмный, мрачный

Глава 14 - Наложницы

Сидя в обществе трех прекрасных, как райские птицы в весеннем саду, дам, Юн Лулянь не смел поднять головы, продолжая вдавливать лоб в пол до сильной боли. Ему было ужасно стыдно и неловко за произошедшее, хотя какая-то часть пыталась уговорить, что он невиновен.

— Эй, ты долго будешь молчать?! — возмущенно и яростно крикнула на него одна из девушек, которая с виду была моложе всех. — Не испытывая наше терпение!

Она сидела на коленях слева от Юн Луляня и уже пять минут буравила грозным взглядом, при этом неравно постукивая пальцем по предплечью и все время одергивая одетую ханьфу.

— Юноша, я думаю, ты и впрямь не в том положении, чтобы отмалчиваться, — сделала холоднокровное замечание вторая девушка по правую сторону.

Пусть и звучала она гораздо спокойней первой, в этом ровном и размеренном голосе Юн Лулянь уловил нешуточную угрозу на свой счет.

Словно к шее прижали лезвие меча. Юн Лулянь сглотнул, сжав мокрые ладони в кулак, однако головы по-прежнему не поднял и поджал губы, закусив их изнутри.

— Если мы будем ему угрожать, он ничего не скажет. Чи, Цзяо, будьте терпеливей, — проговорила самая старшая, на

что вторая цыкнула и гордо отворотила нос, выдав быстрое:
— Делай что хочешь, Цзуань!

Цзуань благодарно улыбнулась обеим и снова обратилась к сжавшемуся юноше.

— Как тебя зовут, мальчик? — приветливо спросила Цзуань.

— Юн Лулянь, — стеснительно ответил он, подняв голову и отводя глаза в сторону.

Улыбка Цзуань стала шире и добродушной, отчего парень заметно расслабился в плечах. И только Чи на пару с Цзяо смотрели на него пренебрежительно.

— Хорошо, Юн Лулянь, — не меняя материнского тона, продолжила Цзуань. — Расскажи, как так получилось, что ты свалился прямо с неба к нам?

Впервые он разрешил себе посмотреть на женщину перед собой без опаски. Одно Юн Лулянь понял точно: она не обманывает его, и вся ее теплота и вежливость была настоящей по отношению к такому, как он.

За всю свою жизнь ему приходилось сталкиваться в основном с отвращением, отчуждением и злобой по отношению к себе, потом Юн Лулянь отчетливо научился распознавать именно эти эмоции. Он сразу понимал, когда человек скрывал их за маской дружелюбия. Ибо с наглой и опасной лестью он также часто сталкивался. Особенно со стороны работорговцев или любителей юных мальчиков на вечерок-другой.

Улыбка Цзуань была простой, как утренний луч восходящего солнца, и такой же прекрасной, что глаз не отвести. Казалось, от ее улыбки могли распускаться самые ядовитые и капризные цветы.

И Юн Лулянь, стараясь правильно подбирать слова и придавать своему голосу неторопливости, рассказал, что с ним произошло. Как ему наказали ничего не есть и не пить во время уборки дороги, как он зашел в лес, а потом потерялся, и как он залез на дерево, а его что-то атаковало извне, и он свалился сам не зная куда.

Как только он замолчал, досказав, что сам ничего не понимает, золотоволосая Чи вскочила с места и сразу огрызнулась на него.

— Ложь! Наглая ложь! — с яростной гримасой на юном лице она указала пальцем прямо на Юн Луляня, от чего тот просто опешил. — В жизни не поверю, что ты не знал, куда падал! Да и падал ли на самом деле? — с издевательской улыбкой утончила Чи, смотря парню прямо в глаза. — А вдруг это всё часть какого-то плана, чтобы мы потеряли бдительность?

— Плана? — ошарашенно спросил Юн Лулянь, и ухмылка девушки стала еще ехидней.

— Ой, вот только не надо делать такой вид, словно сам не понимаешь, что говоришь, — высказала она, выпрямляя спину и выпятив плоскую грудь. — Еще скажи, что не знаешь, кто мы такие и куда ты типа невзначай упал. Хм! Не

поверю, — Чи заносчиво вздёрнула носом.

Молчаливая Цзяо бдительно наблюдала, держась пока в стороне. И только Цзуань укоризненно припустила уголки аккуратных бровей и рассерженно посмотрела на самодовольную девушку.

— Немедленно прекрати, Чи, — суровой осадилла она ее.

На миленьком круглом личике златовласой ярко отразилось непонимание, а потом так же резко и ярость.

— Сестра! Ты вообще на чьей стороне?! — сердито крикнув, она снова тыкнула в недоумевающего Юн Луляня. — Хочешь сказать, что веришь всему, что он сказал?!

— Одному я верю точно, — сдержанно сказала Цзуань. — Он слуга в этом дворце. И это можно доказать по его подвеске, — ее зрелый взгляд покосился в сторону листьев бамбука на поясе юноши. — Подделать одежду слуг из четырех благородных домов невозможно.

— Зато ее можно украсть, — как бы ненароком предположила долго молчавшая Цзяо.

Ощувив поддержку, Чи довольно заулыбалась.

— Так же неразумно, — покачала головой Цзуань. — Вы что, забыли, где мы находимся? — посмотрела она поочередно на своих подруг. — Думаете, император допустит, чтобы во дворец проник убийца? — на ее губах вновь заиграла тонкая улыбка. — Да и потом, убийца из этого мальчика так себе.

Юн Лулянь не знал, что ему сделать: поддержать слова

Цзуань по поводу своей невинности, учитывая, что она всё верно предъявляла, или продолжать отмалчиваться, что остальные девушки явно воспримут как что-то подозрительное.

Учитывая, что Чи и Цзяо особо не старались спорить с Цзуань, можно предположить, что она не только по возрасту их старше, но и пользуется явным авторитетом, раз они не особо-то её и перебивают.

Но еще его гложил другой вопрос: кто эти женщины такие, что считают себя целями наемных убийц?

Юн Лулянь думал, как подвести к этому вопросу, но его опередила всё ещё разгневанная Чи, в глазах которой пылал огонь феникса.

— Хорошо. Допустим, он и впрямь слуга дома Чжу Лоу Цзя, — она говорила куда сдержанней, чем раньше, вот только все еще плевалась ядом и смотрела на парня как на червя в комке грязи. — Но чтобы он не знал, кто мы такие...

— А, собственно, кто вы? — прямо спросил Юн Лулянь уже без былой скованности, чем удивил всех троих одновременно.

Он не думал, что поступил неправильно или неуважительно. Внутри себя Юн Лулянь уже трижды заколол себя мечом за такую поспешность и бессовестность, однако при этом ему стало легче от того, что многое прояснилось, раз он озвучил то, чего не понимал больше всего.

В тишине, в которой слышалось чириканье птиц и паде-

ние листьев о воду, Цзуань прижала пальцы к губам. Все это время равнодушная и скрытая Цзяо способно продемонстрировала ступор, а вот бойкая Чи тут же осела, не переставая в шоке глазеть на парня с раскрытым ртом.

«Ну, по крайней мере, на меня пока не кричат», — с облегчением подумал про себя Юн Лулянь.

— Ты что, — на одном дыхании начала Чи, все еще не придя в себя. — В самом деле не знаешь, к кому ты свалился?

Часто заморгав, Юн Лулянь, оторвав взгляд от Чи, повернулся к Цзуань, а потом и к бледной Цзяо, так же разомкнувшей губы, и потом обратно к Цзуань.

Все, что мог ответить им Юн Лулянь, было одно и донельзя простое:

— Не знаю.

Если уж горлопанка Чи осела, не в силах что-либо сказать, значит, Юн Лулянь в самом деле не понимал положения. Незнание, конечно, не освобождает от ответственности, однако поделаться уже было ничего нельзя.

Всем троим оставалось только принять такую вот реальность.

Быстрее всех в себя пришла Цзуань. Она прокашлялась в кулак и спросила:

— А сколько ты служишь во дворце?

— Эм, всего неделю, — честно выдал ответ Юн Лулянь.

— Я-ясно, — наморщив лоб, словно ей было тяжело, Цзу-

ань коснулась рукой лба и глубоко задумалась в явном напряжении. — Это многое объясняет, — все с таким же натянутым голосом она чему-то кивнула.

Цзяо, вновь став нелюдимой красавицей, покосилась в сторону, а девчушка Чи помрачнела, но не переставала смотреть в упор на Юн Луляня.

У того уже глаз дергался от удержания не посмотреть на нее в ответ. Он знал, что сделает он так, и вновь столкнется с тем еще ураганом эмоций от избалованной девицы.

Требовать от них ответа было бы очень грубо, потому Юн Лулянь терпеливо ждал, что кто-нибудь из этих девушек заговорит с ним сам. Большие всего надежды он возлагал на самую взрослую Цзуань.

Она была не только красива и умна, но еще не по-мерно добра, раз слушала Юн Луляня и вставала на его сторону, что сам парень, неспособный похвастаться столь частому по отношению к себе отношению, ценил больше всего.

Пока все трое, наверное, думали, Юн Лулянь понял, что они явно не служанки. Одежда слишком богатая, да и они не замарашки сами по себе. Их манеры и внешность на высшем уровне (не считая эмоциональную Чи).

А значит, они дамы из высшего общества. Но тогда почему они живут не во дворце, а где-то посреди леса? Обстановка этого двора была тоже не из бедных и ухоженной, но все же.

К чему такое уединение для столь прекрасных женщин?

Они были наказаны за что-то? Или впали в немилость императора?

— Хорошо, — с тяжестью в груди выдохнула Цзуань уже без улыбки. От того, что она так пронизательно и долго смотрела на Юн Луляня, ему стало не по себе. — Я верю, что ты ничего не знаешь, иначе бы твое дело было бы худо, — Цзуань говорила это довольно сухо, и на лбу юноши выступил пот. — Я старшая наложница нынешнего императора Цзуань родом из этого королевства. А они мои младшие сестры. Не кровные, но мы связаны более крепкими узами, чем родство, — ее рука элегантно указала влево. — Цзяо средняя наложница, привезенная из восточного королевства, ныне павшего, а Чи младшая наложница родом с запада. А место, где мы сейчас находимся, называется восточным двором Цзянь Юй Цзо.

Примечание.

1. Название восточного двора Цзянь Юй Цзо переводится так.

— jīàn yú zū — [цзянь юй цзо] — Золотая Рыба

Глава 15 - Тайна дворца

Помимо того, что перед ним, оказывается, были не кто иные, как наложницы самого императора, Юн Лулянь еще и со слов добросердечной Цзуань узнал, что это за двор такой Цзянь Юй Цзо.

Он, конечно, мало что разглядел после того, как свалился и попал в столь... неудобную ситуацию. Но если сравнивать место, в котором жила такая вот знать, то назвать его отдаленным захолустьем будет еще той милостью. Скорее всего, как и любой двор, он большой, но Юн Лулянь не чувствовал, чтобы здесь сновали личные служанки, евнухи или какая-либо прислуга для этих наложниц.

Вокруг был чистый лес и сплошная зелень, будто этот двор был давно заброшен и никак не обхаживался. В целом это место подходило для обычного человека из деревни, но не для столь элитных дам, которых должен посещать император.

И с каких пор наложниц всего три, и они живут так отдаленно, а не в самом дворце? Обычно девушки и женщины, которых император выбирает в наложницы, нужны либо для пополнения семьи, либо для укрепления политических связей. Пусть императрицами ни одна из них уже официально, скорее всего, не станут, учитывая, что жена у Смертного Дракона есть, но все-таки они играют немаловажную роль

как те, кто могут подарить императору наследника.

Значит ли это, что они из знатных родов? Однако фамилий ни одна не звала. Все, что стало понятно, это лишь то, что они родом из тех королевств, что пали в войне. По крайней мере, только двое из них. Учитывая, как в немилость пали люди из тех земель, скорее всего, это объясняет, почему младшая и средняя наложница так негативно настроены. В то время как старшая была благоразумна и рассудительно подобно матери.

Цзуань не без неодобрительных шепотков своих сестер объяснила юноше, что этот двор и впрямь раньше был частью дворца, и здесь содержались наложницы прошлого императора и их дети. Однако после трагедии двор Цзынь Юй Цзо забросили, так как все наложницы с детьми были убиты, а если кто и остался, их просто выгнали.

Пусть двор и был запятнан невинной кровью, советники тогда взошедшего на трон У Ливэя планировали его расширить и даже перестроить для новых девушек, которых будут набирать сразу, как только власть тогда юного мальчика укрепится.

Вот только У Ливэй брезговал этой идеей изначально. Он просто отказывался набирать себе гарем. Юн Лулянь прямо представил, какая паника накрыла с головой всех богатеев и чиновников, которые не могли представить своих дочерей ко двору, чтобы те имели шанс понести от императора и укрепить положение их семей.

Юн Лулянь не так любил подобные темы о наложницах и гаремах, хотя сам родился в семье, где до катастрофы царило изобилие и мир. В его глазах это было тоже рабство, только в каком-то извращенном понятии добровольное.

Отец У Ливэя, прошлый император, несмотря на ум и военные заслуги, был тем еще, как говорят, развратником, ходили слухи, что он и не брезговал даже детьми любых полов. Бывало, забирал к себе и простолюдинок, если такие ему попадались и он считал их симпатичными. И хоть были те, кто видел в этом возможность жить комфортно, были и такие, кто этого и близко не желал. А сказать нет императору было непозволительно.

Такая вот неприятная участь ждала тех, кто противился плотским желаниям главы Всемирия. Если так подумать, то похожая участь коснулась самой матери У Ливэя, которая не была из знатного рода, и конец которой был печальным.

Скорее всего, это и послужило причиной для У Ливэя не быть таким, как его похотливый отец. Однако как теперь не глянь, Юн Луляню действия Смертного Дракона казались странными и не объяснимыми.

Он взял в жены женщину, болевшую Грехом Погибели. У Хуньюй мало того, что неизлечимо больна такой страшной болезнью, при всем желании она и ни зачать, ни родить не сможет. По крайней мере здорового ребенка. Император распустил весь гарем, но у него на задворках дворца в прошлом дворе для множества наложниц есть три девушки, ко-

торых он содержит не подле себя, а вдали, будто они какие-то преступницы.

Не сказать, что за ними плохо ухаживают. Живут они не в такой помпезной роскоши, как полагает им статус, но и не в полном обеднении. Если они главные наложницы.

И учитывая, что их всего три, рядом нет ни одной фрейлины, которая бы отвечала за их удобства.

Юн Лулянь как можно незаметней повел глазами, оглядывая помещение, в котором было просторно и обстановка была ужасно простой. Ничего не указывает на то, что здесь могли быть дети.

Он, конечно, не знает, как сейчас по воле нынешнего императора поступают с детьми наложниц, но не похоже, что хоть одна либо ждет ребенка, либо уже смогла стать матерью.

Было отчасти ясно, почему император не торопиться с тем, чтобы заделать своей новой жене ребенка. Но вот на кой ему наложницы, если он и с ними не спит?

«Не мое это дело. Надо прекращать лезть туда, куда не звали», — покачал головой Юн Лулянь, желая поскорей убраться от всего этого бардака подальше.

— Юн Лулянь, — все так же трепетно к нему обратилась Цзуань, и юноша, раскрыв глаза, поднял на нее взгляд. — Причина, по которой мы так насторожены даже со слугами дворца, не только из-за того, — женщина сделала паузу и старалась подавить смешок, — неловкого случая с Чи.

Девчушка в золотых одеждах, поначалу удивленная, вмиг

раскраснелась и возмущенно завопила:

— Н-не смей об этом вспоминать!! Стыд какой! — Чи прикрыла алое лицо руками и села в кресло.

На ее в меру милое замечание Цзуань тихо посмеялась и своим привычным материнским успокоительным тоном попросила прощения.

Средняя наложница Цзяо в платье холодного цвета отошла в тень, лишь украдкой поглядывая на них. Она явно была любителем больше слушать, чем говорить. Что уже говорило о том, что дама явно не простая, а не просто интровертная.

Прочистив горло, Цзуань вновь вернулась к разговору с Юн Лулянем.

— Понимаешь, наше... правильной будет сказать, существование на территории дворца известно далеко не всем, — объясняла Цзуань, и тон ее голоса и взгляд стали уже более серьезными. — Конечно, общеизвестно, что у императора есть наложницы. Мы также присутствуем при банкетах и разных мероприятиях, но где мы большую часть жизни находимся, нигде не говориться. Обычно все думают, что нас скрывают где-то во дворце.

— А ничего, что ты ему это все рассказываешь? — холодно и грозно вклинилась в разговор со своим вопросом Цзяо.

Чи, уже отошедшая от смущения, сначала бросила на вопросившую обеспокоенный взгляд, а потом уже чутка нахмуренный — на Цзуань.

Казалось, по мимо общего положения, между этими тремя было куда больше тайн и загадок, чем казалось на первый взгляд. По крайней мере так подумалось Юн Луляню.

— Он уже знает про нас и про этот двор, — ответила Цзуань с теплой улыбкой. — И потом, — отвернувшись от своих сестер, она посмотрела юноше прямо в глаза. У Юн Луляня застыло дыхание, и не потому, что он был очарован ее красотой, а потому, что ему показалось, что его души словно коснулись. — У этого мальчика нет злого умысла. Я бы даже сказала, зло его самого преследовало настолько долго, что он отчетливо видит его в других.

Любое слово, какое можно было сказать, покинуло голову Юн Луляня. Цзуань говорила это все так же улыбаясь, и ему было комфортно, но при этом, когда он увидел ее глаза отчетливей, он понял, что... Своего отражения в них нет. Они пусты, но при этом полны чем-то, чего человеческим глазам просто не увидеть.

В радужке Цзуань, что была неподвижна, казалось, при этом пылала жизнью чего-то иного. Если смотреть дольше, можно было ощутить на вкус воздух или потрогать музыку.

Жизненный опыт? Нет. Чистый и добрый нрав? Отнюдь. То, что видит, слышит и чувствует Цзуань, далеко за пределами обычного человека. Так далеко, что проживи хоть сто полных лет, этого все равно не понять и не ощутить.

— Хаа. Делай что хочешь, — тяжело вздохнула Цзяо и отвернулась от них.

— Главное, чтобы Его Высочество нам потом лекции не читал.

Безразлично проговорила Чи, делая вид, что занята прической, которая не была так идеальна. То и дело поправляла шпильку, но та сползала к ее разочарованию.

— А у вас и впрямь не будет проблем, если вот так всё мне рассказывать? — неуверенно спросил Юн Лулянь у Цзуань.

На самом деле ему были интересны другие детали, и он, к своему стыду, больше волновался, как бы проблем не было у него самого.

Наложницам точно ничего не станется, они по факту больше жертвы его вторжения с небес, а вот какому-то парнишке прислуге так не повезет. Тем более он видел и трогал одну из дам императора, пока та была нагой.

«Хорошо, если голову прикажут отрубить», — со слезами подумал Юн Лулянь, всем сердцем не желая такого исхода.

— Не будет, — одним ласковым словом заверила его Цзуань. — Даже если что-то приукрасят, после я лично смогу убедить Его Высочество, что это всё большое недопонимание и несчастный случай.

— А вы можете сказать, что со мной вообще произошло? — торопливо спросил Юн Лулянь. — Я сам ничего не понял, да и не думаю, что в мои объяснения мне поверят, как вернусь.

— Это уж точно, — зловредно усмехнулась Чи, покачав

ногами.

— Люди, не сведущие в магических науках, не поймут, но те, кто в этом разбирается, тебя не обвинят, — дала невнятный ответ Цзяо, скрестив руки на груди.

Похоже, непонимание сильно отразилось на лице Юн Луляня, потому что разъяснить ему начала Цзуань.

— Ты попал в промежуток между магических барьеров, которые стоят вокруг дворца уже как целое тысячелетие. Раньше они просто отгоняли зло от мира императорской семьи, но после того как началась война с небожителями, сила в этом месте стала слабой и нестабильной. Ты случайно попал в воронку и совершил слом, когда падал.

— Хотите сказать, что когда я был в лесу, я был не... на территории дворца? — осторожно спрашивал Юн Лулянь.

Все три наложницы одновременно ему кивнули.

— Ты был посередине времени и пространства, — продолжала говорить Цзуань и, подняв обе руки, показала указательные и средние пальцы. — Представь, что мои пальцы — это барьеры, а пространство между ними — это середина, где время и события перемешиваются. Раньше, если пресечь эту черту, тебя просто возвращало на то место, откуда ты пришел. Но сейчас стоит попасть в эту воронку, как тебя может перебросить куда угодно, либо вообще застрянешь.

Глаза Юн Луляня раскрылись, а лицо прояснилось. Так вот почему, едва зайдя в лес, он не смог из него выбраться и найти дорогу обратно, хотя при этом он ушел не так далеко

от той тропы. Всё начинает обретать смысл, причем очень здравый.

Вот только...

— А почему во дворце действует магия, если император ее запретил? — решился спросить Юн Лулянь.

Поклонения богам, обучение самосовершенствованию, даже алтари были под строжайшим запретом. За это могут убить прямо на месте, ибо ничто не должно связывать людей с чем-то высшим. Даже разговоры об этом прилюдно сурово карались. Таков был указ императора, и люди после раскрытых тайн, что несла в себе семья У, это поддержали.

Теперь во Всемирии всё было только для людей, ради людей, и ничего больше. Богов выставили как посмешище, молитвы им — грязной бранью, а принимать их дары было скверне подобно. Любого, кто ослушивался, считали предателем своего истинного народа, потому клеймили и жестоко убивали.

— Слушай, ты же проезжал столицу перед тем, как попасть во дворец? — задала вопрос бойкая Чи.

Тон был все таким же дерзковатым, да и на детском личике не видно никакого дружелюбия. Ну неудивительно. Юн Лулянь и не думал, что она так быстро к нему потеплеет после случившегося.

— Да, проезжал, — кивнул Юн Лулянь.

Он не думал, что ему стоит особо говорить, и лишний раз убедился, потому что лицо Чи стало ему угрюмей.

— И ты ничего не заметил? — спросила она уже настойчивей и с раздражением. — Прямо совсем ничего даже после того, как попал во дворец Ван Ши?

— Ну, столица явно изменилась. Появилась куча разных деталей механизмов, и люди стали одеваться иначе, — перечислял Юн Лулянь, вспоминая, с какими странностями он столкнулся, пока ехал сюда.

— А то, что сам дворец и его территории остались неизменны, тебя не смутило?

«Смутило, конечно, но потом не до этого как-то было».

Если так сейчас подумать, Юн Лулянь заметил это еще тогда. Он будто попал в два разных мира. В столице всюду бушевала жизнь, воняло маслом, везде один стук и шипение пара. Он так и не понял, что это были за дековые вещи, животные, новая манера одеваться. В городе даже дышать было тяжело из-за той вони, что шла от больших зданий.

А вот здесь, именно во дворце, все осталось неизменным. Конечно, в этом месте он оказался впервые, и сравнивать не с чем, однако природа, строения, люди и сам дворец были такими, какими и должны быть. Здесь было приятно и легко дышать. Казалось, все и вся было пропитано божественным благословением.

«Стоп. Божественным?» — Глаза Юн Луляня дрогнули, а губы прикрылись.

— Вижу, ты кое-что наконец додумал, — высокомерно сказала Чи, заметив его реакцию. — Верно. Столица и дво-

рец — это разные миры, а все потому, что силы небожителей не уйдут из дворца окончательно даже по воле самого императора. Знаешь почему?

— Насколько я помню, первым членам семьи У этот дворец подарили сами боги. Они напитали земли и воды вокруг своей силой, чтобы род У смог жить в плодородии и здравии, — уверенно ответил Юн Лулянь.

— Именно, — кивнула Чи. — Столицу построили люди, и то лишь спустя двести лет после возведения самого дворца богами. И легенда про силу небожителей в этом месте — далеко не сказка. Деревья здесь меняются от сезона к сезону, но никогда не увядают, озера и пруды чисты до такой степени, что из них можно спокойно пить, земля всегда плодородна, что ни посади, животные и птицы не умирают от старости и болезней. Само время здесь не работает, как положено за пределами дворца.

— Ты сюда только прибыл, потому и не замечаешь, — поддержала разговор Цзяо. — Хотя даже людям, которые здесь давно, все равно не дано увидеть.

Когда Юн Лулянь поднял на нее взгляд, то заметил, что эта дама смотрит куда-то в сторону, и в ее глазах там много тоски, пусть голос и оставался равнодушным.

— Как по мне, такие чудеса к людям все равно не относятся, — легко сказала Цзуань, прикрыв глаза. — Люди, неважно какого статуса, уже как тысячелетия рождаются, стареют и умирают каждый по-своему. Люди и чудеса просто несо-

местимы по всем законам.

Непонятно, к чему она это все ведет. Они намекнули ему, что император, как и всего его предки, не такие уж и хозяйева этого дворца. Его создали боги, и подарили тоже боги, в то время как столица — дело рук людей.

У Ливэй ненавидит богов и магию, но при этом в своем родном доме живет с ней бок о бок. Для не знающего это все выглядит крайне лицемерно, однако если сравнить столицу и дворец, все станет ясно.

Император переделал столицу на свой манер и прихоть. Стражник сказал, что всю эту новую науку он заставил народ принять. Не сказать, что те люди, которых видел Юн Лулянь на улицах, были чем-то недовольны, но видел он лишь малую часть той новой жизни, потому и не спешил судить, хорошо ли людям или плохо.

В столице построенной людьми, хозяин изначально сам человек. Но там, где руку приложило высшее существо, человеку места нет. Точнее, прав никаких не предвиделось изначально.

— Значит, здесь и впрямь все неизменно? — тихо спросил юноша.

— Да. Но, как и говорилось раньше, людей это не коснулось, — с ласковой улыбкой ответила ему Цзуань. — Когда началась перестройка столицы, император, несмотря на все объяснения приближенных, приказал переделать и сам дворец. Однако... Сколько бы лесов вокруг они не вырубали,

сколько бы не осушили озер и не убивали животных, все возвращалось в изначальное состояние.

— Его Высочество тогда мальчишкой был, — подала голос Цзяо. — Когда он увидел, что труды не приносят результатов, то чуть не приказал казнить всех рабочих, думая, что они ленятся и лгут ему. Однако когда сам срубил сосну и вернулся через пару часов на то же место, то своими глазами увидел, что дерево было прежним.

— Дааа. Он долго бесился, что не мог ничего сделать, — поддержала беседу Чи. — Потом лишь узнал, что пока жив хоть один небожитель, дворец будет стоять, сколько его ни руши. Это лишь показывает, что человек перед ними ничто.

И представить не сложно, как его это всё бесило. Но сейчас император повзрослел и стал более сдержанным. Раз он до сих пор ведет войну с небожителями, значит рассчитывает в будущем окончательно покончить с ними и их влиянием.

— Ну что-то мы заболтались, — сказала Цзуань и поднялась с шикарного кресла. Шурша длинным ханьфу, она подошла к Юн Луляню, что продолжал сидеть коленями на голом полу. — Тебя, скорее всего, искать скоро будут. Поэтому мы выведем тебя отсюда, но дорогу в этот двор тебе придется забыть. И еще. Не рассказывай никому, о чем мы болтали, — попросила она, приложив палец к накрашенным губам. — Это не преступление, но у тебя могут быть проблемы. Мы же этого не хотим, верно?

На ее подмигивание Юн Лулянь вяло улыбнулся. Он рад,

что ситуация решилась в его пользу и никому за это не попадет.

Просто юноша еще не знал, какую шумиху он поднял и что по сравнению с ней его нынешние проблемы — это ничто.

Глава 16 - Напряжение нарастает

— Ещё раз большое вам спасибо за то, что помогли разобраться и вывели ко дворцу, — от всей души поблагодарил Юн Лулянь, поклонившись перед наложницами.

Самая старшая Цзуань наградила его материнской улыбкой и мило сомкнула глаза. Средняя Цзяо хмыкнула, показала безразличное выражение, но спустя кивок головы приняла благодарность. И самая младшая Чи брезгливо скривила губы, заносчиво пробормотав: «Ну а как будто могло быть иначе!».

Он был удивлен, что его решили сопроводить все три наложницы, учитывая, какая у них власть и статус при дворе. При этом, когда они покинули их двор Цзянь Юй Цзо, он думал, что идти они будут не меньше десяти минут, но это заняло от силы пять. Пройдя по тропе через небольшие посадки густого бамбука, они свернули к озеру, где плескались золотые рыбы, и пройдя через арку из белого камня, обвешанную веревкой с колокольчиками, оказались уже у той самой тропы, которая была похожа на ту, на которой убирался Юн Лулянь.

Когда он вытянулся и огляделся, то понял, что здесь до дворца ближе, чем кажется, но рядом нет других дворов и людей. Судя по звуку водопада, ближайшими местами могут быть либо сады, либо отдаленные участки дворца.

Почему такие важные дамы, любимицы императора, живут не в самом дворце, а вдали от него? Это не катастрофически далеко, но все же... Вот захочется Его Величеству стресс снять, так идти бог знает куда.

По соображениям Юн Луляня, что-то здесь не клеится, как ни смотри. Однако за день уже так много всего с ним произошло, что он просто решил не думать и махнуть рукой.

Неважно, какова причина. Это уже личная жизнь самого императора. Лезть в нее не стоило, учитывая, что это просто любопытство жалкой прислуги, которому позволили здесь остаться и вести размеренную жизнь.

— С тобой точно все будет в порядке? — любезно спросила Цзуань с нотками беспокойства. — Может, стоит тебя проводить до самого дворца?

— А! Нет! Спасибо, это лишнее! — покачал головой Юн Лулянь и поднял руки, помахивая раскрытыми ладонями. — Вы и так для меня многое сделали. Не может этот жалкий слуга позволить себе еще больше наглости.

Хотя в глубине души его мучило странное беспокойство. Он не знал, заметили ли его пропажу и не случилось ли чего. Если тот злобный дядька узнает, что его нет на рабочем месте... Мало этого, так он невольно бросил хмурый взгляд на младшую наложницу в желтом платье.

Она выглядела на лет четырнадцать, пусть ее детское очаровательное лицо и было под слоем косметики. То, что он видел лишь часть ее наготы, не вызвало у Юн Луляня особых

чувств, вот только эта Чи наложница. Если так подумать, то вкусы у императора весьма... Разносторонние.

Заметив, что он на нее поглядывает, Чи поначалу удивленно наклонила голову набок, а потом, восторженно, раскраснелась и обняла себя руками.

— Ч-чего пялишься?! — возмущенно крикнула она, краснея вся больше и гримасничая. — И-извращенец! Не смей даже вспоминать о том, что видел!

Прижав руку к сердцу, Юн Лулянь ответил со всей серьезностью:

— Не волнуйтесь. Меня привлекают только зрелые женщины. Дети вроде вас не в моем вкусе. Смотреть все равно было не на что.

Чи тут же замолчала, с шоком уставившись на него. От чего-то ее глаз часто дергался. Цзуань, услышав это, прижав рукав платья к губам, тихо рассмеялась, а Цзяо, заломив брови, изнеможенно вздохнула.

Юн Лулянь при всей сообразительности не понял, что сказал не самую приятную вещь. Потому что лицо Чи из бледного и изумленного быстро перешло в красное от гнева.

Значит, невольно задел тем, что оскорбил несформированность тела? Но разве детей это волнует? Или, может... Она уже вкусила взрослое наслаждение с императором и потому в мыслях считает себя взрослой женщиной наравне с Цзуань и Цзяо?

— Что значит «не на что»?! — заорала оскорбленная Чи

так, что челка Юн Луляня отлетела в сторону. — Ты забыл, с кем разговариваешь?! Я кто, по-твоему, такая?! Да ты хоть знаешь, сколько мне... Уу!

— Ну всё, достаточно, — приструнила ее Цзуань, прижав свою ладонь ко рту взбалмошной девчонки. Удивленная Чи пыталась что-то промычать, но добросердечная улыбка женщины не сходила с привлекательного лица. — Чи, ты болтаешь больше положенного.

Цзяо с тем же невыразительным видом подошла к Чи и взяла ее под мышки, оттащив в сторону. Девочка надула губы и недовольно мычала, однако больше не кричала.

— Что же, Юн Лулянь, была очень рада с тобой познакомиться.

От ее приятного запаха и солнечной улыбки парнишка чуть сам не растаял.

— Мне тоже, госпожа Цзуань.

— Хе-хе. Можно просто Цзуань, — со смешком попросила она. — А я тебя буду звать А-Лянь.

Юн Лулянь активно закачал головой, на что дама еще больше засмеялась. Если кто-то услышит, как простая прислуга называет наложницу императора без должного уважения, казнь в этот же день официально подписана.

И почему в его имени все время пропускают первый иероглиф? Вообще-то его имя тонко взаимно связано, если знать значение.

Но попрекать наложницу себе дороже. Еще раз поклонив-

шлись им и поблагодарив, он собирался идти, как тут их компанию окликнул громкий и властный выкрик:

— Всем стоять на месте! Я капитан Сторожевых Башен Цайфу Цзюэ! — перед ними гордо выступила молодая девушка, ровесница Юн Луляня. На ней была военная форма, а ростом, телосложением и хрипловатым голосом она отдаленно напоминала больше юношу. — На этой части дворца произошел магический слом! Кто-то осмелился сотворить магию на императорской земле! Властью, что мне дали, я имею право зарубить смельчака прямо на месте!

— К-капитан, — робко позвал ее парень, стоя за спиной, пока остальные ровно стояли, не реагируя без разрешения. — Здесь только слуга дома Чжу Лао Дзя и наложницы его Высочества. Поумерьте пыл.

Цайфу Цзюэ бросила на подчиненного короткий, но суровый взгляд, отчего тот взвизгнул. Потом угрюмо, опустив черные брови, уставилась на женщин и Юн Луляня. Опустив руку с рукояти меча не без видимой досады, она цыкнула языком и направилась прямо к ним.

— Имя! — четко спросила она, глядя на Юн Луляня горящим взглядом. Девушка была ниже юноши, но сила ее голоса и взора буквально давила.

Парень понял, что если не ответить, станет хуже.

— Юн Лулянь, — дал он ответ, стараясь говорить ровно. — Я прислуга из дома Чжу Лао Дзя.

Цайфу Цзюэ прищурилась, отчего тень челки придала ее

и так не мягкому взгляду еще большего утешения.

— Я тебя впервые вижу, — процедила она не без подозрения. — Хотя, судя по форме и подвеске, ты мне не врешь.

— Я только начал обучаться. Мой старший Лао Ичань. То есть! Суншу Ичань. Может за меня поручиться. Обратитесь в дом Чжу Лао Дзя.

По крайней мере, он на это всем сердцем надеялся. Видно, что эта девушка очень опасна в своей горячей страсти, которая тонко граничит с агрессией и силой. Есть вероятность, что садизм ее стороной тоже не обошел.

— Без тебя знаю! — вновь повысила она голос, и юноша, дернувшись, зажмурился. — Мы все проверим. Уж не сомневайся, — в мстительной манере пообещала Цайфу Цзюэ, хмыкнув. — А что касается вас, — столь грубое обращение было брошено трем наложницам. — Мне казалось, Его Высочество запретил вам расхаживать за территориями двора Цзянь Юй Цзо. Еще и в компании какого мальчишки. Вы, может, женщины и высокого положения, но законы для всех едины.

Наложницы заметно напряглись и помрачнели. На страх не похоже, а скорее на то, что их оскорбили. Вперед выступила Цзуань, строго смотря на девушку.

— При всем уважении, капитан. Наше положение и права вас не касаются, — высказала она, став совершенно другим человеком. Если Цайфу Цзюэ внушала страх угрозами, то Цзуань делала это без особых намеков на злость. Чистая ле-

дяная ярость, прикрытая шелком голоса. — Былые времена, когда наложницы на поводке сидели, прошли. Его Высочество необычно добр к нам и позволяет гулять где угодно и с кем угодно. Не вам указывать нам, что делать.

— Вот именно! — громко поддержала Чи. — Мы сами разберемся, что нам делать. Так что не указывай рыбе, куда ей плыть!

— Если у вас нет уважительной причины, то здесь только вы нарушаете порядок, — сделала равнодушное замечание Цзяо.

Рот Цайфу Цзюэ оскорбленно осклабился, на лбу выступили вены, и было видно, что она едва терпит, чтобы не заржать в ответ, пока наложницы сверлили ее неприятельскими взглядами.

Юн Лулянь, стоявший между ними, прям-таки ощущал эти волны враждебности. Напомнило ситуацию между Чоу Юэсяо и императрицей У Хуньюй.

Женщины воистину жуткие создания, раз могут вызывать страх одними только глазами.

Похоже, те, кто пришел сюда с Цайфу Цзюэ, тоже стояли, не зная, что делать. Особенно больше всех мучился юноша, с виду у которого уже от стресса началось несварение.

Ситуация обострилась, когда эта девка начала опускать руку на рукоять меча. Юн Лулянь уже тоже дернулся, понимая, что нужно что-то сделать.

Но неожиданно протрубил новый крик:

— Он здесь! Мы нашли его! Сюда!

Все удивленно повернули головы в ту сторону. Это был один из людей главы дома Чжу Лао Цзя, что ходил за ним по пятам. Юн Лулянь сразу его узнал. А потом...

— Вот черт, — прошептал он, сжав голову в плечи, когда следом вышел сам разъярённый демон во плоти.

Миншэн Чжэньли, запыхавшийся, весь красный, со сбившейся причёской, быстро и грозно зашагал прямо на него. Его свита торопливо пыталась поправить ему волосы и одежду, но никак не могли из-за скорости шага.

— Ах ты поганец, — прорычал он, сжимая в руке дорожный веер. У Юн Луляня от его вида поджилки затряслись. — Ну я тебе устрою, выродок с окраин! Думаешь, можешь просто свалить, оставив работу?! Ты думаешь, я закрою глаза на то, что ты опозорил мой дом?! — Он был настолько взбешен, что не обратил никакого внимания ни на юного капитана Цайфу Цзюэ, ни на наложниц, да и на свой внешний вид. Едва он достиг ошарашенного юноши, как тут же замахнулся рукой, в которой держал веер. — Такая ничтожная собака даже смертью свою вину не искупит!

Осознавая, какую боль он сейчас испытывает, Юн Лулянь при всём ужасе не стал прятаться или убегать, а лишь крепко зажмурился, сжимая кулаки.

— Подождите минуту! — Словно лучик солнца, пробившийся из-за обильных туч, ситуацию спасла закрывшая собой парня Цзуань.

Она заслонила его собой и раскрыла руки, сердито смотря остолбеневшему Миншэну Чжэньли прямо в глаза. Крепкая мужская рука сверху застыла в нескольких сантиметрах от её головы.

— А! Вы, — изумился Миншэн Чжэньли, быстро убрав руку и отойдя на пару шагов.

Цзуань же всё так же решительно зыркала на него. А Юн Лулян с неведением смотрел ей в затылок. Чи и Цзяо тоже прикрыли рты.

— На каком основании вы хотели ударить мальчика? — спросила она прямо.

Было видно, что глава дома Чжу Лао Цзя заметно растерялся. Он чуть не ударил наложницу. Да за такой проступок моментальная смерть — это наидобрейшее наказание.

— Но он же, — Миншэн Чжэньли сразу же поубавил пыл и остыл в лице под взором старшей наложницы. Его люди позади убрали руки в рукава и склонили головы, пока сам глава дома метался глазами из стороны в сторону. — Гхх! Прошу простить, если чем-то оскорбил вас, но мне нужен этот юноша, чтобы преподать ему урок.

После того как мужчина прочистил горло, его тон стал прежним, а вид, при всей расхристанности, собранным. Он больше не заикался и не боялся. Ну, по крайней мере, так казалось на первый взгляд.

— Урок? — с подозрением спросила Цзуань, опуская рукава. — Что ещё за уроки такие в вашем доме, что вы готовы

избить ещё ничему необученного мальчика?

Губы Миншэна Чжэньли заметно напряглись.

— Боюсь, это уже не вам решать. Я глава дома Чжу Лао Цзя. Дома самых элитных, грамотных и одарённых слуг, чья репутация оказалась под угрозой из-за одного выходца с окраин.

Юн Лулянь едва заметно дернул плечами, когда концом веера указали на него. Он пытался выглядеть непринуждённо, потому что считал, что не виноват в том, что произошло.

Если он попытается объяснить ситуацию, его, скорее всего, заткнут или ударят. Ему было приятно, что наложница Цзуань за него заступилась, однако стыд для мужчины — прятаться за спиной женщины.

— Ну-ка подождите, — в разговор вклинилась сама Цайфу Цзюэ. Оглядев всех нахмуренным взглядом, она ещё сильнее свела концы бровей на переносице. — Я сюда прибыла с целью узнать, кто совершил слом! Уверена, во дворце император и его братья уже в курсе! Вы знаете, что магия и всё ей подобное под строжайшим запретом! Кто совершил слом!?! Если не признаетесь, заберу под арест всех!

— Капитан, прошу, будьте терпеливей, — несмело попросил юноша, но воинственная дева на него не обратила ни малейшего внимания.

— Очевидно, что это его рук дело! — воинственно воскликнул Миншэн Чжэньли, еще раз тыкнув в сторону Юн Луляна. — Я про тебя уже наслышан, отребье богопоклон-

ника. Не бусь прибыл во дворец, чтобы отомстить за братьев, которых казнили за измену императорской власти. Ведь твое мерзкое семейство веками поклонялось хэйаньским небожителям!

— Так значит, ты из семьи Юн? — спросила Цайфу Цзюэ с коварной улыбкой, от которой у Юн Луляня мороз по коже пошел. — Вот оно что. Это многое объясняет. Значит, ты совершил слом, да? А с виду такой невинный и послушный. Думаю, нам стоит поговорить в другом месте, — проговорила она, положив руку на рукоять меча. — Сам пойдешь или помочь?

— П-подождите! — взволнованно выдал Юн Лулянь, отойдя на пару шагов. — Признаю, слом произошел по моей вине, но я не в этом виноват! Я даже не знал об этих барьерах вокруг дворца! Это случайность!

Миншэн Чжэньли ликующе усмехнулся.

— Ну да. Случайность. То-то ты мне сразу не понравился. Советую в карательную идти добровольно, если раскаиваешься. Уж там из тебя выбьют всё, что нужно.

Дела складывались очень скверно. Если он сейчас не докажет или не объяснится, эта девка, у которой в глазах уже плескалась жажда крови, не даст ему и пары шагов больше сделать. Ему только-только удалось устаканиться в новой жизни, и тут снова это!

— Я этого не допущу, — вновь прозвучал мелодичный, но при этом властный и сильный голос Цзуань, что встала

прямо перед Цайфу Цзюэ, отчего девушка скривилась. — Вы не имеете права забирать его, пока вина не доказана.

У Юн Луляня чуть не навернулись слезы от того, как за него опять вступились. Миншэн Чжэньли сморщился, явно раздосадованный таким ходом. А видя, как Цзюэ и Чи встали рядом с ней с серьезными лицами, он, не сдерживаясь, цыкнул.

— Значит, и наложницам императора мозги промыл? — ехидно спросил он. — Ты коварная крыса. Да с тобой не разговаривать надо, а казнить на месте.

— Нет! Я такого при всем желании бы не смог! — обескуражено крикнул в ответ Юн Лулянь, но его наградили очередным неприятным смешком.

— Могу заверить вас, господин Миншэн, мозги нам никто не промыл, — решительно заверила его Цзуань. — И мальчик ни в чем не виноват. Он сказал правду, что слом случился из-за него, но вины его в этом нет.

Глава дома тут же растерял всю дерзость, смотря на женщину как на векового врага.

— Это вы к чему клоните?

— А это надо уже у вас спрашивать, — нахально выступила Чи. — Это надо же, что себе позволяет глава столь... Как вы там сказали? Самого элитного и одаренного дома слуг? Ха! Смехота!

— Вы это о чем? — процедил Миншэн Чжэньли, едва сдерживаясь.

— О том, что вы морите голодом и жаждой тех, за кого в ответе, — без особого интереса закончила Цзюэ, смотря куда-то в сторону. — Мало того, что ничего не объяснили бедному парню, так еще и издеваетесь. И кто тут после этого коварная крыса?

Глава дома заметно стал то краснеть, то бледнеть. Ему явно хотелось обругать знатных дам, но именно потому, что они любимицы императора, он не имел на это права, и они трое это прекрасно знали.

Очевидно, что законы во дворце и на его территориях уже не те, что были раньше. Только поэтому вся эта странная компания могла вести такие открытые дискуссии.

За Юн Луляня вступились сами наложницы, чего он просто никак не ожидал, думая, что они предпочтут сделать вид, что их это не касается. Однако люди они очень хорошие, и несмотря на все неудобство, что он им создал, они не держали зла на него. Пусть времена и правила изменились, все же Цзуань, Цзюэ и Чи выше рангом. Идти против их слов и желаний бессмысленно.

— Надо же~! А что это здесь такое происходит~?

Все нервно вздрогнув не сразу, но обернулись на этот нежный голос, игриво тянущий слова, будто дразня. Это была девушка в одежде служанки, которая порхала на ее теле, как крыло бабочки. На круглом лице была самая красивая улыбка, однако в зеленых глазах ее не было вовсе.

Глава 17 - Вкусная развязка

— Мне объяснят, что же здесь происходит?

Одно ясно точно: личная служанка императора, Чоу Юэсяо, явно не в духе.

Уже при первом взгляде на столь слабое, но обаятельное создание, Юн Лулянь понял, что перед ними истинный эталон прекрасной, неуловимой юности, но при этом и одаренный смертоносным коварством.

Милое белое, почти без намека на косметику, лицо Чоу Юэсяо было все таким же сияющим и манящим. Увидь ее юноша впервые, ничего бы и не заметил и совершил бы страшную ошибку. За мягкой улыбкой блестящих губ, что не дрогнула бы даже при смертельном ранении, скрывался клубок ядовитых, озлобленных змей.

Глаза с золотыми крапинками ничего не отражали. Буквально. Каких-либо эмоций Юн Лулянь не видел вообще. Ее взгляд, как мрачная прорубь, нырнув в которую живым уже не выберешься.

При каждом ее размеренном, легком движении одежды потряхивало, заколки в волосах звенели, а в аккуратно убранных чистых волосах играл солнечный свет.

Убрав руки в широкие рукава своего дорого для служанки ханьфу и держа их на уровне груди, Чоу Юэсяо остановилась перед компанией, умело держа дистанцию в несколько

шагов.

Юн Лулянь невольно оглядел присутствующих и краем глаза четко заметил, что опущенные руки Миншэна Чжэньли тряслись, как при горячке, хотя его лик стал бледным и очень угрюмым. Он кусал губы и смотрел на девушку как-то неопределенно.

Это было похоже на страх, но и при этом он явно был готов бросить ей вызов. Если Юн Лулянь правильно помнил, Лао Ичань как-то вскользь упомянул, что глава дома Чжу Лао Дзя на дух не переносит личную служанку самого императора по какой-то особой лично для него причине. А так как парень привык в окружении людей больше слушать, чем показывает, из разговора других слуг он понял, что Чоу Юэсяо не только один дядька и Лао Ичань остерегаются.

Правда, ему еще толком не ясно, что такого сделала Чоу Юэсяо. Тот факт, что у нее больше власти, не опровергнешь. Уже для многих тягаться с ней буквально не по силам. Но Юн Луляню эта девушка не казалась таким извергом, который при нотке плохого настроения сразу же будет изводить любого, на кого глаз не так ляжет.

Если она и вправду с кем-то так поступала, значит была причина.

По крайней мере, Юн Луляню хотелось в это верить. Ведь не будет такая девушка, которая уже больше по статусу в принцессы годится, выросшая в замке при всех удобствах, так еще и под опекой Смертного Дракона, так мило и друже-

любно себя вести с нищим, жалким оборванцем из дальних земель. Тем более она знала о его родословной.

— Так-так-так, — растягивала слова Чоу Юэсяо, оглядывая всех по очереди скользким взглядом. — А я-то думала, что здесь за сборище собралось. Ожидало всего, но никак не... этого. — На Цайфу Цзюэ и Миншэна Чжэньли ее взор прошелся безразлично, так обычно смотрят на что-то надоевшее до боли в костях. А вот на Юн Луляня и наложницах ее большие глаза аж просияли, как огроненне изумруды. — О! А-Лянь! И ты здесь?! Значит, мой нюх не подвел меня на твой счет! — Лицо Юн Луляня озадачено поблекло, на что девушка прыснула и помахала тонкой рукой. — Ой, не бери в голову! Я просто уже знала, что с тобой скучно не будет, но кто же знал, что и месяца толком не пройдет, а ты уже во что-то влип. Так держать!

— Спасибо... Наверное, — неуверенно проговорил Юн Лулянь, не понимая, расценивать ли это как похвалу или издевку.

Чоу Юэсяо мягко посмеялась, а потом, переключив внимание на трех наложниц, неожиданно избавилась от этой неуместной легкомысленности и, вновь убрав руки в рукава, сделала плавный поклон головой. Все трое ответили ей тем же.

— Уж не догадалась бы я, что три золотые рыбки покинут аквариум, чтобы переплыть через ручей к реке, — сказала Чоу Юэсяо наложницам. — Решили прогуляться?

— И тебе доброго дня, Чоу Юэсяо, — добродушно ответила Цзуань, пока Цзяо и Чи отмалчивались за ее спиной после ответных поклонов. — Да. Много всего случилось за это время. Мы удивлены не меньше.

Улыбка девушки-служанки отчего-то стала напряженной, когда она наклонила голову набок.

— А на вопросы отвечать вы все так же прямо не любите, госпожа Цзуань, — подметила Чоу Юэсяо, и от ее приятного голоса плечи Юн Луляня невольно дрогнули.

Цзуань, прижав кончики пальцев к губам, без проблем тихо рассмеялась на такую провокацию.

— Уж извини эту старую леди. Я не привыкла отвечать взаимностью тем, от кого ее не получаю сама.

— Так ли это? — продолжала наседать Чоу Юэсяо.

От их «дружелюбия» друг к другу мороз по коже.

— Если ты так волнуешься, что мы нарушим правила, то можешь расслабиться, — спокойно высказала Цзяо. На ее строгом лице прежняя холодность, как и в голосе. — Мы здесь не потому, что захотели, чтобы ты знала.

— И потом! Его Высочество не ограничивал нас в передвижении! — громко и дерзко напомнила невысокая куклоподобная Чи, уперев руки в бока, со своей привычкой задирать нос. — Так что жаловаться императору — бессмысленная трата времени!

— Спасибо. Но я сама решу, что для меня пустая трата времени, — ее тон был мягким и чувственным, как персик,

только вот такое чувство, будто лицо в ледяную воду опустили. Заметив, что остальные хранят молчание, она с улыбкой, что так плохо скрывала ее истинное настроение, спросила: — Никто не желает сказать мне, что здесь происходит? Я прибыла сюда чисто по просьбе императора и не желаю тратить свое время на эту ерунду. Поэтому, если ничего серьезного, я предпочту уйти. Итак?

Итак, вся информация передалась из уст старшей наложницы, госпожи Цзуань. Ни глава дома Чжу Лао Цзя, ни капитан стражи, носившая фамилию Цайфу, не проронили ни слова и даже открыто показывали пренебрежения, а Юн Лулянь, ставший жертвой этой драмы, не знал, чего для себя ожидать.

Как ни глянь, ситуация в его пользу не выигрышная. А еще, если Миншэн Чжэньли свой рот откроет и начнет засыпывать обвинениями, как до этого, парень понимает, что выкрутиться будет еще сложнее.

Этой девушке, что была капитаном, нужно лишь узнать, кто виноват, и разобраться, чтобы поддержать безопасность дворца и его дворов, поэтому она пока лишь слушала, пусть ее вид и был вызывающе высокомерным, пока парнишка, стоявший за ней, мялся, смотря на всех подряд.

Другие наложницы тоже предпочитали молчать, давая право голоса старшей сестре. Когда рассказ подошел к концу, Цзуань спросила у Юн Луляня подтверждения ее слов. Парень, опустив глаза, кивнул.

— Да. Так и было.

Дама в фиолетовых нарядах сделала короткий кивок головой и одарила его улыбкой.

— Такая вот ситуация, Чоу Юэсяо, — сказала она служанке. — Мальчик ни в чем не виноват.

А вот Чоу Юэсяо... Честно, Юн Лулянь передернуло от того, как та улыбалась. Еще и глаза прикрыла. В целом выглядело слишком мило, но чертовки наигранно.

«Она что, еще сильнее разозлилась?— начинал паниковать Юн Лулянь, потому смертоносная улыбка была обращена ему. — Это я виноват, по ее мнению? Меня казнят? Изгонят? Что мне делать-то?!»

— Я вас поняла, — кротко выдохнула девушка. — Теперь мне ясно, что я трачу свое бесценное время на сущую ерунду, — с каждым ее ласковым словом становилось не по себе. Юн Лулянь прям чувствовал, как ему в рот наливают яд. — Кхх. Тогда начнем с вас, капитан, — обратилась она к другой девушке, и та нахмурилась с прежним гордым видом, держа руку на рукояти меча. Кого-то она Юн Луляню уж прям сильно напоминала. — Как вы видите, ситуация просто не стоит нашего внимания. Мне это неинтересно, а потому прошу вас пойти лично в кабинет Его Высочества и отчитаться от моего имени.

Едва ее последние слова сорвались с губ, как Миншэн сначала был изумлен, потом нервно дернулся, прикрыл рот, но тут же застыл с гримасой, сжимая руки в кулаки и скрипя

зубами. Похоже, тактичное молчание долго не продержится.

Цайфу Цзюэ, услышав просьбу служанки, также растерялась и сразу помрачнела. Юн Лулянь думал, что она начнет кричать, как при первом появлении, однако та либо сдерживалась, либо хорошо понимала, с кем разговаривает.

— Но, — капитан сбилась, отвела глаза в сторону, а потом вновь заговорила. — Я не считаю, что эту ситуацию можно спускать на самотек! Ведь нет ни в чем уверенности! И разве император не дал понять, что любого, кто проявляет магию или что-то вроде нее, нужно схватить, а там...

— Ты что, не слышала, что тебе говорили, причем уже два раза? — вежливо спросила Чоу Юэся, приподнятые уголки губ заметно дернулись. — Твоя задача как капитана сторожевых башен — разузнать причину, и ты ее услышала. Более от тебя ничего здесь не требуется. Так что выполняй, что велют. Не заставляй императора томиться в ожидании.

— И все же, — не сдавалась Цайфу Цзюэ. — Мой долг...

— О, точно! Совсем забыла, — вновь перебила Чоу Юэся. Она и наигранности уже не скрывает. — Сейчас с его высочеством в одной комнате находится сам генерал Цайфу Чу.

От одного упоминания генерала лицо боевой девы застыло и тут же побелело.

— Что? Б-брат сейчас, — тихо и рассеяно пробормотала она в смущении, опуская бегающий взгляд.

Чоу Юэся довольно закивала.

— Да. Генерал сейчас там. Так что, капитан. Не желаете ли лично отчитаться перед ним? Ну же. Ну же.

Она наклонилась телом в бок, хлопнув в ладоши. Если оборотни или демоны прячутся под личиной человека, то выглядеть могут только так. Вот о чем думал Юн Лулянь.

Теперь он понимал, чего так опасается Лао Ичань и почему назвал ее гадюкой. Хоть змеи в их культуре больше символизируют медицину, у них есть и отрицательный аспект.

И Чоу Юэсяо — явный пример.

Цайфу Цзюэ, быстро взяв себя в руки, прокашляла и, приняв невозмутимый вид война, хмыкнула.

— Хф! Ну раз уж все так, как ты говоришь, так и быть. На сей раз отступлю.

— Что?! — неожиданно вскрикнул не кто иной, как Миншэн Чжэньли. Один из его подчиненных было положил ему руку на плечо, призывая к молчанию, но мужчина, оскалясь, скинул ее, воззрившись на Цайфу Цзюэ с ненавистью. — Капитан, вы с ума сошли?! Перед вами отродье богопоклонников! — веером он указал в сторону Юн Луляня. — Он еще и слом совершил, и на наложниц императора напал!

— Никто на нас не нападал, — угрюмо парировала Цзяо.

— А откуда мне знать, что вы не под гипнозом или еще что?! — кричал Миншэн, и отчего все три наложницы устало вздохнули. Юн Лулянь потер шею, пытаясь тихо засмеяться скорее уже от нервоза, чем оттого, что ему было весело. — Я не позволю вам закрыть на это глаза! — рявкнул он уже в

сторону непоколебимо улыбающейся Чоу Юэсяо. — Да как можно просто сказать, что это несчастный случай, и уйти?!

Цайфу Цзюэ, слыша это, все больше мрачнела.

— Этот вопрос уже решён, господин Миншэн, — ответила она невозмутимо и окончательно. — Сами всё слышали.

Гнев Миншэна Чжэньли был готов вырваться пламенем дракона. Он тяжело дышал, весь красный и пробиваемый дрожью.

Неуверенный в себе паренёк, что прибыл с капитаном башен, выступил из-за её спины и несмело дополнил:

— И п-потом. Никто не выдвигает никаких о-обвинений. Так что... М-мы не можем просто взять и...

— Я выдвигаю обвинения! Что не ясно?! — заорал Миншэн Чжэньли так, что эхо прошлось по всей территории дворца Ван Ши, и несколько стаяк птиц взлетели вверх с верхушек деревьев.

Нервно пикнув, парнишка тут же спрятался обратно за спину Цайфу Цзюэ. Три наложницы уже осуждающе смотрели на него. А Юн Луляню стало в какой-то степени жалко Миншэна Чжэньли, хотя тот и пытался избавиться от него.

«Если он продолжит так орать и неистовствовать, до сердечного приступа недалеко», — подумал Юн Лулянь, но тут вперёд выступила Чоу Юэсяо.

— Капитан, идите к Его Высочеству и генералу, — деликатно попросила девушка. — С недовольными я сама разберусь.

Важно кивнув, Цайфу Цзюэ, задрала нос и взмахнув длинными волосами, прошла мимо служанки, а робкий паренёк, дрожа, рванул следом, с боязнью оглядываясь на остальную компанию.

— Не хотелось бы мне заходить так далеко, — неопределенно начала Чоу Юэсяо, мечтательно приложив ладонь к щеке. — Но, господин Миншэн, вы меня совсем из себя вывели. А-Лянь. Ты уж прости за то, что будет. Скорее всего, думать обо мне ты будешь чёрт знает что. Терпеть уже сил нет.

Она говорила растянуто, с весельем и лёгкостью, что сбивало Юн Луляня с мысли. Он и представить не смел, что будет, когда служанка неторопливо подошла к Миншэну Чжэньли, который был выше неё чуть ли не на две головы, а потом, не меняя дружелюбия на белом лице, девушка плавно подняла руку и со всего размаху... Ударила мужчину по лицу.

Это был даже не звук пощёчины, а стук топора, что разрубает полено. Сам Миншэн Чжэньли рухнул на землю, хватаясь за щёку, а когда, кривясь, приподнял голову, было видно, что изо рта у него шла кровь.

Его подчинённые замерли в немом ужасе. Наложницы же не выдали эмоций, как будто подобное было частым явлением. Юн Лулянь же оторопел и изумился.

Поступок Чоу Юэсяо был первопричиной его удивления, однако потом он подумал: это с какой силой хрупкой девуш-

ке надо ударить взрослого мужчину, чтобы он аж на ногах не устоял? У него и причёска из заколки выбилась. Половина длинных волос рассыпалась по плечу.

Миншэн Чжэньли смотрел на девушку, явно проклиная её от всего сердца. А Чоу Юэсяо... Её рука ещё была втянута, а выражение лица стало пустым и ледяным.

— Знай своё место, — пророкотала она с холодной яростью, опуская руку. — Если я говорю, что вопрос закрыт, значит он закрыт. Хватит тут выделываться. Достал уже. Забыл уже, с кем разговариваешь?

Юн Луляня прошиб липкий пот. Колени дрожали, хотелось пуститься в бегство. Если бы он не встречал Чоу Юэсяо, то, увидев её такой, подумал бы, что это два разных человека, просто похожих внешне. От той девушки, что он помнил, и следа не осталось.

Любой, на кого она посмотрит своим острым взглядом, забыл бы, как разговаривать, но Миншэн Чжэньли сжал зубы и приглушённо зашипел:

— Я-то своё место знаю, в отличие от тебя. И знаю, о чём говорю. Тебе, дрянь избалованная, просто невыгодно, чтобы во дворце было спокойно. А всё потому, что ты...

— Только продолжи, — прищурилась Чоу Юэсяо, придав голосу злости. — И я запрошу, чтобы тебя лишили статуса главы дома Чжу Лао Цзя. А ещё я позабочусь, чтобы твоя жизнь после превратилась в Ад. И я могу всего за пару слов такое устроить. Хочешь?

Прорычав, Миншэн Чжэньли прикусил язык. Чоу Юэсяо бегло взглянула на перепуганного Юн Луляня. Поджав губы, она прикрыла глаза, а потом её лицо просветлело, и очаровательная улыбка вновь расцвела во всей красе.

— Прошу прощения, — ласково пропела она, посмеявшись. — Вот что бывает, когда я выхожу из себя. Кровь прям так и вскипает. Ха-ха-ха.

Юн Лулянь покосился на наложниц, и младшая Чи, поймав его взгляд, с серьёзным видом закачала головой. Он понял, что лучше молчать. С другой стороны прокряхтел Миншэн Чжэньли, которому помогали подняться его подчинённые.

— Итак. Расставив все точки, — сказала Чоу Юэсяо, играючи похлопав в ладоши. — Первое, что я скажу вам, господин Миншэн, — мужчина, поднявшись, вытирал рот платком, не прекращая сверлить девушку гневным взглядом. — Я уже знаю, чем вы недовольны. И поясню сразу. Юн Лулянь при всём своём статусе и репутации стал слугой, потому что так решил сам император. Вы желаете опровергнуть его решение?

— Я хочу знать, почему это отребье работает в моём доме, — прорычал Миншэн Чжэньли, вытягиваясь. — Мне сказали, что мальчишка должен был быть в Цзюйхуа Лоу Цзя. Однако ты...

Улыбка Чоу Юэсяо стала коварной ухмылкой.

— Да, я лично распорядилась, чтобы он попал в дом Чжу

Лао Цзя. Что-то не устраивает?

— Не устраивает? — опешил Миншэн, вновь краснея от ярости. — Как ты могла перевести его, даже не посоветовавшись со мной!?

— Мне император вольную дал. — Легко выдала Чоу Юэсяо. — Сказал, чтобы я присматривала за ним. Вот и сделала, что захотела.

— Это бесрассудно! Такого, как он... Кхх. Он же выродок предателей!

— Такой же, как и вы, господин Миншэн, — с ликующей издёвкой добавила Чоу Юэсяо. Мужчина тут же замолчал, как холодной водой облитый, и буквально посерел. — Ой, что такое? Забылись уже? Забыли, кем были ваш отец и дед? Пусть не богопоклонники или не самосовершенствующиеся, однако предатели, чья кровь течёт и в вас. — Продолжала злорадно ворковать служанка, смотря на Миншэна Чжэньли, коварно и ехидно ухмыляясь. Она прямо-таки получала удовольствие от отчаяния на его лице. — Это ведь ваш дед, что служил верой и правдой династии У, попытался отравить его высочество, последнего из императорской семьи, когда тот был ранен в бою. А ваш отец годами проворачивал денежные махинации и пытался устроить переворот в армии, когда шла война с западным королевством. А вы... Живы только потому, что сами были ребёнком и ничего не знали. Каково это? Смотреть, как головы ваших родных отлетают с плеч?

— Чоу Юэсяо! — крикнула Цзуань, смотря на ту осужда-

юще. Служанка взглянула на неё в ответ. — Довольно. Ты слишком далеко заходишь.

— Правда? А я так не думаю.

— Этого достаточно. — Цзуань с жалостью посмотрела на потерявшего речь Миншэна Чжэньли. Невооруженным глазом видно, что ему плохо. — Ты хотела расставить все точки и решить вопрос? Ты все уже сделала. Так что прекращай.

— Хм, — намеренно громко хмыкнув, Чоу Юэсяо вновь стала милой и послушной. — Хорошо! Тогда на этом и закончим. А-Лянь. Не волнуйся, к слову ты более не причастен, это все несчастный случай. Возвращайся в дом Чжу Лоу Цзя и отдохни. Если над тобой вновь будут издеваться, скажи мне сразу. Хорошо? — Юн Лулянь рассеянно кивнул. — А вы, господин Миншэн. Я вас уже отчитывала за предвзятое отношение и суровые требования к работникам уже не первый раз. Если еще такое повторится, я сделаю то, что пообещала в начале. Здесь не нужны люди, которые не могут следовать приказам. Это ясно? — А вот к нему она обратилась уже суровее. Бледный Миншэн нахмурился, ничего не сказав, но для Чоу Юэсяо это, похоже, было равносильно согласию. На наложниц она и не взглянула. — Ну а теперь, — вытянув руки, девушка потянулась. — Мне нужно бежать в Шимин Байиню! Меня ждут вкусные медовые булочки! Я не могу больше теперь! Хочу кушать! Всем покаааааа! — Громко протараторив, Чоу Юэсяо, пуская слюни, бросилась бежать обратно на такой скорости, что и не уследишь. Одни

только клубы пыли поднялись ей вслед.

— И что это такое было? — невольно спросил Юн Лулянь, уже просто не понимая, что вокруг него происходит.

— Она как всегда с приветом, — пробубнила Чи, уперев руки в бока.

Цзяо не стала что-либо комментировать, а Цзуань выдохнула и трепетно обратилась к юноше:

— Юн Лулянь. Возвращайся в свой дом. Сегодня день для тебя и вправду выдался непростым.

— А? Да. Но, — он как можно незаметней покосился в сторону Миншэна Чжэньли, вокруг которого суетились его подчиненные.

Судя по тому, что он выглядит как утопленник, ему явно все еще плохо. И проблема это в чем-то душевном, а не в физическом. Похоже, Чоу Юэсяо задела очень болезненные темы для него, что он больше на Юн Луляня и не смотрит.

Заметив, что парень тревожится, Цзуань положила руку ему на плечо, мягко улыбаясь.

— Это уже не твоя забота. Возвращайся и лучше отдохни. Мы сами здесь разберемся. Ну же. Иди.

Ему казалось сомнительным просто так убежать. Да и не факт, что случившееся сегодня никак не отразится на нем самом. Многие вопросы в этом месте решаются за семью дверями. Так что при всем желании он ничего не узнает.

Решив, что переживать об этом и вправду бессмысленно, Юн Лулянь кивнул, поблагодарил за всё и, поклонившись в

знак уважения, пошел в ту же сторону, куда убежала Чоу Юэсяо. Хотелось побежать, но теперь, когда всё закончилось, он понял, как морально устал и что ноги сильно ноют, а голова раскалывается.

Дорога что в начале, что теперь казалась ему слишком долгой. Зачем здесь столько садов, рощ или лесов? Кто вообще ходит по таким извилистым нескончаемым... Он не успел закончить свою мысль, потому что ему показалось, что его кто-то звал.

Остановившись и оглядевшись, Юн Лулянь вновь услышал свое имя, но уже ближе.

— Лао Ичань? — удивился он, заметив, что к нему навстречу бежит юноша в зеленых одеждах. — Ты что здесь делаешь?

— Ха-ха-а-а-а... ха-а-а-а-а... Дай мне минутку, — попросил сбившийся Суншу Ичань, пытающийся отдышаться. — Фу-у-х! Все, мне легче, — вздохнул он полной грудью, выпрямив спину и расправив широкие плечи. — Юн Лулянь. Я подслушал разговор господина Миншэна и узнал, что ты куда-то пропал. Все в порядке? Где ты был? Тебе не досталось от него?

— А-а-а. Погоди минутку! — попросил Юн Лулянь, подняв руки. — Начнем с того, что я случайно совершил ка-

кой-то слом.

— Слом?! — воскликнул Суншу Ичань и тут же нахмурился. — Так это правда был ты?

— Д-да. Только я не специально. Понимаешь, я проголодался и решил, что в лесу найду чем перекусить. Мне не впервой так питаться. А потом случилось столько всего. В общем, история не на пару минут.

— И тебя не забрали стражи? — с недоверием спросил Суншу Ичань.

Это немного удивило Юн Луляня.

— Там была девушка, назвавшая себя капитаном северных башен, но... Знаешь, давай я тебе потом расскажу.

— А господин Миншен тебя отпустил?

— Нет, не он. Но, говорю же, не хочу трепаться на улице.

Суншу Ичань понимающе кивнул. Он сам знает, что даже если никого нет рядом, это не значит, что никто и ничего не услышит. Похлопав друга по спине, он сказал, что пойдет с ним, и оба парня плечом к плечу пошли дальше.

— А! Точно! Чуть не забыл! — вдруг остановился Суншу Ичань. Он отдернул верхние одежды на груди и, запустив руку, вынул что-то и протянул Юн Луляню. — Немного смялась, но это все, что я мог незаметно взять, чтобы ко мне не придрались. Все-таки правила у нас суровые.

Это была булочка маньтоу, завернутая в помятую бумагу. Видно, что она уже остыла и чуть потрескалась посередине. Юн Лулянь поднял удивленный взгляд на Суншу Ичаня.

— Ты ее для меня взял?

— Ну так ты с утра ничего не ел, — ответил он, чуть смутившись. — Знаю, что это не так много, но перекуси этим, а потом дождемся ужина. Я взял бы больше, но тогда меня бы отругали.

— С-спасибо, Лао Ичань, — не до конца придя в себя, поблагодарил Юн Лулянь и принял булочку. Он осторожно откусил ее и прожевал. Тесто чуть подсохло и не так ощущалось, но мягкая сладкая начинка из кунжута грамотно размешала вкус. — Ого, вкусно!

Довольный собой Суншу Ичань улыбнулся.

— Ну а то. Для нас готовят повара, что ничуть в мастерстве не уступают императорским. Стоп! Ты чего плачешь?!

Промолчав, Юн Лулянь покачал головой, откусив еще кусок. А он и не понял, от чего глаза у него щиплет.

— Профто в аза шпото опало.

— Ты сначала прожуй, а потом говори! Боже! За что мне такой младший?

Глава 18 - Новое поручение

Прошло несколько недель с того случая, как Юн Лулянь устроил тот самый, еще долго не сходивший со свежих сплетен всех домов, переполох.

Он привык, что на него косо смотрели и шептались, не заботясь о том, что он все прекрасно слышал, проходя мимо других слуг из дома Чжу Лао Цзя.

— Ты слышал? Говорят, это тот самый новенький из окраин.

— А, то самое отребье богокоплоника? Да. Вот тебе и благодарность его величеству за доброту.

— Надеюсь, он нам жизнь не испортит. А то как пришел, одни проблемы.

— И господин Миншэн как в воду опущенный ходил. Наверное, опять выговор получил от змеюки Чоу.

— Я слышала, что она заступилась за это отребье, и из-за нее он не понес никакого наказания. Это разве справедливо? Почему какая-то крыса заслуживает большего отношения, чем мы, дети благородных родов?

И вот так Юн Лулянь встречал каждое утро, стоило ему только выйти из комнаты. Суншу Ичань с осуждением бросал на остальных суровый взгляд, и первое время это хорошо помогало. Слуги тут же замолкали и расходились по делам.

Все-таки какая-никакая, а репутация у Суншу Ичаня бы-

ла. Мало кто решался с ним открыто спорить, зная грозный нрав. Плюс тот факт, что сам Миншэн Чжэньли его уважал и доверял многие дела, уже говорил о хорошем статусе, который многим здесь пока и не снился.

Но потом, видимо, видя, что Юн Лулянь жив и здоров, им самим это надоело. Интерес к этой теме быстро угас, и потом потом вошел в норму.

Теперь у всех на устах была другая тема — возвращением принцев во дворец после полугодового отъезда.

В столовой во время завтрака Суншу Ичань объяснил ему, что принцев император отправил в эту поездку по двум причинам: он желал, чтобы его сыновья научились самостоятельности, а еще он думал, что так они смогут духовно отдохнуть и наладить отношения друг с другом.

— А что, сыновья императора не ладят? — спросил Юн Лулянь за завтраком, подцепив палочками жареное мясо фазана, политое темным соусом и приправами. Ему еще наложили жареных овощей и ростков бамбука. Есть такое — одно удовольствие.

— Ешь аккуратнее. Не то сам убирать будешь, — словно ребенка укорил его Суншу Ичань, но, завидев румянец на набитых щеках и эту сиюминутную детскую улыбку на лице Юн Луляня, лишь выдохнул, мягко улыбнувшись. — Да. Я слышал, что после смерти императрицы У Шуйцзин старший принц У Вэйцзэ и младший У Чжэньси вообще друг с другом не разговаривают. И если только это. Старший все

время обижал младшего, вина его в смерти матери. Хотя до ее кончины были не разлей вода, — задумчиво проговорил он, взяв смоченный в соусе бамбук и положив в рот, медленно прожевав.

Винит в смерти матери? Если Юн Лулянь правильно помнит, старшему принцу сейчас одиннадцать лет, а младшему — девять. Императрица почила пять лет назад, то есть У Чжэньси было всего четыре года. И как такой беспомощный ребенок может быть виноват в смерти своей матери?

— Лао Ичань, а от чего умерла прошлая императрица? — спросил Юн Лулянь.

Он, конечно, помнит, что Чоу Юэсяо сказала ему, что женщина с рождения была слаба здоровьем, и после рождения детей оно у нее окончательно подорвалось. Значит, болезнь какая-то была.

Суншу Ичань ответил не сразу. Он прожевал, проглотил и отчего-то все равно молча смотрел на свое блюдо, будто думая, говорить или нет.

— Говорят, что от болезни, — сказал он как-то неопределенно, ковыряясь палочками в овощах. — Но, — палочки замерли. Когда он поднял взгляд, Юн Лулянь перестал есть, заметив, как тот хмурится, словно съел что-то мерзкое. — Я также слышал, что это был несчастный случай. Хотя, если подумать, больше похоже на простое устранение.

— Что за несчастный случай? — уже тише спросил Юн Лулянь, наклонившись ближе.

Оглядевшись по сторонам на завтракавших людей, Суншу Ичань лишь помрачнев еще больше покачал головой, давая понять, что такие разговоры здесь не уместны.

Было бы странно встань они сейчас так резко, поэтому завтрак продолжился в молчании. А потом, когда они вышли из столовой и шли в сторону дворца, оставшись в одиночестве, Суншу Ичань рассказал то, что сам слышал.

Оказалось, пять лет назад в покоях императрицы произошел сильный пожар. Она и так последние годы после рождения второго принца совсем ослабла, и даже ходьба давалась ей с трудом. Ее мало кто видел на приемах или в садах. Всем было понятно, что жить ей осталось не так долго. Император пытался ей помочь чем мог, однако ни один лекарь или лекарство не смогли вылечить императрицу.

В тот день Его Величество по просьбе жены, прикованной к кровати, привел в ее покои сыновей. Видимо, У Шуйцзин уже понимала, что умирает, и хотела провести время с детьми, которое у нее осталось.

А потом через какое-то время вспыхнул пожар. Огонь был таким мощным, что его не смогли потушить обычной водой почти полчаса. Принцы смогли спастись, выскочив через окно и упав в пруд, а вот императрица, неспособная и руки поднять, осталась внутри.

Женщина сгорела заживо. Ее и хоронили в закрытом гробу, потому что тело было обуглено до неузнаваемости. Ходят слухи, что там просто пепел лежал, потому что и тела как

такого не осталось.

Спустя пять лет причину поджога так никто и не выяснил. Что более странно, сам император У Ливэй лишь спустя неделю после этого события потребовал, чтобы об этом забыли. Говорят, он и на похоронах не плакал. Это при том, что жену свою он сильно и страстно любил.

Так любил, что и на свою нынешнюю жену и наложниц не смотрит, не говоря уже о том, чтобы продолжать с ними свой род. Он стал куда менее общительным и холодным. Старые слуги рассказывали, что до смерти У Шуйцзин он часто улыбался, был очень приветливым человеком.

И если так, почему он не стал разбираться в этом деле? Почему ему стало безразлично то, как умерла его любимая супруга? Чем больше думаешь, тем меньше понимаешь.

Суншу Ичань предположил, что императрицу убили, вот только тут полно несостыковок. Она и так умирала, раз больше могла ни ходить, ни есть. Убивать ее, кому бы она ни мешала, не было смысла, если только...

Юн Лулянь насупил брови, думая над этим. Если целью взаправду была императрица, то есть предположения, что ее могли просто травить, а потом таким образом решили избавиться от тела, чтобы устранить улики.

Если все так, то устроивший это справился со своей задачей.

И второе. Поджог был рассчитан на то, чтобы убить наследников престола. Что уже более вероятно. После таких

жестких реформ, что провел У Ливэй при своем правлении, недоброжелателей у него хватает и среди знати.

Сам император с детства обладает гениальным умом. Он осторожен, прагматичен и наблюдателен, а еще есть его братья, готовые за ним в огонь и воду. Так просто к У Ливэю не подобраться, а значит, проще вырезать весь императорский род на корню.

Будь у него столько же детей, как у прошлого императора, смерть парочки принцев была бы не значительной. Однако у нынешнего императора всего два сына. Это при том, что у него есть новая жена и наложницы.

Его любовь к прошлой императрице заслуживает похвал и восхищения, но если он не хочет, чтобы его род не сгинул, ему нужно больше наследников, учитывая нынешние времена.

А он еще их в поездки отправляет! Совсем не переживает, что детей убить всякие недоброжелатели могут?! Вот и думай, Смертный Дракон либо и впрямь слишком умен для человека, либо слишком глуп.

— Мне кажется, что личная жизнь Его Высочества — это его личное дело~, — ласково пропел чей-то голос на ухо ушедшему в свои мысли Юн Луляню. Юноша тут же застыл с ужасом на лице. Его пробрали мурашки, когда тонкие гибкие пальцы сжали его плечо. Запах благовоний мягко окружил его, вызывая головокружение. — Не кажется ли вам, юноша, что это невежливо — осуждать других?

— Аааааааа! — вскрикнул Юн Лулянь, отбежав в сторону, будто его ужалила сотня пчел.

Опешивший от его крика шедший впереди Суншу Ичань резко развернулся, когда парень забежал ему за спину весь в бледный и в поту, вцепившись в плечо до боли.

— Ты чего творишь?! — непонимающе спросил Суншу Ичань у дрожавшего Юн Луляня и сам посмотрел в ту сторону с возмущением. — А! — он сам в тот же миг побелел и поклонился, при этом легко пиная ногой в колено застывшего от страха Юн Луляня. — П-прошу прощение за неподобающее поведение, господин Шимин Байинь!

Перед ними, затейливо хихикнув, стоял высокий мужчина в элегантных белых простых одеждах. В нем слишком грамотно сочетались непринужденная простота и естественная красота. Несмотря на свой высокий статус, внешне он не выделялся, но при этом глаза все равно цеплял.

Мягкое белоснежное лицо без щетины, шрамов или каких-либо кожных изъянов также казалось сверхъестественным. Линии закрытых век позволяли понять, насколько у него длинные ресницы, а вечная мягкая улыбка, как и трепетный голос, располагала к себе.

И все же при всем своем великолепии у Юн Луляня этот с виду безобидный слепой красавец вызывал не самые приятные чувства.

Да, в первую их встречу он посчитал его лишь приближенным к императору, однако теперь юноша понимал, с каким

ядовитым горным цветком имеет дело.

Видя, что Юн Лулянь совсем не проявляет должный этикет, Суншу Ичань поспешил отвлечь внимание Шимина Байиня на себя объяснением.

— Простите его, пожалуйста, господин! Он с утра какой-то нервный! Как старший я его обязательно отчитаю после!

Шимин Байинь, прижав пальцы к подбородку, чуть наклонил голову, не переставая улыбаться.

— Правда? А мне казалось, что вы двое были весьма увлечены крайне... Деликатной темой. Настолько, что я и ответить вам сразу не решился. Хмм. Это я, получается, ошибаюсь?

— Ч-что вы! — занервничал Суншу Ичань. — Никак нет, господин!

А вот Юн Луляня, прятавшегося за спиной друга, еще больше перекоробило. Если до этого он был просто напуган, то теперь его лицо кривилось от ужаса и отвращения одновременно.

«Он что... Все это время за нами по пятам шел?!» — от одной только мысли волосы дыбом становились.

Нелегкая жизнь Юн Луляня сделала его настороженным, как дикого кота. Пусть сейчас условия его жизни изменились к лучшему, старые привычки, помогающие выживать, так быстро не притупляются.

Он бы сразу почуял, если бы за ним следили. Но этот че-

ловек... Шел рядом, не издавая ни единого звука, как бестелесный призрак. Ни запаха, ни колыхания воздуха — ничего. Его будто и не было.

Глаза Шимин Байиня плотно закрыты, но Юн Лулянь вздрогнул, прикусив губу, когда голова этого мужчины чуть повернулась в сторону. Его незрячий взгляд был устремлен на перепуганного до смерти Юн Луляня. Неопределенная улыбка, мягкость которой была крайне обманчива, стала шире.

Юн Лулянь подумал, что раз он слышал их разговор, то, скорее всего, их могут наказать. Похоже, Суншу Ичань думал о том же, потому пытался сгладить углы, однако, заметив улыбку Шимин Байиня, понял, что улыбался он только внешне.

Однако сам Шимин Байинь лишь вежливо и непринужденно спросил:

— Могу я узнать, что вы двое здесь делаете так далеко от своего дома?

Обоих парней, уже представляющих суровую порку, это окончательно ввело в ступор. Они переглянулись. Юн Лулянь с немым вопросом указал на Шимин Байиня, а Суншу Ичань пожал плечами с растерянностью.

Мужчина в белых одеждах на это только мягко хихикнул, прижав к губам край длинного рукава.

— Я имел в виду, что ждал слуг из дома Хризантемы, — терпеливо объяснил он, и Суншу Ичань облегченно выдох-

нул. — Яньсэ Минэ должна была прислать сюда своих людей. Я не договаривался с домом Чжу Лао Цзя. Поэтому я и спросил, что вы здесь делаете. Ты же знаешь, Суншу Ичань, что на некоторые территории дворца нельзя просто так заходить без разрешения.

— На самом деле, мы здесь тоже по поручению, — не растерялся Суншу Ичань с четким ответом. Он вытащил из рукава деревянную дощечку с вырезанными иероглифами, которую им дали после завтрака. — Конкретной цели нам не дали, но отправили сюда. Сейчас ведь все заняты приготовлением к приезду принцев. Думаю, любые руки в деле пригодятся. Если мы можем вам чем-то помочь...

Не дав ему договорить, Шимин Байинь протянул тонкую руку, раскрыв ладонь.

— Передай мне это, пожалуйста, — попросил он, чуть дернув пальцами.

Суншу Ичань без раздумий отдал ему дощечку. Юн Лулянь понял, что такое, видимо, происходит не впервые. Он не понял, зачем слепому дощечка, пока не увидел, как Шимин Байинь стал водить указательным пальцем свободной руки по деревянной поверхности.

Точнее, водил он по иероглифам. При этом его лицо стало задумчивым, а губы неторопливо двигались.

«Он читает?» — мысленно спросил Юн Лулянь, осторожно выглянув из-за плеча Суншу Ичаня.

Юн Лулянь не часто имел дел с калеками в плане зрения,

поэтому не представлял, какими навыками они обладают и чему учились, чтобы обеспечить себе хотя бы жалкий процент того, что с легкостью могут зрячие люди.

То, что Шимин Байинь так легко адаптировался к замку, что мог ходить без посторонней помощи, говорило лишь о том, что он привык. А на привычку явно ушла большая часть его жизни, ведь он был отдан во дворец как слуга еще ребенком.

Вот только обучаться грамоте уже за пределами реально-го. Не сказать, что невозможно, только ужасно сложно. Если сейчас так подумать... Зачем У Ливэю в Нефритовые Братья слепой?

Цайфу Чу при всей своей военной подготовке был и телохранителем, и советчиком, да один его яростный взгляд способен отогнать самого страшного демона. А вот Шимин Байинь ничем выделяющимся похвастаться не может.

Разве что...

— Его Величество в детстве часто обводил страницы книг так, чтобы я, касаясь пальцами, мог их читать, — проговорил Шимин Байинь, не отрываясь от дощечки. Суншу Ичань непонимающе приподнял бровь, а у Юн Луляня от мороза по коже задрожали зубы. Улыбка мужчины стала еще слаще. — Правда, мы только все портили, за что и получали от нашего учителя. Пусть я и был всего лишь жалким слугой никому не нужного принца от простолюдинки, У Ливэй все делал, чтобы я чувствовал себя комфортно. Он и помог мне научиться

писать и читать. Хотя с письменностью проблем больше, чем со чтением.

— Не знал, что вы умеете писать, господин Шимин, — выдал Суншу Ичань, не замечая, как уже посерел Юн Лунянь, готовый свалить в обморок. — А к чему вы это нам рассказываете?

— Хе-хе. Да так. Твоему другу, наверное, интересно стало, когда он увидел, что я делаю. И кстати, по поводу этого, — он вернул дощечку обратно юноше, убирая руки в просторные рукава. — Раз уж вы здесь по возможному поручению, я дам вам одно такое. Прошу за мной.

Глава 19 - Неожиданный факт

— Это... склады? — спросил вслух слегка удивленный Юн Лулянь, вертя головой по сторонам.

Они шли вдоль дороги, а по обе стороны стояли деревянные небольшие домики. Их здесь было где-то штук десять. Видно, что дерево почернело и уже гнило от старости. Сами по себе склады были довольно ветхими. Окна помутнели от пыли с обеих сторон. Да и, судя по всей отдаленности и неухоженности этого места, здесь явно нечасто кто-то бывает.

Видимо, заметив, как посерело лицо Юн Луляня, Суншу Ичань словно учитель на лекции, принялся объяснять с преувеличенной важностью:

— Да. Раньше, при прошлом императоре, это место пользовалось большим спросом как кладовые для нужд ближайших дворов. Так как у отца нынешнего императора была... Ну, скажем так, обильная потребность в женском обществе, то и наложниц у него было более чем достаточно. Эти склады были специально построены для ближайших дворов наложниц, чтобы они могли ими пользоваться. Хранение вещей, мебели и всего необходимого для их нужд находилось именно здесь.

Слушая все это, Юн Лулянь без особого энтузиазма подметил:

— Но не похоже, чтобы это место сейчас пользовалось большим спросом.

Шедший впереди них Шимин Байинь кротко усмехнулся, приподняв рукав к лицу.

— Все так и есть, — сказал он, не оборачиваясь. Длинные гладкие волосы ниже поясницы болтались из стороны в сторону, и было видно, что для своего хрупкого телосложения у него довольно широкая спина. — Так как Ливэ... То есть император не желает обременять себя большим количеством наложниц, а ближайшие дворы были снесены под чистую по его приказу, потребность в этом месте отпала. Однако их оставили для хранения ненужного хлама или утвари, которой пользуются далеко нечасто.

— Но ведь за ними много лет никто не ухаживал, — сказал Юн Лулянь. — Вы не волнуетесь, что они так обвалиться могут?

Нахмурившийся Суншу Ичань прокашлял в кулак.

— Жизненно важными складами для дворца являются те, в которых хранятся оружие, редкие материалы и провизия, — вновь объяснил он. — Такие дворы строго охраняются, и попасть на их территорию можно лишь с разрешением высокопоставленных лиц императора. Даже нам, слугам четырех благородных домов, не положено появляться рядом с ними без острой на то необходимости. Я же вроде это объяснял, когда ты сюда пришел, — Суншу Ичань бросил укоризненный взгляд в сторону Юн Луляня.

Неловко отведя взгляд, юноша виновато улыбнулся, почесав пальцем щеку.

— Прости, Лао Ичань. Я не думал, что меня это так будет сильно касаться, вот и пропустил эту часть мимо ушей.

— Ч-что?! Ты... Гхаа, — Суншу Ичень опешил, разозлился, а потом лишь горестно вздохнул, опустив плечи. — Знаешь. Тебе бы этикет подтянуть не мешало, Юн Лулянь. А то эта честность как соль в открытую рану. Одна неряшливость и невежество.

— Чего?! — громче нужного воскликнул Юн Лулянь, за что друг вновь злобно зыркнул на него, заставив содрогнуться и резко стихнуть. Отступив, словно побитый щенок, он надул губы. — Вообще-то мои манеры не так уж и плохи.

На это Суншу Ичень только горестно и приглушенно посмеялся.

— Ну как тебе сказать, чтобы ты не обиделся?

— Да не может быть все так плохо! — разозлился Юн Лулянь. — Ты просто уже за уши все притягиваешь, Лао Ичань!

— Ааа? Ты это говоришь тому, кто здесь служит дольше тебя? Я тут старший и твой наставник, если что.

Они быстро перестали препираться, когда теплый, словно журчание чистейшего ручейка, смех Шимин Байиня вновь достиг их ушей. Оба тут же выпрямились, попросив прощения в унисон.

Еще бы, рядом с ними такая важная шишка рядом идет, а они ведут себя как дети малые, совсем позабыв о том, что

сопровождают столь значимого господина, что был третьим после самого Смертного Дракона, властителя всего Всемирия.

— Ничего. Ничего, — легко и беззаботно проговорил Шимин Байинь, не переставая улыбаться и помахивать рукавом. — Мне нравится, когда люди могут открыто общаться друг с другом. Ваши юношеские разговоры как свежий мед для моих ушей. Невольно вспоминаю свои юные годы.

— И все же, господин Шимин, прошу прощения за такое неподобающее поведение! — серьезно выдал Суншу Ичань. — Мы все-таки в первую очередь слуги дворца. Не пристало нам...

— А еще, — Шимин Байинь резко остановился и развернулся лицом к озадаченным юношам. — Я впервые вижу, чтобы ты, Суншу Ичань, так открыто разговаривал с кем-то помимо Хай Чжэнуя. Аж отраднo слышать, что ты перестал закрываться в себе. Все-таки Чоу Юэсяо правильно поступила, что передала его под твою опеку.

Раскрыв глаза на столь искренние слова, Суншу Ичань смущенно повел взгляд в сторону и, лишь промычав слова «благородность», кивнул.

Юн Лулянь вспомнил, что так звали друга Лао Ичаня, с которым он здесь жил и работал, когда их приняли во дворец. Обычно Суншу Ичань при вопросах Юн Луляня отзывался об этом Хай Чжэнуе не очень приветливо и морщился так, будто кислых слив целый рот набрал.

Но при этом во взгляде ни намек на неприятие нет. А еще по отдаленному взгляду Юн Лулянь понимал, что он скучает по другу, пусть в открытую этого и не признавал.

Это вызвало в сердце Юн Луляня приятное тепло. Ведь все-таки при всей суровости, придирчивости и чопорности Суншу Ичань хороший человек. Чрезмерно ответственный, но добрый и отзывчивый.

— А с вами двумя так приятно разговаривать, — радовался Шимин Байинь. — Но дел у нас больше, чем повода для веселья, к сожалению. Я привел вас к этим складам, чтобы вы освободили парочку, — тонким пальцем он указал на два домика по левую сторону. — Они забиты меньше всех, и половину вещей можно спокойно выкинуть. Просто перенесите содержимое в соседние склады. А то, что уже не спасти, вынесите на дорогу. Я позже попрошу евнухов их выкинуть.

— А нас двоих для этой работы точно хватит? — спросил Юн Лулянь, осмотрев дом. — Человека так еще три нам бы не помешало.

Обычно Суншу Ичань тут же начинал закипать, но если стойко молчит, значит, он согласен с высказыванием Юн Луляня. Склады не большие, но сколько им нужно будет разбираться с этим, еще не ясно.

— Об этом прошу не волноваться, — улыбнулся Шимин Байинь. — Думаю, сюда скоро подойдет Яньсе Мине со своими людьми. Я распорядился, что если мы не пересечемся при встрече, то встретимся уже на месте. Она приведет с со-

бой шесть слуг из своего дома. Пусть Цзюйхуа Лоу Цзя и полон нежными юношами и девушками, среди них есть и способные ребята. От вас прошу лишь подсобить с работой. И не волнуйтесь. Я лично отчитаюсь за вас вашему главе. Можете не торопиться.

— Значит, — начал Суншу Ичань. — Эти склады нужно освободить к приезду принцев?

Юн Лулянь с любопытством покосился в сторону Шимин Байиня.

— Да. В покоях принцев решили обновить интерьер. Обычно, если вещи не нужны, их выкидывают и сжигают. Но так как вещи не сломаны и не изношены, император отдал приказ просто поместить их в склады.

Юноши переглянулись и кивнули. Суншу Ичань засучил рукава своего служебного ханьфу, а Юн Лулянь повторил за ним. Однако пойти следом за другом ему не дала легкая и теплая рука, так неожиданно возлегшая на его плечо.

Испуганно вздрогнув, Юн Лулянь резко обернулся к высокому Шимин Байиню, что так бесшумно подошел. Заметивший неладное Суншу Ичань остановился и с вопросительным выражением на лице обернулся.

— Суншу Ичань, ты иди в тот склад, а Юн Лулянь пусть пойдет в соседний, — мягко распорядился Шимин Байинь. — Так вы разберете их быстрее. Ну а если у кого-то попадется что-то тяжелое, просто обратитесь за помощью.

— Воля ваша, господин, но, — Суншу Ичань увидел, как

запаниковал Юн Лулянь, взглядом молящий его о помощи. — Думаю, оставлять Юн Луляня одного — не очень хорошая идея. Все-таки он еще новенький и...

— Не волнуйся, — деликатно перебил парня Шимин Байинь, встав ближе к и так до смерти напуганному Юн Луляню, готовому орать во все горло. — Я просто хочу лично убедиться в том, что этот юноша ответственно подходит к своей новой работе. Его Величество в целом доверяют это дело Чоу Юэяо. Но я и сам хочу в этом убедиться.

«Так ты же слепой! В чем ты там убеждаться собрался-то?!» — завопил про себя Юн Лулянь. Он попытался отодвинуться, но эти женственные на вид пальцы до боли сжали ему плечо.

Мягкие губы Шимин Байиня вдруг растянулись, когда он опустил покрытое тенями лицо к Юн Луляню. По телу парня градом побежал пот, его трясло.

— Да, я ничего не вижу, — неторопливо заговорил он, уже не скрывая своего давления в словах. — Однако слух у меня отменный. Моих ушей будет более чем достаточно, чтобы оценить твою работу в подвижности. Или что-то не нравится?

Хоть улыбается и ласково лепечет, но и так понятно, что злится. Просто умело маскирует негативные эмоции, и от этого, если честно, еще страшнее.

Понимая, что уже наступает голой пяткой на торчащий гвоздь, Юн Лулянь слишком быстро закачал головой, не в

силах ответить от страха, что сковал глотку.

— Ну вот и хорошо, — сказал довольный Шимин Байинь, убирая руку и отступая. — Суншу Ичань, иди работай. А мы с Юн Лулянем пойдем туда.

— Х-хорошо, — кивнул Суншу Ичань и обеспокоенно взглянул на друга, буквально ставшего призраком. Тот едва не плача посмотрел в его сторону, на что Суншу Ичань покачал головой с опечаленным видом. — Прости.

Сказал он и развернулся, чтобы зайти в склад. Он бы при всем желании помочь не смог, ведь таков был приказ самого Шимин Байиня. А слепец пусть и славился более терпеливым и снисходительным нравом, чем генерал Цайфу Чу, но все же предел терпения у него был. А по мнению Суншу Ичаня нет ничего страшнее, чем гнев терпеливого и молчаливого человека.

Кое-как открыв уже заклинившую дверь, Юн Лулянь тут же закашлял от толстого слоя пыли, что влетел ему в лицо. Прикрываясь и отмахиваясь, он смог оглядеться. Повсюду был один уже полусгнивший хлам. Благодаря окнам свет сюда проникал, но в целом было темновато, пока глаза не привыкнут.

Под скрип пола Юн Лулянь осторожно зашел внутрь, опасаясь, не обрушится ли на них крыша. Эти склады явно уже

небезопасны, и по-хорошему их перестроить, а то и вообще снести.

Но тут с трудом открытая им дверь без какого-либо сопротивления закрылась. Легкие шаги, подымавшие пыль прямо как у опытного убийцы, заставили Юн Луляня застыть. Поворачиваться он не смел.

Но Шимин Байинь со всей своей кошачьей грацией, убрав руки за спину, прошел мимо него так, словно не замечает. Он остановился, продолжая стоять спиной к напуганному юноше.

Бегая глазами по сторонам, Юн Лулянь попытался заговориться:

— Эмм... Простите. Мне нужно вынести все это и...

— Ты не настолько глуп, чтобы не понимать, чего я хочу, — поторопился проговорить Шимин Байинь, повернувшись уже боком и подойдя к окну. — Мне с твоего появления не дает покоя множество вещей.

Чувствуя неладное, Юн Лулянь отошел на шаг назад.

— И что же так беспокоит верховного господина в этом жалком слуге?

— Ой, прошу, не напрягайся так, — усмехнулся и махнул рукой Шимин Байинь. — Я уже понял, что парень ты не в угоду себе честный. Читаешь атмосферу неплохо. И наблюдательность развита прямо как у дикого зверька. Знаешь, когда стоит смолчать. Учитывая, в каком кошмаре ты рос, это очевидный результат, но при этом... — Растянув губы в

неопределенной улыбке, он повернулся к озадаченному Юн Лулянью. — Ты все же можешь доверять и проникаться к другим людям симпатией. Я думал, ты будешь более скрытым, если не коварным обиженным мальчишкой, который только носит шкуру агнца.

— Не то чтобы я не понимаю, о чем вы, — неуверенно сказал Юн Лулянь. — Я обижен на свою семью и окружение, и чтобы выжить, мне пришлось вести не самую честную игру, но это не значит, что я должен питать ненависть ко всем людям. Не говоря уже о том, чтобы отвечать злом на добро.

— Хмм. Значит, и на императора ты зла не держишь?

— О чем это вы? — не понял Юн Лулянь. — Я ведь ему жизнью обязан. Его Высочество позволил мне здесь остаться и работать. Как я могу...

— Но ведь именно Ливэй устроил полную реформу всего Всемирия. Подумай сам. Если бы не он, твоя семья не была бы сослана на окраины. И ты сейчас мог бы быть высокопоставленным членом общества. Твоих старших братьев бы не казнили, мать не умерла бы от горя, а отец и младший брат любили и ценили тебя. Часть твоих страданий, которые ты не желаешь кому-либо показывать, лежит и на У Ливэе, из-за которого тебе жилось как в аду. Ты имеешь полное право ненавидеть его.

Юн Лулянь, слушая это, ощутил резкую горечь во рту. Он смотрел на Шимин Байиня с мрачностью, сжимая кулаки. На левой ладони осталась та метка после неудавшейся церемо-

нии, и ее он не желал никому показывать.

— Вижу, ты недоволен моими словами, — невозмутимо подметил Шимин Байинь. — Знаешь, Юн Лулянь, тебе может показаться, что я сейчас издеваюсь над тобой, но на деле я просто проверяю почву, скажем так. Я чувствую, что к императору у тебя нет никакой тайной злобы или ненависти, и это меня восхищает в тебе.

— А? — лицо парня вытянулось от удивления. — Восхищает? Вас?

Шимин Байинь кивнул.

— Обычно ведь народ всегда винит в своих бедах именно тех, кто сидит у власти. И по большей части это правда. Настоящий император должен четко понимать, что без народа он никто. И если народ отвернется от него, сама сущность императора более не имеет смысла. Я был с Ливэем практически всю его жизнь, а потому понимаю, что то, что он сделал, было... Рискованно. Все-таки мы столько веков зависели от воли небожителей, а тут жалкий по их меркам человек смог то, что давалось лишь злодеям в сказках. В те времена была та еще смута. Никакого намека на светлое будущее. Многие отвернулись от Ливэя, и с ним остались только его Нефритовые братья. Честно, тогда я думал, что мы не сможем ничего изменить.

Юн Лулянь никак не мог понять, почему он ему об этом рассказывает, однако решил поддержать разговор.

— Значит, вы втроем смогли перевернуть целый мир?

— Втроем? Хе-хе. Нет. Раньше нас было больше. Ху Цзямянь получил этот титул не так давно. Поэтому его это не касается. Еще до самой революции с нами в одних рядах были Лао Аньцзун и Юнь Шаньцюэ. Но, увы, более их нет в этом мире.

Лао Аньцзун? Если Юн Лулянь правильно помнит, это имя самого известного лекаря во всем Всемирии, который смог разработать лекарства от многих болезней. Лао Аньцзун в свое время возглавлял целую секту лекарей и пользовался огромным уважением в народе. Говорят, ни один ныне живущий врач не может сравниться с ним в мастерстве.

Общеизвестно, что он умер спустя какое-то время после Трехсторонней войны, но как и почему дословно не ясно.

А Юнь Шаньцюэ был самым старшим из всей пятерки, и именно он выделялся острым умом и стратегическим талантом. Войну У Ливэй без прикрас смог выиграть с его помощью и умением мыслить на несколько шагов вперед.

Если уж вспоминать причину его смерти, то тут тема далеко не радужная. Ведь его приказал казнить за измену сам император. Это случилось через какое-то время после войны. Юнь Шаньцюэ помог спасти одному из небожителей башен, за что и понес такое наказание.

У Ливэй этим поступком наглядно показал, что никого щадить не будет. Даже тех, кто был ему верным соратником. А ведь он был его учителем и заменил старшего брата.

Да грустно как-то это всё и не приятно. Ведь помимо каз-

ни имя Юнь Шаньцюэ было вычеркнуто из самой истории Всемирия. Если его кто и знает сейчас, так это как опозоренного человека, предавшего доверие императора и получившего заслуженный конец.

— Ну что-то мы отвлеклись, — хлопнул в ладоши Шимин Байинь, задорно рассмеявшись. Правда, смех этот был пустой. — Юн Лулянь, позволь спросить. Если я попрошу сейчас назвать всех членов семьи Юн, ты сможешь это сделать?

— Что? Ну... Имена родителей и братьев я назову без труда, но своих далеких предков я не знаю.

— Значит, родителей точно назвать сможешь?

Насупившись, Юн Лулянь уже не скрывал своего раздражения.

— Господин Шимин, я не понимаю, к чему вы ведете. Прошу, выражайте свои вопросы ясно.

Тонкие брови Шимин Байиня заинтригованно приподнялись, а уголки губ вздернулись. Из-за закрытых глаз кажется, что его лицо остается полностью неизменным, как красивая картина, однако с такого расстояния Юн Лулянь отчетливо различал, что своей дерзостью он его задел.

— Тут такое дело, — вежливо продолжил Шимин Байинь, приложив палец к подбородку. — По просьбе Ливэя, мои люди, тщательно проверили твою родословную. Все-таки мало ли, может, ты не тот, за кого себя выдаешь. И знаешь что? — Он вновь наклонился неприлично близко, прижав указательный палец к груди взволнованного Юн Луляня.

Длинные ресницы встрепенулись, а веки неожиданно прикрылись, показав блеклую радужку. — В семье Юн никогда не было и нет человека с именем Лулянь.

Глава 20 - Принцы

Услышав о том, что его имени нет ни в бумагах, ни на словах, Юн Лулянь был поначалу удивлен, но постепенно его начал одолевать гнев, который скрыть лицом не получалось.

Шимин Байинь, что буквально прижал его к стенке, скорее всего, уже почувствовал это своим каким-то обостренным чувством, раз зрение было лишено с первым вдохом своей жизни.

Юн Лулянь не собирался кричать или отмахиваться, он не настолько поддается эмоциям, понимая, что его жизненная ситуация хрупка, как подтаявший лед в лучах весеннего солнца. Став слугой дворца, он трезво осознает, что по факту продал свою жизнь этому месту. И те, кто этим местом управляют, по щелчку пальца у него эту жизнь отберут.

Здесь от такой участи не застрахованы даже элитные слуги четырех благородных домов. Что уж говорить про обычного паренька с окраин?

И все же Ему хотелось прояснить это спокойно и мирно. Где-то в душе Юн Лулянь понимал, что Шимин Байинь его с большой вероятностью злит намеренно. Вывести человека на эмоции лучше всего, заставив сболтнуть что-то примечательное и нужное.

Но на одну нелогичность Юн Лулянь все же решил ему указать:

— Господин Шимин, вы, наверное, упустили один важный факт, прежде чем сказать это мне, — голос юноши был ровным и звучал четко. Он старался, и все же нотки злости скрыть не смог. — Я ведь вам уже говорил, что в своей семье я был как бельмо на глазу. Вы серьезно думаете, что мое имя там кто-то захочет запоминать? Не после того, как я обрубил последние надежды на возможное процветание.

Юн Лулянь поднял горящий взгляд, смотря прямо в эти затянутые белой пленкой, но цепкие неподвижные зрачки. Красивое лицо Шимин Байиня, которое можно принять за женское со стороны, осталось неизменным. Только губы сошлись в мягкую, но при этом скрытую, как ядовитый кинжал, улыбку.

— Не то чтобы я не помнил, — выдохнул Шимин Байинь. — Я тоже так было решил, что члены твоей семьи предпочли умертвить тебя при жизни, чем хранить память на века. Однако в твоей истории полно несостыковок. К примеру, как я узнал, у твоей матери было всего три сына. Четвертого она не рожала. По крайней мере, это нигде не зафиксировано.

— Что? — опешил Юн Лулянь.

Довольный тем, что смог его задеть, Шимин Байинь отошел и, скрыв руки под рукавами, продолжил:

— Судя по голосу, ты этого не знал. Что же. Твое удивление заставляет думать, что ты не врешь.

— П-подождите! Что значит «у моей матери всего три сына»? У меня были два старших брата, а еще младший!

— Да и про их существования знают. Ведь тех двоих, что служили в армии, позорно казнили у всех на виду. Ну а младший, сквернословный пиявочник, был не раз выгнан из возможных мест для обучения самосовершенствованию. Его я тоже видел, так что могу сказать, что он существует. Ну а ты вроде как третий. Про тебя даже там никто не слышал ни разу. И я бы не был так напорист, если бы только твоя семья об этом сказала, однако никто с окраин ни до падения семьи Юн, ни после не знает человека по имени Юн Лулянь. На это что скажешь?

А тут все просто, ему нечего сказать. Шок душил его шею подобно болтливому ядовитому удаву, один укус которого заставляет терять связь с реальностью.

Легко можно выдать что-то вроде: «Они все просто сговорились и решили забыть про надоедливого парня, похожего на бродячего пса». То, что ему всегда желали сдохнуть, как вшивой собаке, Юн Лулянь слышал каждый божий день.

Одно дело — отец с братом и слуги, что остались, но совсем другое — жители окраин. Если Шимин Байинь не клеветает и про Юн Луляня взаправду никто не знает, то это уже какая-то магия чистой воды.

Про бездарного паренька, что ворует и обманывает, а по ночам ночует либо в подвалах борделей, либо на сене в полях, не знал разве что глухой. Его репутация в тех местах была настолько скверной, что если ее можно было опустить в воду, вся рыба и мелкая живность сразу же бы умерла.

Но Юн Лулянь встряхнул голову, не давая подвести себя к порогу страха и отчаянья. У него еще была возможность прояснить это либо заставить Шимин Байиня думать иначе.

Настораживало то, что он не понимал, для чего это все нужно Нефритовому Брату Императора. Это как-то глупо — принимать на службу того, в ком ты сомневаешься.

Скорее всего, в глазах императора и его приближенных Юн Лулянь не был особой угрозой, а все, что происходит сейчас, — лишь подведение фактов, которых не хватало изначально. Их недоверие более чем обоснованно, вот только если сейчас дать себя задавить, это равносильно добровольному подписанию смертного приговора.

Набрав грудь побольше воздуха, Юн Лулянь уверенно заговорил:

— Господин Шимин, а ваша информация точно верная?

Брови Шимин Байиня удивленно приподнялись. Однако он не позволил изумлению выкрашивать его идеальное лицо слишком долго.

— Я простой слепой человек. У меня нет особых сил, как у генерала Цайфу Чу, и я не так умен, как Его Величество, потому я по большей части занимаюсь сбором и обработкой информации, — пояснил он, едва заметно нахмурившись. Его глаза были уже прикрыты, а губы поджаты. — Я занимаюсь этим не первый год, и ты хочешь сказать, что я и мои доверенные люди лгут?

— Вы неправильно поняли. Я никого не обвиняю. Однако

я прошу вас все-таки перепроверить это, если вас подобное волнует.

— С чего бы?

— Потому что я верю себе, — прямо и решительно ответил Юн Лулянь. Шимин Байинь вновь опешил, на сей раз сильнее. — Не знаю, как вы и ваши люди работаете, но лично я могу досконально и без запинки перечислить вам все, что знаю о себе. День и год моего рождения. Что было до падения моей семьи, ритуал, через который я прошел, и что было после, когда он провалился, потому что небеса отказались нас принять. Самые худшие дни моей жизни до прибытия в дворец. Горы и леса, по которым я лазил, ища пропитание. Имена проституток из двух знакомых мне борделей. Вредного дядьку, у которого воровал фрукты. Могилу бабушки, разрешавшей ночевать у нее в доме, что умерла два года назад. Каждого карпа в своем пруду. Могу рассказать, как дерьмого проводил каждый Новый год на улице среди снегов и что не замерз насмерть лишь благодаря бродячим собакам, что грели меня. Если хотите, перечислю места и

— Довольно, — мягко перебил его Шимин Байинь, выставив вперед руку, а потом убрав ее. Он не улыбался и опустил закрытый взгляд куда-то в пол. Казалось, Шимин Байинь о чем-то думает, ибо вид у него был далеко не расслабленным. — У меня голова что-то разболелась. Не стоит мне так долго находиться в закрытом и грязном помещении, — с безразличием сказал он словно себе и развернулся, направ-

ляясь к выходу.

Он будто перестал замечать Юн Луляня вовсе. Точнее, решил разорвать все нити из разговора окончательно. А Юн Лулянь, как громом пораженный, стоял, во весь раскрыв глаза, не понимая, с чего такая реакция.

Какая-то часть его ликовала, что он вышел из этого победителем, да только дурак будет радоваться, ведь выиграл он битву, а не войну.

— Господин Шимин! — Юн Лулянь поспешил за ним к выходу, но тот уже вышел из здания. Для слепого он быстро ориентируется и ходит. — А как же

— Господин Шимин, у меня новости! — К мужчине тут же подбежал Суншу Ичань. Выставив руки, он учтиво поклонился и продолжил доклад: — Люди из дома Хризантемы пришли, с ними глава дома, госпожа Яньсе.

— Вот как? Это хорошо, — как ни в чем не бывало улыбнулся Шимин Байинь и похлопал Суншу Ичаня по плечу. — Спасибо, что сказал. Мне как раз нужно было дать им распоряжения. Помогите лучше своему другу.

— Как прикажете! — С гордостью кивнул Суншу Ичань, отходя в сторону, чтобы пропустить господина вперед.

В нескольких метрах стояла группа из десяти человек, одетых в нежные розовые и белые цвета. Почти все юноши, но настолько привлекательные, что и от девушек не отличишь. Такие ухоженные и утонченные. Казалось, духами от них веет аж до сюда.

Впереди всей группы стояла молодая женщина среднего роста. Ее светлые волосы были идеально уложены и украшены золотыми заколками. Одежда у нее была того же цвета, что и у других, но явно богаче и красивее. Сложно сказать, сколько ей лет, но выглядела она едва ли старше Чоу Юэсяо.

— Это Яньсе Мине, — объяснил подошедший к смотрящему в ту сторону Юн Луляню Суншу Ичань. — Это в ее доме и под ее руководством ты должен был быть изначально.

Юн Лулянь бегло взглянул на друга, а потом снова на толпу, к которой подошел Шимин Байинь.

— Ясно. А она не выглядит как плохой человек, — заметил Юн Лулянь.

— Ну да, по сравнению с господином Миншэном она нежный и благоухающий бутон магнолии.

Юн Лулянь скривил губы в отвращении.

— Ты что такое говоришь, Лао Ичань! По сравнению с этой небесной девой этот дядька в душе засохший кривой сорняк, что цепляется за каждого, так еще и ядом плюется!

— Никогда о таких цветах не слышал, — серьезно задумался Суншу Ичань. — На окраинах такие есть?

— Это фигура речи!

Оставшиеся недели пролетели как миг. Каждое утро для слуг начиналось очень тяжело, но день за работой, что дли-

лась почти до самой ночи, заканчивался так, будто его и не было.

Все тщательно готовились к приезду принцев, и последняя неделя, когда главы домов проверяли работу своих подчиненных, была самой трудоемкой и тяжелой. Больше всех напряжение было именно в Чжу Лоу Цзя, так как этот дом занимал лидирующие места и опозориться было смерти подобно. Поэтому Миншэн Чжэньли явно решил, что в это время у него будет-таки повод придираться к Юн Луляню.

Не дай бог не так уберёшься, что-то сделаешь не так или опоздаешь Голодом его уже не морили, но зато орали часами напролет, так что голова к ночи болела сильнее измученного за день физической нагрузкой тела.

Праздник был настолько масштабный, что его отмечали в самой столице. Во дворце Ван Ши тоже было всё украшено и сделано с изыском. Везде висели украшения, на дорогах красные ковры, во дворах стояли столы с различными блюдами и выпивкой для богатых господ.

Что было интересно, некоторые деревья зацвели, и с пышных зонтов, подобных снегу, слетали белые лепестки, что лишь добавляло красочности этому дню.

До официального события было еще несколько минут, пока центральные фигуры в виде императора, его жены и наложниц готовились ко встрече с долгожданными наследниками, возвратившимися домой. Поэтому Юн Лулянь на пару с Суншу Ичанем могли еще походить и насладиться сво-

бодой.

Сейчас приемом и обустройством гостей были заняты простые слуги. Слуги из благородных домов занимались делами внутри дворца, и им было разрешено угождать лишь самым высокопоставленным людям, начиная с императора и заканчивая его приближенными.

Однако подпускали для этой работы самых опытных и тех, кто дольше всех работал. Все-таки такие люди больше всех внушали доверия, да и сам император знал их в лицо. Главы домов со стороны контролировали процесс. Юн Лулянь видел, как господин Миншэн и другие были напряжены до предела.

Следили, как ястребы, и если замечали что-то неладное, старались вмешаться как можно незаметнее. Ведь на этом приеме император с его семьей будет сам решать, кто из домов лучше всех справляется с работой.

А в канун Нового Года каждый раз объявляют о том, чей дом возглавит остальные. И такой лидирующей позиции Чжу Лоу Цзя удерживает уже десять лет.

Так что, хоть это и масштабный праздник, слугам недозволенно было особо им наслаждаться. Перерывы были короткими, едва ли десять минут, и то всего пару раз за целый день. Суншу Ичань еще утром посоветовал Юн Луляню мало пить и поесть сытно сразу, потому что никого никуда надолго не отпустят.

Просто сейчас так повезло, что их с Суншу Ичанем под-

менила другая пара из их дома. А они просто решили воспользоваться возможностью для отдыха.

Утром они до боли в желудке объелись рыбой в соусе, салатами, закусками из мяса птицы и фруктовым вином, больше похожим на сок, чем на алкоголь. Это нужно было, чтобы не опьянеть. Стоит сказать, еда на завтрак была сегодня праздничней обычного.

Повар Чжу Лоу Цзя, мускулистый дядька, выглядел грозно, когда готовил, настолько грозно, что и подойти страшно, но оказалось, что он очень общительный и был одним из немногих, кто отнесся к Юн Луляню без какой-либо предвзятости.

Наоборот, считал, что тот слишком худой, и порой давал ему такие порции, что осилить в одиночку даже парню было сложновато. Суншу Ичань первое время ворчал, что тот берет больше, чем может съесть, хотя это была не его вина.

Их зеленые одежды с подвесками в виде бамбука обычно были тоньше и легче, но из-за официальности пришлось надеть более сложную версию, предназначенную к поздней осени и зиме. А учитывая, что на улице было тепло и с каждым часом становилось едва ли не жарко, Юн Лулянь уже обильно потел и махал на себя рукой, чтобы сбить нагревание тела.

— И до скольких продлится этот праздник? — устало спросил Юн Лулянь, налив себе в чашу, взятую со стола, холодного вина.

Невозмутимо стоявший рядом Суншу Ичань скрестил руки на груди, осматривая набитый до отказа стол из морепродуктов.

— Обычно все праздники длятся до самого утра. Ну, по крайней мере в теплое время года. Зимой к вечеру мы обычно уже убираемся, — ответил Суншу Ичань, подметив тарелку обжаренных золотых креветок. Взяв тоненькую заостренную палочку, он проткнул креветку и, подождав, пока масло стечет, отправил ее в рот, медленно прожевывая. — Но тебе не о том переживать надо. Утром ноги так болеть будут, что ни одна мазь не поможет. Поверь, сам долго от этого мучился.

— А сейчас, значит, не страдаешь? — со вздохом отпив вина, спросил Юн Лулянь, вытирая пот со лба.

— Со временем ко всему привыкаешь, — пожал плечами Суншу Ичань, и они пошли дальше сквозь толпу. — Мы еще молоды, так что легче такое переносить.

— Я больше привык жить с уверенностью, что до старости не доживу, — усмехнулся Юн Лулянь. — Поэтому как-то не заботился о том, что ждет меня через год или два.

— А по мне, так лучше всего и жить, — неожиданно серьезно выдал Суншу Ичань, чем удивил Юн Луляня. Голос его друга стал довольно мрачным. — Пусть мы и слуги из элитного дома, где в изобилии еда и комфорт, но на деле мы просто расходный материал, ничем не отличающийся от тех простых людей, что живут за стенами дворца. Может, ты по-

ка с этим и не сталкивался, но я за свои пять лет службы уже многое в этом месте повидал.

— Так, наверное, думаем только мы с тобой, Лао Ичань, — стараясь не нагнетать атмосферу, Юн Лулянь говорил легкомысленно, не придавая разговору значения. — Большинство слуг дома — отпрыски богатеньких семей. Им с пеленок не приходилось думать о том, чтобы выжить.

— Ни одно богатство никого от смерти не спасет. Уж в этом люди все равны.

Юн Лулянь уже нахмурился и поравнялся с другом, смотря на того с подозрением.

— Лао Ичань. А с чего это у нас такие философские разговоры? Я думал, ты опять начнешь ворчаааааааааааааааать!! Ай! Ай!

Крепкая рука Суншу Ичаня вытянулась в сторону лица говорившего Юн Луляня, и в этот момент, пока он говорил, его пальцы больно ущипнули за ухо и скрутили до хруста.

— А чтобы не расслаблялся! — пророкотал Суншу Ичань с лицом разъяренного тигра. Не важно, как вопил Юн Лулянь, он его не отпускал и, казалось, лишь сильнее сжимал. — А то ишь уже и за вино взялся! Если от тебя запах алкоголя почувствует кто-то другой, крышка всему дому!!

— Да оно же охлажденное! Да и не так много я выпил! Я от жары помру!

— Тогда пей воду!

— Да понял я! Понял!! Отпусти ухо, Лао Ичань!

Вдруг по всей территории послышались синхронные удары в гонг. Два евнуха били колотушками по центру по очереди. Несколько таких инструментов располагались во дворе для приема и в центре дворца.

Все застыли, и оторопевший Суншу Ичань, отпустив хныкающего Юн Луляня, быстро и взволнованно посмотрел в сторону ворот, ведущих во дворец с их стороны.

— Это сигнал! Похоже, началось! — воскликнул он, схватив Юн Луляня за руку. — Быстрее! Нужно бежать к остальным!

— Ч-чего?! Стой, Лао Ичань! Ты куда так несешься?! Я же упаду-у-у!

«А все-таки в толпе жара ощущается куда сильнее, — протяжно подумал про себя Юн Лулянь, измученный жарой. — Ааааххх~ Жарко~ Пить хочу! Еще и стоим во втором ряду, ни перед, ни зад на ветер не попадают!»

Юн Лулянь уже минут десять стоял среди выстроенных людей в зеленых одеждах из дома Бамбука. Три ряда по тридцать с чем-то человек, и впереди всех стоял Миншэн Чжэньли.

Люди из Чжу Лоу Цзя стояли на восточной стороне двора, Ли Лоу Цзя — на юге, Ланьхуа Лоу Цзя — на западе и Цзюйхуа Лоу Цзя — на севере. Лидеры стояли впереди всех

рядом и стойко, словно божественные неподвижные статуи, следили за центром, во главе которого стоял император, его жена и два Нефритовых Брата.

У Ливэй и с братьями не сказать, что выглядели прямо торжественно. Цайфу Чу доспехи поновее нацепил, а Шимин Байинь лишь надел новый наряд, но белый цвет слепил глаза еще сильнее, чем раньше. А Его Высочество как был в черных одеждах, так и остался. Только его жена У Хуньюй броско оделась в серебристое ханьфу и украсила свои белые волосы всякими украшениями, среди которых ее рога выделялись посильнее золота или серебра.

Здесь также были чиновники с семьями, и военнослужащие. Солдаты охраняли все слабые стороны двора, чтобы до-бавить расслабленности остальным.

Все ждут прихода принцев, и после этого начнется настоящее празднество. Юн Лулянь краем глаза заметил трех девушек, сидевших в самодельной беседке подальше от остальных. Их он узнал сразу. Это были наложницы императора, но

Почему они сидят так далеко, если должны быть подле императора? Если так подумать, то, может, дело в его больной жене? Может, это она распорядилась, чтобы их не было поблизости?

Вид у У Хуньюй был довольно величественным, осанка прямая, а взгляд целеустремленным. Если бы не проклятье сорока четырех убитых Башэ, то она была бы точно прославилась небывалой красотой как женщина и как императрица.

Юн Лулянь старался как можно незаметнее зевнуть, но стоявший рядом Суншу Ичань, не меняя своего бесстрастного лица, больно наступил ему за это на ногу.

Вновь прозвучал удар в гонг, но на сей раз вместе с громким голосом в начале двора.

— Прибыли их высочества! Наследный принц У Вэйцзе и младший принц У Чжэньси!

Все из присутствующих как один склонили голову перед выставленными руками, и во вдоре ничего не слышно, кроме ветра. Запоздало, но Юн Лулянь повторил за другими, а сам приоткрыл один глаз и чуть приподнял лицо, чтобы видеть.

Шимин Байинь и Цайфу Чу тоже стояли в почтительном поклоне, только император и его жена не сделали этого, смотря прямо.

Под легкую музыку флейт и барабанов под россыпь белых лепестков в сопровождении слуг шли два мальчика.

Тот, что был выше, крепче и смуглее, в темно-синих одеждах, с убранными в высокий пучок волосами, явно был первым принцем У Вэйцзе. Для ребенка он уже выглядел важно. Скорее всего, потому что на наследного принца давления куда больше.

Рядом с ним шел У Чжэньси, хрупкий, с большими глазами и улыбкой. Больше походил на девочку. Прическа была неряшливой, однако это из-за вьющихся волос. В отличие от старшего серьезного брата, У Чжэньси производил впечатление мечтательного и мягкого ребенка.

«Так вот какие они, сыновья императора, — подумал Юн Лулянь. — Да, сразу видно, что дети из императорского рода. На их фоне даже дети чиновников — невзрачные воробы».

У Ливэй не постеснялся показать радушную улыбку и вышел вперед навстречу сыновьям. У обоих мальчишек заметно загорелись глаза, а У Чжэньси во всю заулыбался.

Со стороны видно, что отец и его дети полны радости от этой встречи, пусть никаких открыто и не показывают из-за своего высокого статуса. У Хуньюй осталась стоять на месте и лишь смиренно прикрыла глаза.

Император и его дети поклонились друг другу.

— Мы вернулись, отец, — проговорили принцы одновременно.

У Ливэй улыбнулся еще теплее:

— С возвращением, дети мои.

Юн Лулянь оторопел. Он не ожидал, что Сметный Дракон с его пресловутой репутацией будет вести себя куда сдержанней на публике среди народа.

После этого радостного семейного воссоединения начался бурный праздник.

Глава 21

Миссис Д

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.